

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Искра“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издаше А. Ф. МАРКСА.

1903.

АЛОЖЕТИ Э. Д.

Артистическое заведение А. Ф. МАРКСА, Шамайл. пр., № 29.

ГОРА.

ЕГИПЕТСКАЯ ПОВѢСТЬ.

(По древнимъ преданіямъ.)

«Этотъ анекдотъ совершенно древній. Такой случай нынче не сбыточенъ, какъ сооруженіе пирамидъ, какъ римскія зрѣлища—игры гладіаторовъ и звѣрей».

(Египетскія ночи.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Очень давно въ Александріи египетской, при римскомъ господствѣ, жилъ знаменитый и славный художникъ, по имени Зенонъ. Онъ съ необыкновеннымъ, тонкимъ искусствомъ дѣлалъ изъ серебра и золота роскошную утварь и художественныя вещи для женскихъ уборовъ. По роду своихъ занятій онъ назывался «златокузнецъ». Происходило это въ то время, когда въ Александріи, въ тѣсномъ другъ съ другомъ соудетвѣ и въ близкомъ общеніи по дѣламъ, жило много людей разныхъ вѣръ, и всякій почиталъ свою вѣру за самую правильную и за самую лучшую, а чужую вѣру не уважалъ и порицалъ. Были также и такіе, которые, чтобы жить въ мирѣ и тишинѣ, не оказывали своего вѣру, а держали ее въ себѣ тайно и ни въ какіе споры не вступали.

Зенонъ златокузнецъ былъ потаенный христіанинъ, но община александрійскихъ христіанъ его своимъ не считала, и самъ онъ держался отъ нея въ отдаленіи. Ему было удобнѣе не сообщаться, потому что, наученный христіанству какимъ-то сирійскимъ зашельцемъ въ Египетъ, Зенонъ

не о всемъ мыслить совершенно такъ, какъ принято было безъ разсужденія другими христіанами въ Александріи. Поэтому и тѣ немногіе изъ открытыхъ христіанъ, которые знали Зенона, почитали его стоящимъ на ложномъ пути, онъ къ нимъ насильно не шелъ; но никогда съ ними и не спорилъ, а жилъ самъ по себѣ въ отдаленіи, въ тихомъ, прехладномъ загородномъ урочищѣ за палестрою, на дынныхъ огородахъ.

По художеству, которое тогда называлось «златокузною», Зенону не было равнаго—не только въ Александріи и въ Фивахъ, но и въ цѣломъ Египтѣ. Браслеты, стижки и головные уборы работы Зенона славны были даже въ Антиохіи. Всѣ именитыя женщины обоихъ этихъ роскошныхъ городовъ нанеребой непремѣнно хотѣли имѣть украшенія, сдѣланныя этимъ искуснымъ мастеромъ. Евреи изъ Антиохіи дѣлали ему большіе заказы и, забирая себѣ его «златокузню», увозили его художественныя произведенія въ свой городъ и тамъ продавали по чрезвычайно высокой цѣнѣ и наживали большія выгоды. Зенонъ былъ очень досужъ и трудолюбивъ, но, при всемъ томъ, онъ не усилъвалъ исполнять всѣхъ дѣлаемыхъ ему заказовъ, и недосугъ его простирался до того, что онъ не имѣлъ даже времени ни для какихъ удовольствій и часто некогда было даже о себѣ обдумать. Ему шелъ уже тридцать первый годъ, и онъ имѣлъ хорошій достатокъ для того, чтобы жить безнуждно съ семьею, а онъ все еще ходилъ холостой, былъ совершенно одинокъ и жилъ въ своемъ уединенномъ, но хорошо устроенномъ домѣ за дынными огородами. Въ прислугѣ у него для помощи былъ одинъ непомѣрной силы персійскій, который былъ ему беззавѣтно преданнымъ и вѣрнымъ слугою, хотя самъ этотъ человѣкъ былъ язычникъ и ходилъ совершать таинства Митры.

Зенонъ былъ домосѣдъ и на свободѣ любилъ читать и размышлять о высокихъ вопросахъ. Проработавъ цѣлый день, онъ только вечерами выходилъ за порогъ своей мастерской, садился на каменную скамейку подъ широколиственнымъ платановымъ деревомъ и отсюда любовался вечернимъ закатомъ краснаго солнца за кушы деревьями, читалъ сочиненія о высокихъ предметахъ или катался по Нилу, самъ управляя своею баркою подъ клѣтчатымъ шелковымъ парусомъ. По всѣмъ домашнимъ дѣламъ Зенона въ городѣ

ходилъ и справлялъ ихъ персіянинъ, однако въ Александріи всѣ знали Зенона, не исключая лицъ именитыхъ, и многіе почитали за честь быть съ нимъ въ знакомствѣ, такъ какъ онъ въ своемъ родѣ тоже былъ знаменитъ,—но Зенонъ былъ скромнень и отъ почета всегда удалялся. Богатые щеголихи Александріи или наперебой одна передъ другою, чтобы имѣть Зенона себѣ для услугъ, и платили очень дорого, лишь бы только перещеголять другъ друга, но ихъ было много, а Зенонъ одинъ, и потому это не помогало. Всѣмъ Зенонъ не могъ услужить.

Тогда одна знатная дама вздумала присвоить себѣ искусство художника иначе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ Александрію пріѣхала изъ Антиохіи одна молодая и чрезвычайно красивая вдова, по имени Пифорисъ или Пифора. Она была очень богата и до того избалована, что не знала мѣры своимъ прихотямъ и не переносила никакого возраженія и отказа. Воздерживаться и останавливаться въ осуществленіи какихъ бы то ни было желаній было для нея такъ несносно, что она объ этомъ не хотѣла и думать, а цѣль ея, по пріѣздѣ въ Александрію, прежде всего, заключалась въ томъ, чтобы превзойти своею пышностью всѣхъ самыхъ роскошныхъ александрійскихъ красавицъ. Отказаться отъ этого суетнаго желанія Пифора не согласилась бы ни за что на свѣтѣ, такъ какъ вся Антиохія знала ее за самую изысканную красавицу, которая своею роскошью и увлекательностью затмевала собою всѣхъ иныхъ прекрасныхъ женщинъ, блиставшихъ красой и нарядами на празднествахъ въ роигѣ Дафны. Наряды Пифоры были прелестны, но чтобы сдѣлать ихъ еще болѣе замѣчательными, она захотѣла имѣть самый лучший выкованный изъ золота уборъ, какой послали щеголихи въ Александрію, но только непременно, чтобы онъ былъ лучше, чѣмъ всѣ подобныя уборы, какіе до сихъ поръ были сдѣланы. Она послала за Зенономъ, но Зенонъ отказался прійти, сказавъ, что ему недосужно. Пифора послала за нимъ второго посла и велѣла ему обѣщать Зенону такую плату, какую самъ онъ захочетъ, но Зенонъ отвѣтилъ послу: «Скажи твоей госпожѣ, что я работаю сколько могу и сверхъ силы моей не принимаю заказовъ. Всѣмъ угодить я не усѣю, а наблюдаю очередь, и никакая богачка не

можетъ предложить мнѣ ничего такого, что заставило бы меня отступить отъ справедливаго порядка».

Когда посланные къ Зенону во второй разъ возвратились безъ успѣха и передали отвѣтъ художника Нефорѣ, то эта избалованная и непривычная ни къ какимъ возраженіямъ модница впаала въ ужасную гнѣвность и дошла до такого безумія, что велѣла подвергнуть безжалостному наказанію рабовъ, которыхъ послала къ Зенону, а для себя приказала сейчасъ же осѣдлатъ бѣлаго мула и приготовить ей длинное и густое покрывало, въ которое могла быть завернута вся ея фигура съ головою.

Нефорисъ рѣшилась сама отправиться къ Зенону и во что бы то ни стало принудить художника сдѣлать для нея самую красивую золотую діадему, съ самыми тонкими и изящными цѣпочками, скowanными легко и усаженными перлами одной величины и одного цвѣта.

Оба приказанія Нефоры были исполнены въ точности: рабы ея, ходившіе безъ успѣха къ Зенону, были наказаны ударами воловьей жилы, а ей былъ поданъ бѣлый мулъ, покрытый роскошнымъ ковромъ, съ уздою изъ переплетенной широкой, зеленой и желтой, тесьмы, съ золотистою сѣткою на чолкѣ и съ длинными кистями вмѣсто вторыхъ поводьевъ. У этихъ поводьевъ стоялъ нѣмой сиріецъ изъ Тира, въ ярко-красной, до пятъ его достигавшей, длинной одеждѣ.

Нефора сѣла на своего мула, и красный сиріецъ повелъ красивое животное за поводья, не зная, куда его госпожа отправляется. Онъ только оглядывался на свою госпожу при поворотахъ и распутьяхъ и слѣдовалъ мановенію ея опыхала.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Какъ сказано выше, Зенонъ, удаляясь отъ шума, жилъ за городомъ въ уединенной красивой мѣстности, до которой было весьма далеко отъ жилища Нефоры. Дорога сюда шла сначала городомъ, потомъ тѣнистою аллеей, по которой не затихало очень сильное движеніе. Нефорѣ встрѣчались рабы, несшіе въ паланкинахъ женщинъ, ее съ грохотомъ обгоняли парные колесницы на мулахъ и на рослыхъ коняхъ съ подстриженными гривами, а потомъ путь становился безлюднѣй и тише. Тутъ Нефора почувствовала

свою неосторожность: она не знала дальне дороги къ жилищу Зенона.

Отъ аллеи начинались мелкіе свертки по тропинкамъ въ удолия, утокувшія въ платановыхъ рощахъ. У одного изъ этихъ свертковъ подъ вѣтвистымъ деревомъ сидѣлъ старый амаликитянинъ и ѣлъ дыню; возлѣ него жевала свою жвачку такой же старый верблюдъ. Нефора спросила у амаликитянина, не знаетъ ли онъ, гдѣ живетъ Зенонъ златокузнецъ.

— Я не здѣшній, — отвѣчалъ амаликитянинъ: — по побзжай далѣе и ты увидишь подъ деревомъ дѣвочку, которая пасетъ козъ, — та здѣсь живетъ и всѣхъ знаетъ, — она тебѣ можетъ сказать о томъ, кто тебѣ нуженъ.

Нефора дала знакъ сирійцу и тотъ повелъ ее мула дальше.

Вскорѣ они увидали широколиственное дерево, подъ которымъ паслись четыре желтыя козы и посреди ихъ сидѣла на травѣ простоволосая, босая дѣвочка въ грубой рубашкѣ изъ холста коричневаго цвѣта.

Нефора спросила ее о Зенонѣ.

Босоногая дѣвочка тряхнула своими слизми кудрями и отвѣчала:

— Конечно, я знаю, гдѣ живетъ красивый и добрый Зенонъ. Я пошу ему молоко отъ нашихъ козъ, и онъ часто даритъ мнѣ дыни и винограды изъ своего сада. Ни добрѣй, ни красивѣй Зенона нѣтъ человѣка на свѣтѣ. Поверни направо по третьей тропинкѣ и ты увидишь поляну, съ которой заблестятъ воды Нила, а передъ тобою прямо будетъ садъ, въ томъ саду бѣлый домъ, съ пестрою крышей, и большой мѣднѣй анетъ надъ входомъ, — это и есть жилище Зенона.

Нефора взяла указанное ей направленіе, но опять скоро сбѣжалась въ извивахъ тропинъ и могла заблудиться. По счастью, ей встрѣтился человѣкъ, мрачнаго вида, съ треугольнымъ шрамомъ на лбу и съ большою корзиной, въ которой видны были плоды, фляга съ питьемъ и большая красная рыба. Нефора спросила его о Зенонѣ, а человѣкъ ей отвѣчалъ:

— Я слугитель Зенона, но я не могу возвратиться, чтобы проводить тебя къ нему, потому что я послѣдняю соединиться съ своими единовѣрцами, — мы идемъ справлять таинство Митры. Господинъ мой меня отпустилъ послужить

моей вѣрѣ и остался теперь одинъ въ своемъ домѣ. Обогни тотъ большой кустъ розъ, и ты увидишь дорожку, которая прямо приведетъ тебя къ его дому. Зеновъ теперь одинъ, онъ занятъ работою, но дверь въ его мастерскую открыта.

Сказавъ это, персъ показалъ ей, какъ надо проѣхать черезъ поляну, гдѣ зрѣли ароматныя дыни, и Нефора, проѣхавъ межъ сирени, жасминовъ и розъ, увидела вдаль, какъ катилъ воды Нилъ, а вблизи, въ чащѣ кустовъ, стоялъ бѣлый домикъ и на немъ, какъ живой, мѣдный аистъ на бѣломъ фронтонѣ. Вокругъ было все тихо; синее небо разстилалось какъ ровно покрытый шатеръ; солнце горѣло, въ воздухѣ стоялъ зной; на бѣломъ карнизѣ рядомъ сидѣли и пѣли черныя дрозды. Вокругъ дома было множество лилій и розъ, а у самыхъ стѣнъ и у блага мраморнаго порога лежали пѣлые пласты зеленого діарита. Здѣсь было свѣжо, тихо и цѣломудренно: здѣсь жилъ художникъ.

Усталая отъ далекаго переѣзда и отъ жара, Нефора сонла съ сѣдла и отослала мула и провожатаго вдаль подъ дерево, а сама осталась передъ открытою дверью Зенова. Теперь она, не переступая порога, могла видѣть всю его мастерскую. Это была очень большая и высокая квадратная комната безъ оконъ; мягкій свѣтъ проникалъ въ нее черезъ потолокъ, сквозь фіолетовую слоду, отчего все вещи казались обвитыми какъ будто эфирною дымкой. Посерединѣ комнаты на полированномъ красномъ порфирѣ красовался бронзовый ибисъ и изъ его клюва струилась свѣжая вода; стѣны окружены были колоннами и ровно окрашены красновато-коричневою краскою, на которой рѣзко выдѣлились бѣлыя мраморныя и лѣнные фигуры, изображавшія людей и животныхъ. Здѣсь были и легкія маски женщинъ, и тяжелыя головы фараоновъ, и задумчивыя морды верблюдовъ, и хищныя пасти крокодиловъ. Зеновъ, какъ большинство художниковъ того давняго времени, зналъ не одну златокузницу. Подобно извѣстному со временъ Амазиса художнику Θεодору, Зеновъ былъ и архитекторъ, и илавильникъ, и лѣшникъ, и ваятель, и во всемъ онъ былъ мастеръ и знатокъ, и любитель всякаго изящества, о чемъ и не мудрено было заключить по его жилищу, передъ которымъ теперь стояла Нефора, вдыхая оттуда прохладную свѣжесть и аромат, разливавшійся изъ красивыхъ, яркою поливой покрытыхъ тазовъ, въ которыхъ росъ золотистый мускусъ

и наполъть всю атмосферу своимъ запахомъ. Посреди всѣхъ художественныхъ произведеній искусства, наполнившихъ покой, стоялъ самъ художникъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Напомнимъ, что Зенону шель тридцать первый годъ. Онъ родился въ Милетѣ отъ красивой гречанки и галла. Природа дала ему стройный станъ, сильныя руки, огромную массу бѣлокурыхъ волосъ и огненные черные глаза, въ которыхъ свѣтилась самая плѣнительная доброта и благородная твердость. Онъ былъ въ длинномъ хитонѣ изъ мягкой шелковой матеріи сѣраго цвѣта, съ блѣднорозовыми кружками по краю; ноги его были обуты въ легкія желтыя сандалии, а буйныя русые волосы схвачены тонкимъ золотымъ обручникомъ съ бирюзною на лбу.

Онъ стоялъ спиной къ двери, облокотясь на подставку, на которой лежала глыба глины для лѣпки, и разсматривалъ съ сосредоточенностью деталь своей модели.

— Зенонъ!—позвала его Нефора.

Онъ вздрогнулъ и оборотился. Нефора нашла, что лицо его прекрасно, и переступила къ нему за порогъ въ его мастерскую.

— Ты не долженъ сердиться, что я прихожу къ тебѣ, художникъ. Меня привлекла къ тебѣ твоя слава. Женщины влечетъ къ себѣ слава, а ты славный художникъ. Я не здѣсь рождала и никогда тебя не видала, но слава твоя мнѣ извѣстна. У меня есть тоже слава моя, которая не стѣнѣтъ твоей: въ Антиохіи меня называли «звѣздой между красавицъ», но я прихожу къ тебѣ за совѣтомъ: помоги мнѣ, художникъ!

— Въ чемъ нужна тебѣ моя помощь?

— Прежде всего, позволь мнѣ быть твоею гостьею и дай отдохнуть мнѣ у тебя отъ несноснаго зноя.

— Входи и будь моею гостьею.

Нефора вошла, сняла покрывало и сѣла въ широкое кресло, покрытое кожей пантеры.

Застигнутый такъ внезапно врасплохъ, «златокузнецъ» сразу оцудилъ себя какъ бы во власти посетившей его бойкой и настойчивой гостьи. Онъ подаль воды ей и положилъ къ ея ногамъ мягкую подушку, а самъ сталъ передъ нею и смотрѣть на нее, сложивъ свои руки на груди среди

мягких складок хитона. Его поразила замѣчательная красота Нефорисы, которая, спустивъ покрывало, явилась одѣтой такъ изящно къ лицу, что природная прелесть ея лица блистала еще ярче. Небольшая на круглой шеѣ головка Нефоры была покрыта широкимъ и тонкимъ кефье въ голубыхъ и бѣлыхъ полосахъ: мягкія складки этой искусно положенной, изящной новизки облевали, какъ воздухъ, ея лицо и черно-синіе кудри. Кефье было перевязано желтымъ шнуромъ. Уши, руки и пальцы Нефоры были украшены серьгами, кольцами и браслетами, а на стройной шеѣ лежало золотое ожерелья изъ множества мелкихъ цѣпочекъ и на концѣ каждой изъ нихъ дрожали жемчужные перлы. Рѣсницы Нефоры были подведены по египетской модѣ, концы пальцевъ слегка подрумянены, а тонкіе ногти нанудрены розовымъ перламутромъ. Гибкій станъ Нефоры охватывала легкая туника полосатой матеріи — розовой съ бѣлымъ, а вмѣсто пояса ей служилъ золотистый шелковый шнуръ, у одной изъ кистей котораго висѣло маленькое зеркальце и такой же маленькій сверленный изъ самоцвѣтнаго камня флаконъ съ пахучею индійскою эссенціей. Но всего больше поражало необыкновенно живое и измѣчивое выраженіе ея нѣжнаго и страстнаго лица, линии котораго такъ часто мѣнялись, что, казалось, ихъ совсѣмъ уловить невозможно.

Усѣвшись небрежно въ кресло, Нефора, не ожидая разсиросовъ хозяина, сама рассказала ему, въ чемъ ея надобность. Она сказала, что желаетъ, во что бы то ни стало, имѣть къ предстоящей палестрѣ самую изящную діадему работы Зенона, а онъ ей отвѣчалъ, что это невозможно, ибо все время его до предстоящей палестры уже распредѣлено имъ для исполненія другихъ, ранѣе полученныхъ заказовъ.

— А правду ли ты это говоришь? Можешь ли ты мнѣ сказать: для кого именно ты теперь взялся работать?

— Я думаю, что это я въ правѣ сказать,—отвѣчалъ неосторожно художникъ и назвалъ Родонисъ и Сефору, тѣхъ самыхъ, которыхъ всѣхъ силыѣ Нефора желала превзойти своею красотой, появивъ въ первый разъ на александрійской палестрѣ.

— Родонисъ и Сефора!—воскликнула Нефора.— Неужто же я меньше ихъ стою въ очахъ чловѣка, который способенъ цѣнить изящное въ мірѣ?

— Человекъ прежде всего долженъ исполнять то, что составляетъ его долгъ.

— Долгъ художника служить красотѣ, и я тебѣ даю къ тому наилучшее средство. Зачѣмъ ты будешь напрасно тратить талантъ свой для плосколобой Родонисъ и скуластой Сефоры? Имъ все равно искусство твое не поможетъ и онѣ въ діадемахъ твоихъ не стануть изящнѣе; но укрась ты Нефору, приложи красоту убора къ ея красотѣ—и палестра забудетъ ристанье, а заплещетъ моею красотѣ и твоему искусству, художникъ.

И когда Нефора увидала, что художникъ ей внимаетъ, то она, чтобы не дать ему опомниться и еще сильнѣе привлечь его на свою сторону, рѣшилась не выйти отъ него безъ того, чтобы не принудить Зенона измѣнить данному слову и тѣмъ болѣе восторжествовать надъ Родонисъ и Сефорой. Нефора рѣшила не только умолять Зенона и льстить ему вниманіемъ и лаской, но даже прямо прельщать его своею красотой съ тѣмъ, чтобы довести его до страстнаго увлеченія и кунить у него предпочтеніе себѣ хотя бы даже цѣною своей чести.

«Тогда,—думала она: — онъ перестанетъ отказываться. и чего не хочетъ сдѣлать мнѣ за большія деньги, то сдѣлаетъ безъ всякой денежной платы, какъ для своей любовницы. Я этого желаю... У меня будетъ уборъ всѣхъ изящнѣе, а вреда чести моею отъ этого никакого не будетъ, потому что, навѣрное, никому даже и на мысль не придетъ, чтобы я, самая первая красавица, молодая и богатая вдова Нефорисъ, брака съ которой некало и ищетъ столько знаменитыхъ людей, отдалась изъ-за выгоды уроженцу Милета... Никто не повѣритъ, что я отдала себя златокузнецу за то, чтобы имѣть его златокузницу... чтобы унижить ея соперницъ... Да, этому никто не повѣритъ, и я тѣмъ смѣлѣе на это рѣшаюсь».

Къ тому же... Зеновъ былъ красивъ и...

Нефора вдругъ ощутила надъ собой его обаянье.

Всѣ до сихъ поръ искали вниманія ея, — и вотъ человекъ, кого *она ищетъ*... Она предлагаетъ себя... Она себя *продаетъ*...

Это ей ново, и дико, и страстно желанно.

Нефора не размышляла, или ея разсудокъ былъ слишкомъ створчивъ и велъ ее къ достиженію того, чего ей желалось.

«Все равно я должна буду выйти замуж за какого-нибудь вельможу, котораго я не буду любить, а пока я свободна, не вольна ли я сама располагать собой какъ хочу? И хочу, я могу, я желаю здѣсь, въ этой тиши, внезапно купить себѣ цѣною своей красоты услуги красавца Зенона. Такъ, мой художникъ! тебя ничто не спасетъ отъ соблазна моей красоты, и торжество мое надъ тобой неизбежно».

И Нефора, нимало не медля, начала стремиться къ тому, чтобы осуществить свое намѣреніе.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Она сказала Зенону:

— Хорошо, я не хочу настаивать, чтобы ты портилъ твой честный обычай, но ты можешь помочь мнѣ, оставаясь господиномъ своихъ обѣщаній, которыя далъ Родоннелъ и Сефорѣ.

— Я не вижу, какъ я могу это сдѣлать.

— Я тебя научу, если только ты хочешь у меня научиться, — сказала съ улыбкой Нефора.

— Учи, я охотно готовъ тебя слушать, — отвѣчалъ, также слегка улыбаясь, Зенонъ златокузнецъ.

— Сядь со мною рядомъ и слушай.

Зенонъ сѣлъ въ стоявшее рядомъ другое кресло, а она взяла его за руку и сказала:

— Ты вѣдь далъ слово не дѣлать лишь новыхъ уборовъ и не имѣешь досуга на это. И не просить тебя больше объ этомъ не стану; но что ты скажешь на то, если можешь мнѣ сдѣлать удовольствіе, не нарушая своего слова?

— Тогда я сдѣлаю все, чтобы не огорчить тебя напрасну.

— Я не хочу ничего больше: здѣсь со мной мой нестрѣй персидскій ларецъ, въ которомъ лежатъ всѣ мои драгоценности. Тамъ много есть разныхъ прекрасныхъ вещей, которыхъ здѣсь, въ Александріи, на мнѣ не выдали. Я привезла ихъ для того, чтобы ты ихъ разсмотрѣлъ и обдумалъ: не возможно ли ихъ смѣшать и привести ихъ въ такое соединеніе, чтобы изъ нихъ, по изящному вкусу Зенона, вынелъ не худшій уборъ для Нефоры?

— Ты это очень хорошо придумала! — воскликнулъ Зенонъ златокузнецъ.

— Я очень рада, что ты меня одобряешь, и съ своей стороны награжу тебя всѣмъ, чего только захочешь.

Зенонъ понялъ смыслъ этихъ словъ о наградѣ и, вставъ съ мѣста, сказалъ:

— За простой совѣтъ и за легкую помощь по силамъ моимъ никакой мнѣ награды не нужно.

— Отчего же?... Проси!.. Или... если ты гордъ, то довѣрь мнѣ самой оцѣнить, чѣмъ съ тобой расплачусь.

— Ибѣтъ, оставь это!.. Мнѣ довольно будетъ того, что я могу доставить тебѣ радость...

— Хорошо, пусть будетъ по-твоему! Выйди же теперь къ моему рабу, возьми у него мой ларецъ и принеси его сюда.

Зенонъ вышелъ, а Нефора взглядѣлась въ свое ручное зеркальце, которое было у кистей ея пояса, и улыбнулась довольною улыбкой.

Зенонъ возвратился съ ларцемъ, который былъ не великъ, но изященъ и довольно тяжелъ.

— Благодарю,—сказала Нефора.—Теперь дай мнѣ сюда на колѣни подушку и станемъ на ней раскладывать вещи.

Зенонъ исполнилъ и это, и когда золотые уборы и самоцвѣтные камни въ оправкахъ были вынуты маленькою рукой Нефоры изъ ея узорнаго ларца и разложены сю на темной ковровой подушкѣ, Зенонъ наклонился лицомъ къ колѣнямъ гостыи и сталъ серьезно разсматривать амулеты, шнильки, браслеты и цѣпи, а Нефора межъ тѣмъ разсматривала самого Зенона и любовалась граціозностью его движеній и ибѣжною прелестью его свѣтлорусыхъ кудрей, подстриженныхъ и завитыхъ на лбу по греческой модѣ.

Долго Зенонъ не могъ ничего выбрать, по, наконецъ, взявъ въ руки одинъ золотой амулетъ, изображающій солнечный дискъ съ прямыми лучами, онъ задумался и потомъ соединилъ это съ другимъ меньшимъ дискомъ, на которомъ было изображеніе сладострастной богини Ма, съ ея закрытыми глазами. Зенонъ весело взглянулъ на Нефору и сказалъ ей:

— Ты совершенно права: изъ этихъ венцей можно составить такой прекрасный уборъ, который способенъ будетъ затмить всѣ другіе уборы. Ты надѣнь эти браслеты змѣями на голыя руки. Твои руки прекрасны.

— Ты находишь, что онъ хорошъ?

— О, да, твои руки прекрасны, и я бы охотно слѣпила ихъ изъ воска.

— Что же, слѣпи. Я рада, что мое тѣло вдохновляетъ Зенона.

— Положи діадему съ маленькимъ дискомъ и богинею Ма на лобъ, а большой дискъ укрѣпи на груди, чтобы лучи его утопали и мѣстами бы вырывались изъ-подъ складокъ тунники. Падѣнь свѣтло-зеленаго цвѣта туннику, или цвѣта зрѣющей вишни на солнцѣ... Вишневый цвѣтъ тебѣ, кажется, больше будетъ идти въ этомъ уборѣ... Жрецъ Ма всегда имѣетъ посохъ изъ вишни...

— Какъ ты хорошо это знаешь. Ма тебя за это должна наградить, какъ богиня.

— Сейчасъ мы все кончимъ: я тебѣ все рассказалъ, что надо сдѣлать. Ты понимаешь: надо тончайшія рясы цѣпочекъ спустить съ діадемы къ лучамъ большого диска на груди и ими тебя, какъ богиню, броней опоясать.... И ты будешь сама, какъ Ма богиня, прекрасна.

— И ты мнѣ все это сдѣлаешь, Зенонъ?

— Нѣтъ, и тебѣ это не нужно. То, что нужно тебѣ, всякій другой сдѣлаетъ такъ же, какъ я, но я болѣе не господниъ моего времени,—я даль слово не брать никакой другой работы и мнѣ жаль, что я долженъ тебя огорчить.

— Ты не хочешь, такъ прощай же, Зенонъ.

Съ этимъ Нефора такъ быстро встала, что подушка соскользнула съ ея колѣнъ и всѣ драгоценности ея упали на коверъ и разсыпались къ ея ногамъ.

— Какъ ты неосторожна,—сказалъ Зенонъ и нагнулся къ полу, чтобы подобрать разсыпанныя вещи; но едва онъ началъ распутовывать изъ покрывала маленькую, стройную пожку Нефоры, обутую въ темную кожаную сандалію съ золотымъ тисненіемъ по краю подошвы, какъ нога эта скользнула и судорожно вытянулась.

Зенонъ вклонился и, къ удивленію своему, увидаль, что все лицо Нефоры быстро покрывалось страшною блѣдностью, а прекрасные глаза ея меркли.

— Что съ тобою?—вскричалъ онъ.

— Я не знаю, — тихо и медленно отвѣчала ему ослабѣвшимъ голосомъ Нефора. — Я бѣжала слишкомъ долго въ сдѣлѣ... я слишкомъ устала... меня черезчуръ долго

жгло палящее солнце, а здѣсь прохладно, я теперь вдругъ себя чувствую дурно... Помогни мнѣ, Зенонъ! Я задыхаюсь...

Она сдѣлала движеніе, чтобы подняться и заговорила еще скорѣе и тревожнѣе:

— Уведи меня! Здѣсь мускусъ... розы... жасминъ... Всѣ деревья здѣсь такъ сильно пахнутъ... Этотъ свѣтъ сквозь лиловую слоду раздражаетъ меня... я его не сношу... я не привыкла къ Египту... Свѣта мнѣ!... воздуха!.. чистаго воздуха дай мнѣ скорѣе!

Вскрикнувъ это, она поднялась, взмахнула, какъ будто впотъмахъ чего-то некала, руками и съ меркнувшимъ взоромъ тотчасъ же упала на руки Зенона.

Зенонъ подхватилъ ее, какъ дитя, на одну руку, а другою рукой дернулъ за шелковый шнуръ, и отъ движенія этого шнура одна навель въ красной стѣнѣ его мастерской сейчасъ же раздвинулась. За нею открылся входъ въ высокую, очень просторную комнату, куда встревоженный Зенонъ и пошелъ, держа на своихъ рукахъ сомлѣвшую Нефору. Глаза ея были теперь совершенно закрыты, голова опустилась и все тѣло ослабло.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Комната, въ которую Зенонъ внесъ Нефору, была совѣтъ же похожа на ту, изъ которой онъ ее вынесъ. Это была большая, высокая столовая, стѣны которой были гладко отдѣланы кедромъ, издававшимъ самый тонкій и едва замѣтный, здоровый, смолистый запахъ; въ ней были четыре большія окна, изъ которыхъ открывался широкій видъ на меланхолическій Ниль, а по ту сторону водъ въ отдаленіи темнѣли спаржевыя поля.

Черезъ открытыя сверху до низу окна и отпертую дверь на террасу сюда обильно текъ чистый воздухъ, не насыщенный ничѣмъ раздражающимъ и наркотизирующимъ. Солнце не сверкало въ глаза и только сплесе небо да синія воды тихо отражали на всемъ свой ровный и спокойный отблескъ.

Убранство покоя состояло изъ нѣсколькихъ низкихъ и широкихъ дивановъ, покрытыхъ мягкими стегаными матрацами изъ вѣжной овечьей шерсти, накинутыми сверху еще болѣе вѣжными двусторонними египетскими коврами. Передъ

каждымъ диваномъ были поставлены маленькіе столики и табуреты, а посрединѣ комнаты помѣщался большой столъ на львиныхъ лапахъ и на этомъ столѣ стоялъ завтракъ, который приготовилъ Зенону ушедшій праздновать ганиства Митры слугитель.

Зенонъ бережно опустилъ Нефору на одинъ изъ дивановъ, до котораго свободнѣе доходила струя воздуха, подложилъ ей подъ голову и подъ плечи подушки, разстегнулъ тунику на ея груди и выбѣжалъ въ смежную комнату, гдѣ была его спальня. Отсюда онъ принесъ флаконъ съ индійскою эссенціей и, капнувъ одну каплю этой эссенціи на предсердіе Нефоры, провелъ тихо рукою и подулъ, чтобъ эфирная жидкость быстрѣе испарялась. Потомъ онъ облегчилъ голову гостыи и ослабилъ цвѣтные ремни у ея сапдалій.

Понеченія его были успѣшны: едва онъ облегчилъ стяжки, стѣснившія тѣло Нефоры, и сталъ повѣвать на нее ея же большимъ опахаломъ, къ ней начали возвращаться ея чувства и сознание,—вскорѣ длинныя рѣсницы ея стали шевелиться, а тонкія ноздри вздыматься дыханіемъ, и, наконецъ, оба ея измѣнчивые глаза неуловимаго цвѣта открылись. Она обвела въ недоумѣніи незнакомый покой и спросила:

— Гдѣ я?—и, получивъ отъ Зенона отвѣтъ о томъ, гдѣ она и какимъ случаемъ попала въ эту комнату, Нефора начала сожалѣть, что надѣлала Зенону столько хлопотъ. Она укорила себя, зачѣмъ пустилась въ непривычный ей путь на мулъ, а не въ носилкахъ и, протянувъ руку художнику, заключила:

— Прости мнѣ то безпокойство, которое я тебѣ сдѣлала.

Онъ просилъ ее, чтобъ она объ этомъ не думала, а она отвѣчала:

— Я не могу объ этомъ не думать, потому что въ этотъ несносный жаръ, мнѣ кажется, я буду не въ силахъ сдѣлать обратно далекій путь на сѣдлѣ.

— И это тоже пусть тебя не безпокоитъ.—отвѣчала ей Зенонъ.—Тебѣ нѣтъ нужды терзать себя въ такой жаръ на сѣдлѣ. Отдохни здѣсь у меня въ прохладѣ, сколько тебѣ угодно, а когда тѣли на землѣ станутъ длиннѣе, я самъ отвезу тебя спокойно до твоего дома на моей нильской

баркѣ, которая стоитъ здѣсь же у берега подь моимъ садомъ.

Нефора благодарила его и осталась.

— Хотя мнѣ это и совѣстно,—сказала она:—но ты самъ видишь, какъ я ослабѣла. Я не могу бѣжать на своемъ мулѣ и не должна посылать за носилками, чтобы не возбудить этимъ многихъ напрасныхъ толковъ.

— Я все это понимаю, — отвѣчалъ Зенонъ: — и ты не безпокойся, ты не будешь предметомъ никакихъ толковъ. Мои нестрая барка со всѣхъ сторонъ окрыта густыми занавѣсами и тебя никто не увидитъ, а я самъ буду ею управлять.

— Это прекрасно, — отвѣчала Нефора: — но, въ такомъ случаѣ, пожалѣй и моего бѣднаго мула, и невольника, которые будутъ напрасно ждать меня на жарѣ у твоего дома.

— Это правда, — отвѣчалъ Зенонъ: — и если ты позволишь, я сейчасъ же отпущу домой и человѣка, и бѣдное животное.

— Не откажи мнѣ въ этомъ, я прошу тебя.

— Охотно, — отвѣчалъ Зенонъ, и сейчасъ же вышелъ, а Нефора приходила съ дивана и подошла къ одному изъ открытыхъ оконъ. Передъ нею открылся напологомъ скатѣ къ рѣкѣ прекрасно содержанный садъ, разбитый по-египетски радиусами отъ центра, который обозначался фонтаномъ у небольшого обелиска изъ краснаго гранита, а въ концѣ одной изъ дорожекъ была такая же гранитная лѣстница. Къ одному изъ столбовъ этой лѣстницы была прикована бронзовою цѣпью роскошная, очень нестро, по-египетски, раскрашенная нильская барка. На носу ея красовался огненно-красный крылатый грифонъ, а на кормѣ завизанный въ узелъ хвостъ какого-то морского чудовища. Посрединѣ барки былъ паланкинъ, гдѣ на бронзовыхъ прутьяхъ висѣли въ густыхъ складкахъ полы мягкой полосатой матеріи — синей съ бѣлымъ.

Не трудно было понять, что это и есть нильская барка Зенона, на которой онъ любилъ вечерами кататься подь клѣтчатыми шелковыми парусами по Нилу.

Она отличалась отъ всѣхъ другихъ барокъ, стоявшихъ у берега, не только по богатству, но и по изяществу отдѣлки, въ которомъ, какъ во всемъ окружающемъ Зенона, выражался его художественный вкусъ.

Онъ самъ и все, что при немъ есть,—все это было прекрасно и все плѣняло Нефору, и она все болѣе и болѣе волновалась отъ прилива страстныхъ ощущеній.

Придя просто съ тѣмъ, чтобы заставить художника сдѣлать себѣ уборъ и въ немъ превзойти на балетрѣ какихъ-то соперницъ, Нефора сама для себя непримѣтно увлеклась вспыхнувшимъ чувствомъ любви къ красавцу Зенону и, никого до сихъ поръ не любя, вся предалась необузданной страсти.

— Пусть, — говорила она, глядя на Нилъ, но Нила не вида: — пусть совершится судьба... Пусть, пусть это будетъ... Я собою не владѣю и владѣть не жажду... Всѣ, кто искалъ улыбки Нефоры, — судьба за васъ вѣхъ нынче мнѣ отомстила: я уязвлена страстью, я сегодня впервые люблю. Другой такой случай можетъ не быть: я остаюсь здѣсь одна съ нимъ и хочу здѣсь сторѣть и стору въ объятіяхъ Зенона.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ то время, когда Нефора разсуждала такимъ образомъ, глядя въ открытое окно на картину, которая застилалась отъ нея ея влюбленною мечтой, возвратился Зенонъ; онъ сказалъ ей, что и мулъ, и иѣмой проводникъ имъ уже отпавлены домой, а самой Нефорѣ Зенонъ предложилъ сѣсть за столъ и подкрѣпить себя пицей и прохладнымъ напитокомъ изъ воды и вина.

— Затѣмъ, — сказалъ онъ: — ты отдыхай здѣсь, въ покоѣ, пока схлынетъ жаръ, а я буду работать.

Нефора на все согласилась, и когда они сѣли съ Зенономъ къ столу и онъ просилъ ее испробовать мясо, фрукты и прохладное смѣшеніе изъ антильскаго вина съ водой и ягоднымъ сокомъ, Нефора, по эллинскому обычаю, предложила выслушать отъ нея, кто она и откуда и зачѣмъ появилась въ Египтѣ.

Зенонъ отъ этого не смѣлъ отказаться, и чтобы не показывать себя невѣжливымъ передъ гостьей, отвѣчалъ ей:

— Повѣсть твоя усладитъ слухъ мой: говори, а я принесу воскъ и буду лѣпить изъ него то, что мнѣ нужно, — и онъ принесъ воскъ и началъ его мять на дощечкѣ, а Нефора близко сѣла съ нимъ рядомъ и начала говорить о себѣ.

Она упомянула Зенону сначала о своей родинѣ въ далекой Оракин, откуда она была увезена въ дѣтствѣ въ Антиохію, и выросла тамъ при безпрестанныхъ тревогахъ по поводу быстрыхъ и частыхъ переменъ въ положеніи ея родителей, а потомъ она рассказала, какъ была отдана замужъ за стараго и очень безиравствениаго византійскаго вельможу, который понуждалъ ее къ постыднымъ для женщины постылкамъ въ угоду высшаго вельможи, отъ котораго зависѣло его служебное повышеніе, и какъ она воспротивилась этому и много за то претерпѣла, а потомъ, когда мужъ ея умеръ, оставивъ ей большое богатство, она, по любви къ независимости и свободѣ, не захотѣла вернуться въ свою эллинскую семью, ибо ей противна подчиненность безгласныхъ въ семьѣ эллинскихъ женщинъ, а переселилась изъ Антиохіи въ Египетъ, гдѣ женщины не находятся въ такомъ порабоженіи, какъ у эллиновъ. Здѣсь она хочетъ быть госпожею своихъ поступковъ и сама надѣется выбрать себѣ достойнаго мужа.

— Ты хорошо сдѣлала, что соблюла свою непорочность,— отвѣчала ей уклончиво Зенонъ.

Она промолчала.

Зенонъ взглянулъ на нее и удивился, какъ измѣнчивый цвѣтъ ея глазъ то разгорался, то гасъ, обозначая быстроту душевныхъ движеній.

Она еще колебалась, но страсть одолѣла и стыдъ, и рас-судокъ.

— Да, — сказала она: — но этихъ похвалъ я впередъ не желаю, я молода и не хочу быть «богиней», какъ ты меня называешь: теперь я хочу быть любима такъ просто, какъ смертную женщину можетъ любить простой, смертный мужчина. Да, я полюблю въ тотъ же мигъ, какъ только увижу того, который можетъ быть милъ мнѣ.

— Что же, ты, вѣрно, его и найдешь

Нефора опять замолчала: поздри ея изящно выгнутаго носа быстро двигались, а уста открывали бѣлые зубы, но, наконецъ, она не выдержала и сказала:

— Я уже нашла его, Зенонъ.

— Вотъ и прекрасно: если онъ любитъ тебя, ты вступишь въ супружество, и я желаю тебѣ быть счастливой.

— Благодарю за желаніе,—живо сказала Нефора:—но я слишкомъ много страдала и слишкомъ долго ждала этого,

чтобы теперь ожидать еще дольше. Я томлюсь желаніем скорѣе, въ мгновенье, забыть мое горе въ объятіяхъ того, чьихъ лобзаній уста мои жаждутъ.

Она встала и съ дѣтскою, избалованною улыбкой бросилась къ Зенону и закричала:

— Къ тебѣ, Зенонъ, къ тебѣ, мой художникъ, влечетъ меня сердце и страшная сила рокочущей крови... Для чего ты встаешь? Куда ты отходишь? Дай мнѣ любви, дай мнѣ лобзаній, забвенья и счастья, или я потеряю рассудокъ!

Но Зенонъ ее не слушалъ; онъ отступилъ отъ нея и даже самый звукъ ея словъ удалилъ отъ своего слуха, устранивъ рукой и повторяя:

— Ты не знаешь, что ты говоришь. Опомнись! опомнись!..

— Я и знать не хочу ничего, кромѣ того, что я тебя полюбила!

Зенонъ вздвинулъ плечами и, сжавъ на груди свои руки, сказалъ:

— Несчастная женщина! ты въ себѣ разумъ и стыдъ женскій затмила!

— Возврати же скорѣе мнѣ мой разумъ! — прошептала Нефора и, положивъ на плечи ему свои обнаженные руки, суд рожно вздрогнула и замерла въ поцѣлуѣ.

Зенонъ хотѣлъ ее отстранить, но въ очахъ его помутнѣло, сердце уняло и онъ едва простонать:

— Нефора! Нефора!

— А она межъ поцѣлueвъ ему отвѣчала:

— Я не богиня, Зенонъ... Я страстная смертная женщина, Зенонъ... Лобзай же меня и дай мнѣ скорѣй мигъ блаженства!

— Мигъ!—воскликнулъ Зенонъ.—Мигъ вмѣсто союза на цѣлую жизнь—это не честное дѣло, Нефора... Отбрось эготъ мигъ и не дай мнѣ несчастья унизить себя и тебя съ собой вмѣстѣ!

Нефора взглянула на него съ гнѣвомъ и сказала:

— Что это! ты оскорбляешь меня!

— Пусть, я тебя возвышаю. Я чту въ тебѣ женщину больше, чѣмъ эллинъ и сынъ Мицранма.

— Я не хочу слушать вничьихъ разсужденій, когда мнѣ ихъ не надо!

— Нельзя жить безъ разсужденія.

— Отчего?

— Ты не поймешь.

— Нѣтъ, я уже все поняла... Ты любишь другую.

— Ты ошибаешься: я не люблю никого такъ, какъ ты хочешь.

— Такъ ты, значитъ, глупецъ!

— Нѣтъ, я—христіанинъ.

— Христіанинъ!.. Ахъ, ты христіанинъ! Такъ вотъ что!..

Христіане, это тѣ, которыхъ все презираютъ и гонятъ!.. Это тѣ, которыхъ учитель хотѣлъ, чтобы люди отрекались отъ счастья любить; но вѣдь это, Зенонъ, безразсудно бороться съ природой. Ее одолѣть невозможно, да и зачѣмъ это нужно?.. Ты мой, Зенонъ, да? Ты пылаешь любовью ко мнѣ, ты не въ силахъ противиться мнѣ, я люблю тебя, Зенонъ, я тебя призываю! — и съ этимъ она рванулась къ нему, и уста ея соединились съ его устами.

Зенонъ почувствовалъ словно море зашумѣло въ его ухахъ и будто пламя блеснуло у него передъ глазами; его клошни въ ея объятіяхъ, какъ клопнть трость подъ дыханіемъ бури, но вдругъ на кормѣ пробудился повелѣвающій волнамъ и бурѣ. Зенонъ увидаль Ею, отстранилъ отъ себя страстными руки Нефоры, рванулся къ столу,—и теперь Нефорѣ какъ-будто блеснуло между нею и Зенономъ... что-то какъ ножъ и кровавое пламя, а Зенонъ уже стоялъ и шатался, держась сзади руками за столъ. По лицу его струилась кровь, а въ глазу его стремла рукоятка ножа. Лезвіе было въ глазѣ, а другой глазъ глядѣлъ на Нефору съ тихимъ укоромъ, а уста, блѣднѣя, шептали кому-то, но только не ей:

— Благодарю Тебя, что Ты не погнушался мной и явилъ Свою власть надъ моей страстною природой. Мой глазъ едва не соблазнилъ меня, но я сдѣлалъ то, что Ты повелѣлъ, и... теперь нѣтъ этого глаза.

Проговоривъ это, Зенонъ заматался и упалъ, и ножъ вывалился изъ его раны, а кровь орошала его лицо и струилась на полъ.

Нефора не издала ни одного звука: глаза ея, устремленные на Зенона, остолбенѣли въ безмолвномъ ужасѣ, и она выбѣжала отсюда, оставивъ здѣсь и свое покрывало, и все свои драгоценности.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Вышеописанное происшествіе было дѣломъ самаго короткаго времени и случилось такъ неожиданно и было столь противоположно настроенію Нефору, что она совершенно растерялась и обезумѣла. Когда она опомнилась на воздухѣ, то увидѣла, что теперешнее собственное ея положеніе было очень затруднительно. О своихъ драгоценностяхъ Нефору не вспомнила, но къ ужасу, который охватилъ ее при видѣ того, что съ ужасною твердостью сдѣлалъ надъ собою Зенонъ, сейчасъ же присоединилась забота: какъ бы ей скрыться отсюда и возвратиться домой незамѣченной? Она была далеко отъ своего дома, а проводникъ и мужъ были отпущены; слуги Зенона не было дома; иѣшкомъ къ себѣ Нефору не могла возвращаться потому, что ноги ея дрожали и подкашивались: кромѣ того, она стыдилась идти по улицамъ безъ покрывала въ своемъ слишкомъ красивомъ уборѣ.

Безотчетно, или, можетъ быть, только съ однимъ желаніемъ избѣжать встрѣчъ на улицахъ, она бросилась черезъ садъ къ берегу Нила, гдѣ стояла у пристани барка Зенона.

Здѣсь была полная тишина и безлюдье, но, окинувши глазомъ берегъ, Нефору замѣтила невдалекѣ низкую хижину, сбитую изъ топтаннаго тростника, смѣшаннаго съ нильскою глиной. Она направилась къ этому убогому жилищу и постучала рукою въ окно. Оттуда выглянулъ человѣкъ, весь измаранный въ угольной пыли. Онъ былъ египтянинъ.

Нефору дала ему золотой браслетъ съ своей руки и сказала, чтобъ онъ нашелъ какое-нибудь средство отвезти ее незамѣтно въ городъ.

— Пожалуй, я могу это сдѣлать,—отвѣчалъ египтянинъ, принимая ея даръ:—если только ты согласишься плыть со мною въ моей угольной баркѣ.

— Хорошо, если иѣтъ другого способа, я согласна плыть въ угольной баркѣ, но я не хочу, чтобы меня въ ней видѣли, а я потеряла мое покрывало.

— Тамъ есть угольный иѣнокъ: я тебя прикрою.

— Но это ужасно.

— Да, онъ грязненькъ, и если ты его боишься, я положу на дно барки пустую кадку и ты можешь согнуться и скрыть подъ нею свою голову.

Нефора на это согласилась.

Угольщикъ исполнилъ все, за что взялся, и Нефора совершила продолжительное и неудобное передвиженіе по Пилу въ тяжелой и грязной угольной толстодонной баркѣ, лежа подъ угольною кадкой. Едва лишь къ вечеру достигла она своего жилища, куда взошла, дождавшись темноты, вся перемазанная грязью и угольною пылью. Нефора, разумеется, удивила всѣхъ рабовъ и рабынь своимъ возвращеніемъ въ такомъ плачевно-бѣдственномъ видѣ и была въ ужасномъ разстройствѣ; она сейчасъ же вымылась и слегла въ постель, а ночью у нея началась горячка: она срывалась съ кровати и начинала неистово бѣгать и плакать, рвала на себѣ свои прекрасные черные кудри, царапала щеки и, забывъ осторожность, кричала:

— Мщеніе Зенону! мщеніе всѣмъ христіанамъ!

Испуганные рабыни сочли ее за одержимую злымъ духомъ и призвали къ ней знатную египетскую вспомогательную бабу Бубасту, которая долго смотрѣла въ лицо ей и слушала ея безумные крики, а потомъ сказала Нефорѣ:

— Я вижу, какой-то змѣй уязвилъ твое сердце... Скажи мнѣ, кто смѣлъ пренебречь твоею красотой?

— О, да, я пренебрежена,—отвѣчала Нефора:—и я должна раздавить этого змѣя.

— Такъ и будетъ. Царь Амазисъ мудро изрекъ, что ядъ обиженой женщины острѣе змѣянаго яда. Кому хочешь мстить?

— Христіанскому Богу и всѣмъ христіанамъ въ Египтѣ.

— Хорошо. Я сама горю мщеніемъ ко всѣмъ пришельцамъ въ Египтѣ. Мое имя—баба Бубаста, я нынче старуха, лѣкарка; но я была молода и любила; мой мужъ томится давно въ каменоломняхъ Пилака, и сердце мое каждый день слышитъ, какъ онъ двигаетъ гранитныя глыбы, въ цѣняхъ, которыя положилъ на него жестокой правитель... О, я ненавижу пришельцевъ и новую вѣру, я рада имъ мстить: я пойду искать ядъ и приду къ тебѣ, госпожа, когда ядъ мой посядетъ.

Пронсшествіе съ Зенономъ имѣло послѣдствіемъ то, что ни одна изъ женщинъ, для которыхъ онъ сѣнилъ окончить заказы, не получила ожидаемыхъ уборовъ къ палестрѣ. Это была первая несправность съ его стороны, и

служитель Зенона, персь, отвесъ щеголихамъ ихъ камни и золото, объявивъ, что его господинъ, славный художникъ Зенонъ, имѣлъ большое несчастіе потерять глазъ и теперь долго не надѣется возвратитъ себѣ способность къ работѣ. Потомъ персь явился также къ Нефорѣ и доставилъ ей ея покрывало и ларецъ съ ея драгоценностями.

Нефора была не рада возвращенію своихъ вещей, потому что это заставляло ее опасаться: не откроется ли ея участіе въ ослѣпленіи глаза Зенона, но персь не сказалъ ей ни слова, и она больше ни откуда не слыхала ничего о Зенонѣ.

И художникъ, и слуга его хранили о всемъ происшедшемъ молчаніе. Слуга, по всей вѣроятности, и вовсе не зналъ, какъ это несчастіе случилось съ Зенономъ. Нефора никуда не выходила изъ своего дома, но въ душѣ ея по-прежнему горѣли въ темномъ смѣшеніи обида отвергнутой страсти и жажда отомстить за себя Зенону. Она не знала только, какое бы измыслить ему самое жестокое мщеніе. Она не разъ вспоминала о той египетской знахаркѣ, бабѣ Бубастѣ, которая обѣщала ей дать странное средство отомстить ненавистнымъ для нихъ христіанамъ, но думала, что Бубаста сказала это слово ей просто въ утѣху и потомъ позабыла о своемъ обѣщаніи. Но это было не такъ: старая египтянка ждала только времени и не упустила случая воспользоваться имъ, какъ только къ тому представилась возможность.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Прошелъ годъ. Въ это время много людей родилось и много умерло; одинъ дѣла людскія вновь замышлялись, другія были окончены и забыты. Было забыто и то, какъ къ прошлымъ палестрамъ нестати и неизвѣстно отъ какого несчастія окривѣлъ всѣмъ въ Александріи извѣстный красавецъ художникъ Зенонъ златокузнецъ. Онъ долго болѣлъ, но потомъ поправился, и теперь носилъ черезъ голову на одномъ глазѣ голубую повязку, которая не только не безобразила его лица, но, казалось, придавала ему еще новую привлекательность. Зенонъ и при одномъ глазѣ работалъ такъ же изящно, какъ прежде, и опять все съ тою же неизмѣнною добросовѣстностью, которою дорожилъ ранѣе. Теперь онъ бы могъ успѣть сдѣлать желанный уборъ для Не-

форы, но антиохійка, разумѣется, не обращалась ни съ какимъ заказомъ къ Зенону.

Съ нею съ тѣхъ поръ тоже кое-что случилось. Красота и богатство Нефоры не оставляли ее въ затменіи, и старый правитель Александріи, человекъ жадный и исполненный многихъ низкихъ страстей, пожелалъ соединить Нефору бракомъ со своимъ старшимъ сыномъ, который имѣлъ столь малый умъ, что, побывавъ во многихъ отдаленныхъ странахъ и истративъ на это путешествіе большое богатство, по возвращеніи своемъ не умѣлъ рассказать ни о чемъ имъ видѣнномъ, кромѣ какъ о величій лѣйца птицы строфокомила. Отецъ, не желая второй разъ награждать глухого сына, искалъ обезпечить его огромнымъ богатствомъ Нефоры посредствомъ брака съ нею, и Нефора, къ совершенному удивленію многихъ, отивчала согласіемъ на это искательство; но вскорѣ затѣмъ, когда дала уже слово, она начала откладывать свадьбу день за день, и не только сказывалась нездоровою, но и въ самомъ дѣлѣ сильно разнемоглась и ни одинъ изъ лѣкарей, которыхъ присылалъ къ ней правитель, не могъ узнать, что у нея за болѣзнь и какими лѣкарствами можно помочь ей. Она ни на что особенно въ своемъ здоровьѣ не жаловалась, но вся изнемогала, лицо ея худѣло, глаза блекли,—она не занималась ни нарядами, ни плетеніемъ волосъ, не надѣвала драгоценностей и не посѣщала знакомыхъ, и даже мало была въ своихъ комнатахъ. Ей было несносно подъ крышей, и она искала уединенія въ саду, гдѣ все подъ-стать ея расположенію было грустно и какъ бы дремало: фонтанъ билъ лѣниво, нестрыя бабочки перелетали съ одного цвѣтка на другой тоже лѣниво; но скоро и это начало безнокотъ Нефору. Но вотъ настала еще иная пора. Садовые акантусы и желтыя мимозы, живыя ограды изъ разноцвѣтной сирени, жасмина и розъ, высокія пальмы, акаціи и бальзамовыя деревья,—все цвѣло, благоухало и жужжало, наисполненное кипучей жизнью насекомыхъ. Этотъ приливъ жизни сталъ иначе смущать и тревожить Нефору; ей казалось даже, что золотыя рыбки въ каменномъ бассейнѣ фонтана слишкомъ живо и громко плескались. Нефора удалялась къ обширному огороду и тамъ, часто останавливаясь надъ грядами махроваго мака, срывала съ него пышные цвѣты и, обрывая лепестки ихъ, клала ихъ на ладонь, дула на нихъ и ударила другою ладонью, шепча

тихо устами: «полюбить» или «нѣтъ»? И если маковый лепестокъ разрывался съ трескомъ, она улыбалась и расцвѣтала душою, была весела, ѣла, спала и дарила наряды служанкамъ, но жениха своего къ себѣ не пускала; если же лепестокъ вяло сжимался у ней между ладоней, она его сбрасывала съ рукъ и тутъ же сама садилась на землю, и долго, и горько плакала навзрыдъ, какъ ребенокъ. Служанки не разъ находили Нефору лежащею на черной землѣ между большихъ янтарныхъ шаровъ, какими казались созрѣвшія ароматныя дыни, и отсюда служанки приносили свою госпожу домой въ безчувственномъ состояннн. Сначала онѣ давали знать о тяжкихъ припадкахъ Нефоры правителю, и тотъ тотчасъ же присылалъ врачей и своего сына, но какъ искусство врачей оказывалось безсильнымъ, а сына правителя Нефора совсѣмъ не желала видѣть и даже тиготилась его приближеніемъ къ ней издалека, то женщины, по суевѣрію своему, при новомъ жестокомъ припадкѣ Нефоры опять призвали къ ней бородатую бабу Бабусту, съ плоскимъ лбомъ и большими ушами.

Баба омыла лицо ей нильскою водою и сказала:

— Ядъ, который змѣй излилъ въ твое сердце, жестонокъ, но ты должна быть сильна, чтобъ отомстить и ему, и всѣмъ христіанамъ. Приближается время отомщенія: старые боги Египта приходятъ намъ на помощь, чтобы стубить ненавистную новую вѣру. Мнѣніе пришельцамъ пришло, близокъ конецъ для всѣхъ христіанъ въ Александріи.

— Всѣхъ?—задумчиво переспросилъ а Нефора

— О, да, всѣхъ или какъ можно больше, въ томъ числѣ вѣдь будетъ раздавленъ и змѣй, который отравилъ твою жизнь.

Нефора посмотрѣла на плоскій лобъ и на уши бабы Бубасты и вспомнила другія лица старыхъ египтянъ, ненавидѣвшихъ христіанскую вѣру, и, содрогнувшись, сказала:

— Я желаю отомстить за себя; но когда ты говоришь со мной объ отомщеннн, мнѣ страшно слушать. Ты стара— за что тебѣ ихъ такъ ненавидѣть?

— Ого!.. Я стара!.. Это правда,—отвѣчала, покачавъ головой, Бубаста, причемъ длинныя и широкія серьги въ ея ушахъ запрыгали.—Я стара, но я сказала тебѣ, мой старшій мужъ томится въ каменоломняхъ, я ѣмъ хлѣбъ, который зарабатываю себѣ моими руками, и мои сыновья, и сыновья

моихъ дочерей тоже трудятся,—изъ нихъ есть ткачи и канатчики, и кожевенники, и всѣ они едва нитались своими трудами, а христіане теперь завели у себя мастерскія въ особыхъ огражденныхъ мѣстахъ, гдѣ они молятся, а другіе ихъ за это кормятъ, и они на даровомъ хлѣбѣ берутъ работу дешевле нашего... Наши руки не могутъ болѣе доставать работою столько, сколько нужно на пропитаніе... Проклятіе имъ, пора съ ними расчесться... Старый Пеохъ видѣлъ, какъ черный ибисъ плясалъ на берегу, глядись въ воду. Запляшутъ они,—скоро запляшутъ! Время отомщенія близко. Цари Египта проснутся и встанутъ въ своихъ пирамидахъ, скръпленныхъ кровавымъ потомъ своихъ прежнихъ рабовъ... За мѣчай... скоро ужъ водная ночь, а нашъ Пилъ не хочетъ поднять своихъ водъ, чтобы оросить въ этотъ годъ нивы Египта *). Глаза всѣхъ людей напрасно слѣдятъ на раскаленномъ небѣ за полетомъ голубя съ радостною вѣстью съ верховьевъ, что вода начинаетъ подниматься въ Мемфисѣ...

— Да,—продолжала Бубаста, схватывая вѣжнюю руку Нефорисъ своею сильною и грубою рукой: — да, вода не поднимается. Цари Египта, которые спятъ въ пирамидахъ Гизеха, не пускаютъ къ намъ Пилъ за то, что мы дали волю жить у насъ пришельцамъ, людямъ разныхъ вѣръ и особенно христіанамъ, у которыхъ лѣнливые люди находятъ себѣ пропитаніе въ ихъ общинахъ... Имъ хорошо и они мѣшаютъ намъ дѣлать работу за настоящую цѣну. Смерть имъ,—смерть безъ пощады всѣмъ имъ, спускающимъ цѣну! Они слишкомъ усилились, они завели здѣсь старѣйшинъ,—называютъ одного патріархомъ, другого епископомъ,—вѣра ихъ входитъ въ моду и скоро, быть-можетъ, всѣ знатные люди станутъ держаться ихъ вѣры... но ты меня вовсе не слушаешь,—тебѣ все равно, какіе боги управляютъ Египтомъ, но народу нужно, чтобы съ нимъ въ добромъ согласіи жилъ старій Пилъ. Когда Пилъ разольется и ороситъ нивы Египта, тогда исчезнетъ унылость народа: тогда всѣ пристани въ устьяхъ заблещутъ яркими флагами чужихъ кораблей; войдутъ большія египетскія суда съ отрадными изображеніями ибисовыхъ головъ и понесутся далеко ибени звонкоголосыхъ пѣвцовъ съ Дельты; для нашихъ красавицъ привезутъ роскошныя ткани изъ Мальты, изъ Сардиніи

*) «Водная ночь» 27 іюня.

камни, съ Гипра медь и вино, отъ эллиновъ масло, мастику и издѣлія изъ бронзы, и пестрые паруса изъ веселаго Тира, и ливанскіе кедры, безъ которыхъ нѣтъ матеріала для строекъ въ бездѣсномъ Египтѣ; а отъ насъ кунятыя дорогою цѣной хлѣбъ и тонкій папирусъ, и кружева изъ Сауса, и мемфисскія колесницы, которыхъ нѣтъ прочиѣ и легче на свѣтѣ... Но не разливаеся Нилъ и вотъ, вмѣсто всего этого оживленія, нынче все охватило сномъ смерти: рѣка, что день, больше мелѣеть. — начинается общій страхъ голода, и люди уже стали болѣть за Мемфисомъ. Вчера еще прилетѣлъ голубь съ извѣстіемъ, что за Сауномъ и въ Фивахъ пошли темныя пятна на людяхъ,—страшное бѣдствіе близится; черезъ три дня настанеть водная ночь, и если въ эти три дня и три ночи не захочетъ священный нашъ Нилъ подниматься, то мы поднимемъ народъ и всѣ пойдемъ къ правителю, чтобы онъ повелѣлъ выйти отъ насъ христіанамъ. или мы бросимъ ихъ въ Нилъ; и тогда это будетъ для всѣхъ для нихъ отмщеніе. Но вѣдь ты, можетъ-быть, не хотѣла бы, чтобы они всѣ до одного потонули? Ты одного, можетъ-быть, хотѣла-бъ оставить на свѣтѣ?

— Да,—отвѣчала Нефора:—я бы хотѣла оставить одного изъ христіанъ долше другихъ на землѣ, но для того только, чтобы онъ видѣлъ посрамленіе и гибель другихъ, и только тогда бы погибъ, когда я наслажусь надъ нимъ моимъ мщеніемъ.

— Расскажи мнѣ, чѣмъ онъ оскорбилъ тебя, и я пойду къ тайнымъ жрецамъ и мы тогда изберемъ ему страшное мщеніе, а твоимъ словомъ дорожить правитель; ты изукрашь себя лучшимъ уборомъ, пойди къ нему, плачь за народъ нашъ и проси его сдѣлать, что мы тебѣ скажемъ, и мщеніе твое совершится надъ тѣмъ, кто тебя оскорбилъ, и надъ всѣми людьми его вѣры.

Нефора же находилась въ такомъ страшномъ разстройствѣ, что какъ бы въ забытьѣ рассказала бабѣ Вубастѣ все, что было у ней годъ назадъ въ жилищѣ Зенона.

Баба Вубаста, выслушавъ повѣсть, всплеснула руками, и серьги у ней опять зазвенѣли, болтались по щечкамъ.

— Боги!—воскликнула баба: — виданное ли дѣло, чтобы человѣкъ - чужевѣрецъ смѣлъ бы такъ дерзко отвергнуть квитовое яблоко, которое подала ему такая красивая жеп-

щина? Отказаться отъ этого для какого-то учителя, который отнимаетъ у людей лучшій сладости жизни! Это безуміе! Ты отмищена будешь странно, Нефора, и едва только три дня пройдетъ, какъ это случится. Будь дома и върми, что, какъ я сказала, такъ и будетъ.

Съ этимъ баба Бубаста покрылась темнымъ коричневымъ платомъ и удалилась.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Баба Бубаста простилась съ Нефорой и, опираясь на палку, прошла черезъ Ворота Луны и Хептастаду на островъ Фарросъ, гдѣ на сѣверномъ берегу у пристани Морскихъ Разбойниковъ жили звѣздочеты — любители всякой мудрости, о которыхъ говорили, что они знаютъ тайныя науки и могутъ видѣть то, что отъ прочихъ обыкновенныхъ людей сокрыто въ природѣ. Здѣсь, на этомъ Фарросѣ, ближе къ молу Александра, жили тѣ, которые переводили на греческій языкъ священныя книги евреевъ, и здѣсь же ближе къ пристани разбойниковъ жили тѣ, которые считали библейскія книги за собраніе недостойныхъ жидовскихъ выдумокъ. И вотъ тутъ-то, въ отдаленіи, у самаго сѣвернаго берега жила одиноко, въ просторной пещерѣ, темполицій мемфистъ, но имени Пеохъ. Это былъ старый, тиническій египтянинъ — старый потомокъ старыхъ понтифовъ, человекъ съ плоскимъ лбомъ, выдающимися скулами и очень большими ушами. Онъ былъ большою человекъ: его сводилъ въ комокъ ревматизмъ и безобразилъ катаръ въкъ; глаза его слезились и вывали, а рѣсеницы растопырились и бѣловатый кругъ отдѣлялъ яблоко глаза отъ въкъ. Современные египтяне изъ черни считали Пеоха за большого ревнителя въры и ходили къ нему за совѣтами, какъ къ человекъ, надѣленному острою прощательнаго ума, изощреннаго непримиримою ненавистью ко всему, что несогласно со стариною. Пеохъ одинаково непримиримо ненавидѣлъ все въры, которыя были несогласны съ върой древнихъ египтянъ, и готовъ былъ вредить каждому иновѣрцу; но какъ въ то время, о которомъ идетъ пантъ разсказъ, охотиѣе всекъ прочихъ преслѣдовали христіанъ, то Пеохъ изощрилъ себя и на то, какъ можно на всякомъ шагу и на всякій разъ сдѣлать досаду и зло христіанамъ. Это же тогда было и не трудно, ибо поводы

къ тому, чтобы нападать на христіанъ и грабить ихъ, находились ежечасно. Какія бы гдѣ ни случились общественныя бѣдствія: пожары или землетрясенія, потопленіе судовъ и обвалы путей, неурожай или повальные болѣзни,— все это считали случившимся по винѣ христіанъ. Къ ихъ обвиненію равно удобно служили и сильные разливы Тибра въ Римѣ, и недостаточный подъемъ водъ въ Нилѣ, въ Египтѣ; равно къ ихъ же винамъ относили и всякія иныя рѣдкія и необыкновенныя явленія въ природѣ. Все неблагопріятное принимали какъ знакъ неудовольствія боговъ, обижавшихся будто на то, что теперь среди ихъ давнихъ поклонниковъ живутъ иновѣрные люди, которые не воздаютъ старымъ богамъ поклоненія, а молятся какъ-то иначе, по своему,—почитаютъ какого-то распятого Назарейнина и совершаютъ что-то таинственное Его кровью. На что нужна имъ эта кровь? Они говорятъ, будто они ею спасаются отъ своихъ враговъ. Тогда кто враги ихъ? Очевидно это тѣ, кто не раздѣляетъ ихъ страшной вѣры. Слѣдовательно, вотъ кого они и хотятъ пересилить и погубить кровью Распятого. И имъ это удастся: говорятъ, что они брызгаютъ кровь по вѣтру и оттого на людяхъ выступаютъ прыщи и сыпи, гноятся глаза, пухнутъ подшейныя железы и гниетъ въ глоткахъ; они капнутъ каплю крови на землю и подыметъ мушкетера, которая точитъ все огурцы и дыни и набивается дѣтямъ во рты и въ глаза, и все огурцы и дыни пропадають и тлѣють, и цыплята, которые ихъ наклюются, — шелудивѣють, теряють перья и зачичкаются, а у людей глаза заслезятся и стануть слѣпнуть...

И когда только случались обычныя здѣсь несчастія въ такомъ родѣ, сейчасъ всѣхъ охватывалъ суевѣрный страхъ и всѣ искали причины несчастія на христіанахъ и затѣвали на нихъ погромы,—людей били, а имущество расхищали и разбрасывали. Правители знали, что христіане только терпимы, но никому не желанны, и потому смотрѣли на безчинства надъ ними сквозь пальцы, они не только не защищали горячо людей христіанской вѣры, но даже нерѣдко радовались, что иныя и раздраженные невѣжды, вмѣсто того, чтобы негодовать на безучастное правительство, срывали на христіанахъ свой гнѣвъ и тѣмъ утомили свое раздраженіе. Если же случалось, что христіанъ усильвали сильно побить и разорить, тогда правители унимали

побѣдителей и ссылали ихъ затѣнщиковъ въ каменоломни, а отъ награбленнаго ими имущества сами пользовались доброю частью. Отъ высшихъ же и далекихъ властей мѣстные правители строгой ответственности за христіанъ не опасались, потому что люди эти были въ презрѣніи. Если и были случаи, что за обиды, сдѣланныя христіанамъ, спрашивали объясненій, то областные правители всегда находили много причинъ для оправданія, а чаще всего представляли, что христіане сами виноваты, что они имѣютъ какіе-то таинственные обряды, особые отъ всѣхъ прочихъ и возбуждаютъ тѣмъ противъ себя всеобщую ненависть. Такимъ образомъ, снисхожденіе къ народнымъ безчинствамъ надъ христіанами часто принималось за благоразумную государственную терпимость, которою областной намѣстникъ предотвращалъ будто бѣднѣе бѣдствіе, способное, пожалуй, перейти въ угрожающее политическое возстаніе.

Христіане не считались столь драгоценными, чтобы изъ-за нихъ строго взыскивать, и потому погромы, случавшіеся въ общинахъ отдаленныхъ христіанъ, нерѣдко съ тяжкими мучительствами, убійствами и съ самымъ обиднымъ издѣвательствомъ надъ ихъ вѣрою, проходили безъ всякихъ наказаній или съ наказаніями столь легкими, что надъ ними смѣялись. Чаше же погромы даже совсѣмъ оставались неизвѣстными въ Византіи и въ Римѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Бунты и возстанія всего легче затѣваются при увѣннн и страхѣ.

Когда вода въ Нилѣ стояла низко въ ту пору года, когда ей уже было время разлиться, тогда по всей странѣ Египетской отъ Филэ до Александріи ощущалось повсемѣстное терзательное безпокойство: всѣ странники безхлѣбья и ходили унылые и раздраженные, многіе надѣвали печальныя одежды съ неподрубленными краями, передвигали пояса съ чреслъ высоко на грудь — къ мѣсту вздоховъ, нетерпѣливыя женщины рвали на себѣ волосы, а задумчивыя мужчины безмолвно смотрѣли унылыми глазами съ повисшими на рѣсницахъ слезами.

При мрачномъ настроеніи египетскихъ характеровъ, все это облекало страну въ ужасъ. То самое было и теперь, въ пору нашей повѣсти. Къ тому же, положеніе, какъ раз-

сказала Бубаста, осложнялось появленіемъ множества болѣзней. Почтовые голуби, пущенные съ верховьевъ теченія рѣки изъ Геліополя, Мемфиса и Оивъ. приносили въ Александрію самыя удручающія извѣстія: вся Оивада и Гептадоммида и Нижній Египетъ слились въ одну скорбь и въ одинъ стонъ,—люди голодали, спали, боялись другъ друга и искали, кого бы сдѣлать отвѣтственнымъ за претерпѣваемое бѣдствіе.

Наконецъ, къ удовольствію многихъ, виновные были найдены, и это, какъ всегда, были христіане. Правовѣрные египтяне уже побили въ Геліополѣ христіанскихъ ткачей и то же досталось колесникамъ и стекольнымъ выдувальщикамъ въ Мемфисѣ. И они этого заслужили за то, что они испортили цѣны ткачамъ и колесникамъ, взявшись работать дешевле, чѣмъ работаютъ всѣ вольные люди въ Египтѣ. Имъ было можно дешеветь, потому что они живутъ общинами и получаютъ приношенія отъ богатыхъ людей одной съ ними вѣры, но кто живетъ своимъ трудомъ и приношеній не получаетъ, тому по такой дешевой цѣнѣ ни пріять, ни ткать, ни ободья гнуть невозможно. А потому этого терпѣть нельзя, это надо остановить, а для того, чтобы остановить, самое простое дѣло—избить христіанъ, отнять ихъ имущество, поломать ихъ сташки и самихъ ихъ бросить въ воду. Священникъ Нилъ, кегати, принимаетъ это за жертвоприношеніе, и у старыхъ людей есть примѣты, что вода въ Нилѣ тогда начинаетъ подниматься.

Теперь было прекрасное время играть на этихъ страстяхъ.

Баба Бубаста пошла къ мемфиту Пеоху за тѣмъ, чтобы возвѣститъ ему, что народъ въ негодованіи и что у нея есть лицо, которое вылаетъ мезью противъ христіанина и можетъ поставить правителя въ такое благоприятное положеніе, что тотъ выжуденъ будетъ мирволить народнымъ безчинствамъ. Пеохъ сидѣлъ въ тѣни, прислонясь спиною къ скалѣ, и выслушивалъ то, чтò, стоя передъ нимъ, говорила ему Бубаста. Онъ, впрочемъ, и самъ уже зналъ о всеобщемъ уныніи отъ того, что долго не начинается разливъ Нила, но его обрадовало, что Бубаста заручилась содѣйствіемъ Нефоры, которая можетъ обезоружить правителя и всякія издѣвки надъ христіанами содѣлать у египтянъ съ рукъ, не причиня имъ никакихъ жестокихъ возмездій.

— Ты умная женщина, — отвѣчала Пеохъ. — Эти люди должны пострадать за наши несчастія.

— Да; но какъ это начать? Ты, вѣдь, повсюду славенъ, мудрый Пеохъ; ты за своею лампадой прочелъ все священныя свитки; ты знаешь и свѣтъ нашей истинной вѣры, и знаешь тоже всю ложь всехъ прочихъ учений, а мы чужихъ вѣръ не знаемъ,—мы только отъ чистаго сердца ихъ ненавидимъ. Будь головой на плечахъ, подъ которыми трещать и ноеть народное сердце священнаго Кемми: научи насъ, что надобно дѣлать, чтобы христіане получили все-свѣтлый позоръ и безвозвратную гибель? Скажи намъ, что такое мы могли бы требовать отъ христіанъ, чтобы это было въ ихъ же законѣ и что бы могло показать всемъ бессилье ихъ вѣры и посрамить ихъ?

Пеохъ улыбнулся, погладилъ грязною рукою прирученнаго ихневмона и сказалъ:

— Хорошо, я вамъ покажу, какъ посадить лягушку на дерево; но смотрите вы: уже долой съ дерева ее не спустите!

— О, мы ее не спустимъ!

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Старый Пеохъ посмотрѣлъ въ молчаніи въ свою лампаду и сказалъ бабѣ Бубастѣ:

— Ты не ложно сказала, Бубаста: я, дѣйствительно, знаю и свою правую вѣру, и все суевѣрія чужія, и всехъ боговъ суевѣрныхъ. Я могу судить и объ эллинскомъ Зевсѣ, и объ Ормуздѣ и Ориманѣ фарсійскихъ, и объ Еговѣ, мстительномъ Богѣ бывшихъ рабовъ нашихъ — евреевъ, а также и о Томъ бѣднякѣ, Который былъ распятъ и Котораго почитаютъ за Бога себѣ христіане. Мы ихъ уловимъ на Его же словахъ: Онъ говорилъ, что кто будетъ вѣрить, какъ Онъ училъ, то такой человекъ, если скажетъ горѣ: «сдвинься», то будто гора тронется съ мѣста и бросится въ воду. Съ кровли правителя нашего по направленію къ закату видна гора Адеръ. Если христіане добры, то пусть они для спасенія всехъ умолятъ своего Бога, чтобы Адеръ сошла съ своего мѣста и, погрузившись въ Нилъ, стала плотной теченію. Тогда воды Нила подымутся вверхъ и оросятъ изгорѣвшія нивы. Если же христіане не сдѣлаютъ такъ, чтобы стронулась гора Адеръ и загородила теченіе Нила,

это имъ будетъ вина. Тогда всякому видно станетъ, что или вѣра ихъ—ложь, или они не хотятъ отвратить общаго бѣдствія, и тогда пусть пронесутся въ Александріи римскіе крики: *christianos ad leones!*

— Ты мудрый, ты очень мудрый, Пеохъ, — отвѣчала, простерши къ Пеоху руки и опять зазвонивши серьгами, баба Бубаста. — Народъ нашъ завтра же пойдетъ къ правителю требовать, чтобы онъ заставилъ христіанъ сдвинуть гору.

И съ этими словами баба Бубаста простилась съ мемфитомъ Пеохомъ и побѣжала къ тѣмъ изъ египтянъ, кого знала за самыхъ большихъ коноводовъ народныхъ, и подбивала ихъ, чтобы они внушали народу, что въ неразлитіи Нила виновны христіане.

Скоро отъ этого сдѣлалось всеобщее волненіе, о которомъ тотчасъ же узналъ правитель, и оно его очень обезпокоило, такъ какъ онъ не зналъ, чѣмъ его утишить. Баба же Бубаста побѣжала къ Нефорѣ и, распаливъ въ ней хитрыми словами оскорбленіе и ревность, убѣдила ее идти къ правителю и просить его, чтобы онъ снизошелъ къ горю народа и къ его надеждѣ получить облегченіе черезъ молитву христіанъ, которая можетъ двинуть гору и запрудить ея Ниль, чтобы вода поднялась и оросила пажити.

Нефора, въ которой быстро воспламенялись страсти и смѣнялись движенія, легко поддавалась этимъ словамъ и, скоро одѣвшись съ бѣлою пышностью, поспѣшила въ домъ правителя, чтобы исполнить то, чему ее научила баба Бубаста.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Правитель въ это время находился въ смущеніи отъ дошедшихъ до него слуховъ о волненіи въ народѣ. Бубаста успѣла взбунтовать всю александрійскую чернь разказами о винѣ христіанъ, и многіе, по ея наученію, побѣжали на Фарросъ къ мемфиту Пеоху, чтобы услышать отъ него подтвержденіе словъ Бубасты, а другіе собрались въ огромномъ числѣ и двинулись къ дому правителя.

Когда Нефора приблизилась къ дому этого вельможи, она увидѣла густую толпу людей, окружившихъ плотною массою его палаты. Огромная толпа поражала своєю массою и своєю пестротой: она состояла изъ кунцовъ въ бѣ-

лыхъ одеждахъ съ разноцвѣтною бахромой и страшнаго множества полунагихъ киринчиковъ, горшечниковъ, рыбаковъ, лодочниковъ, ткачей, шерстобитовъ, благовонщиковъ, листопродавцевъ, рогожниковъ, зерночистителей, масляниковъ, мусорщиковъ, омывателей ногъ, онахальщиковъ и стекляныхъ выдувальщиковъ. У большинства этихъ людей все одѣяніе состояло изъ однихъ короткихъ фартуковъ или кое-какихъ лохмотковъ, подвѣшенныхъ на узенькихъ поясочкахъ. Это были люди, страшные своею рѣшимостью и тѣмъ, что имъ терять нечего. Съ ними здѣсь было *все*,—при нихъ находились и ихъ жены, пряжи, въ короткихъ накидкахъ, и совѣтъ голыя дѣти, и собаки, и конки. Особенно много было дѣтей. Изъ нихъ однихъ, которыя меньше, женщины несли на своихъ плечахъ или у груди, а другихъ, постарше, тащили за собою за руки. Между маленькими дѣтьми у многихъ глаза были заниты гноемъ и всѣ эти дѣти жалобно кричали и плакали, а тѣ, которыя были постарше, безпрестанно толкались, ссорились и дрались между собою за объѣдки. Множество собакъ и кошекъ, которыя не отставали отъ своихъ хозяевъ, дѣлали то же самое: онѣ шнырили подъ ногами и оцѣтенивались другъ на друга, то завывая, то фыркая и заводи между собою ожесточенныя схватки. Но и этого было мало: какъ бы нарочно, для увеличенія шума и усиленія тревожности, въ нѣсколькихъ мѣстахъ изъ толпы раздавались призывные звуки: здѣсь храмѣла бактрійская боевая труба, на нее откликался гудѣніемъ сирійскій бубень, а въ третьемъ мѣстѣ колотилъ арійскій барабанъ. Все это и перекликалось, и сзывало еще большее скопленіе народа. Биченосцы правителя въ желтыхъ туникахъ и въ высокихъ колпакахъ напрасно махали своими раскрашенными въ клѣтку палками. Сильные шерстобиты или не обращали на нихъ никакого вниманія, или даже переламывали ихъ палки и швыряли обломки въ лицо биченосцамъ.

Все это волненіе покрывалось общимъ воплемъ, въ которомъ только иногда можно было уловить отдѣльныя слова:

— Нить не поднимаетъ вода!.. Мы погибаетъ отъ голода... Христіане перебиваютъ работы... Хорошо имъ дешево, когда они живутъ подаеніемъ!.. Пускай же они за насъ молятся... Пошли ихъ сдвинуть въ Илль гору, чтобы рѣка разлилась!

Пефора съ величайшимъ трудомъ едва могла проникнуть въ своихъ носилкахъ черезъ эту толпу. Главный входъ въ домъ былъ закрытъ, и она вошла въ чертоги правителя черезъ извѣстную ей потаенную дверь, которую открылъ ей хорошо знавшій ее привратникъ, послѣ чего и эта дверь опять тотчасъ же была заперта. Стража со всѣхъ сторонъ охраняла всѣ входы.

Правитель находился въ больномъ смущеніи и перепугѣ. Онъ не зналъ, что ему дѣлать: отражать народъ силою онъ не могъ, а снисойти къ неблагоразумному требованію черни считалъ за недостойное. Правителя окружала вся его семья и тутъ же въ среднемъ покоѣ былъ его глухой сынъ, толстоносый Дуназь, и его ближайшія подначальныя лица: всѣ они подавали ему различные совѣты, но онъ всѣ ихъ мнѣнія слушалъ, но ни на что не рѣшался. Увидѣвъ же входящую Нефору, онъ обрадовался ея приходу и живо воскликнулъ:

— Вотъ дорогая, неожиданная гостыя, чей пріятный приходъ приноситъ мнѣ радость! О, какъ я тебѣ благодаренъ, Нефора, что ты рѣшилась навѣстить домъ мой въ такую тревожную и досадительную минуту! Этимъ ты доказала мнѣ свою дружбу, и я прошу тебя сказать мнѣ: что ты думаешь обо всемъ происходящемъ среди глухой и презрѣнной черни? Я знаю, что тебѣ данъ острый умъ, и я хочу на него полагаться: я даю тебѣ при всѣхъ мое слово, что я рѣшусь только на то, что ты мнѣ присовѣтуешь.

Нефора отвѣчала, что ей извѣстно все, что происходитъ, и что она не находитъ въ этомъ положеніи ничего безысходнаго.

— Что же бы ты сдѣлала на моемъ мѣстѣ?

— Я бы ихъ всѣхъ обманула.

— Прекрасно; но какъ это сдѣлать?

— Исполни ихъ желаніе: вопросы христіанъ, могутъ ли они своею вѣрой сдвинуть гору и положить ее въ Илль, пока онъ разольется отъ Филэ и до моря?

— Полно, Нефора, кто жъ можетъ заставить двигаться горы?

— Христіане, правитель, могутъ. Старый Пеохъ, который знаетъ всѣ вѣры, самъ это читалъ въ ихъ христіанскомъ ученіи.

— Старый Пеохъ!.. Онъ это все и надѣлалъ въ глухомъ

народѣ и, клянусь, онъ достоинъ настоящаго египетскаго удара деревяннымъ коломъ въ упрямый затылокъ.

— Тебѣ что за дѣло? Пускай и Неохъ получить свое въ свое время.

— А если христіане не сдвинуть горы?

— Что жъ за бѣда? Народъ надъ ними слегка посмѣется, можетъ-быть, ихъ даже немножко и поколотитъ. Имъ это будетъ урокъ, чтобы они не кичились... Они станутъ скромнѣе, а ни въ Византіи, ни въ Римѣ за нихъ не станутъ сильно вступаться. Народъ въ огорченіи своемъ ищетъ, на комъ бы сорвать это горе, и на мысль ему пришли христіане... Ихъ вѣдь пока здѣсь немного и они не въ великомъ почетѣ... Дай ихъ народу! Ты даже долженъ такъ сдѣлать, чтобы не вызвать бунтъ повсемѣстно, потому что теперь почтовые голуби, конечно, полетѣли уже въ Оиъ, въ Мемфисъ и въ Аканозъ, и въ Гермополь, и въ Абидъ, и въ Оивы. Повѣрь мнѣ, что вскорѣ возстаніе охватитъ цѣлый Египетъ и тогда будутъ большія несчастія, которыхъ тебѣ не проститъ императоръ, и ты будешь смѣщенъ. Предотврати же малою уступкой и малою жертвой очень великія бѣды. А если ты этого не хочешь, то и я не хочу исполнять даннаго слова и не пойду за твоего сына Дуназа.

Разсужденіе Нефоры было согласно съ тѣмъ, что думалъ и самъ правитель. Онъ и самъ не видалъ никакого другого выхода и готовъ былъ на уступку, но еще продолжалъ немножко колебаться, какъ вдругъ случилось новое обстоятельство, которое понудило правителя подчиниться внушеніямъ Нефоры. Въ то самое время, какъ Нефора съ нимъ говорила, на площади, со стороны Игль Клеонатры, показались три замѣчательныя фигуры, которыхъ и видѣ, и движенія,—все было необыкновенно.

Это были три человѣка, изъ которыхъ двое очень высокаго роста, а третій толстякъ. Всѣ они были въ длинныхъ и тонкихъ бѣлыхъ одеждахъ, въ широкихъ шейныхъ украшеніяхъ и головныхъ повязкахъ, гладко прилегающихъ ко лбу, къ вискамъ и къ пышнымъ, чернымъ фальшивымъ локонамъ, достигавшимъ до самыхъ ихъ спиць. Темныя лица ихъ были спокойны и серьезны, а походка ихъ тверда и величественна. Въ рукахъ у каждаго изъ трехъ были длинныя посохи; у двухъ, которые шли по краямъ, посохи были изъ пахучаго дерева съ неочищенною корою и на каж-

домъ посохѣ наверху бѣлый и голубой цвѣтокъ лотоса; но у того, который шелъ въ серединѣ, посохъ былъ изъ серебра, а наверху изъ золота изображеніе нильскаго крокодила съ раскрытою пастью и съ перьями страуса. Кромѣ того, на груди у него сіялъ священный амулетъ изъ сафира. Отъ ихъ длинныхъ одеждъ, фальшивыхъ волосъ и отъ всего, что было при нихъ, распространялся чрезмѣрно сильный запахъ мускуса.

Это были жрецы, «столпы нерушимой вѣры народной», надъ которой отовсюду надвигались давленія чужеземной образованности. Вавилоняне и римляне имъ были ненавистны почти ровнѣ такъ же, какъ греки.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Толпа, увидѣвъ жрецовъ, тотчасъ же разступилась передъ ними, и они прошли черезъ нее совершенно свободно. Чего никакими усилиями не могли достичь правительскіе чиновницы, то вдругъ сдѣлалось само собою при появленіи длинноволосыхъ париковъ и костыля съ разнутою пастью крокодила. Жрецы шли черезъ толпу, какъ по улицѣ, ни до кого не касаясь; они даже не поднимали къверху своихъ опущенныхъ и полуоткрытыхъ вѣками глазъ. Движенія ихъ были сурово-сдержанны и исполнены удивительной плавности: жрецы точно не входили, а вылились на широкое мраморное крыльцо правительскихъ палатъ и прямо приткнулись вплотную тѣломъ и лицами къ его тяжелымъ бронзовымъ дверямъ. Всѣ трое въ-разъ они ударили въ эти двери своими посохами и остановились, не шевелясь и не повторяя удара. Они точно влились въ мѣдь и какъ будто знали, что они должны вскорѣ ее проникнуть на какой-то всенизвергающей волнѣ. Волна эта послася за ними и послала ихъ. Народъ хлынулъ за своими жрецами и нанеръ такъ сильно, что мгновенно сдавилъ и себя, и жрецовъ. Раздались страшные крики однихъ, которые наступали, и другихъ, которыхъ въ толгѣ давили.

Этотъ крикъ не то ужаснулъ, не то ободрилъ бывшихъ въ домѣ правителя. Глухой сыръ правителя, толстолобой Дуназь, даже широко оскалилъ зубы и, смѣясь, сказалъ:

— Ага! Вотъ имъ и конецъ!

— Кому?—спросила Нефора.

— Тѣмъ, отъ которыхъ такъ сильно пахнетъ мускусомъ,

что я даже здѣсь слышу черезъ окна этотъ запахъ. Гдѣ мускусъ, тамъ всегда не далека колесница смерти.

— Да, это правда,—отвѣчала Нефора и указала рукою въ окно, изъ котораго теперь можно было видѣть, что въ томъ концѣ площади, между Игль Клеопатры, гдѣ за минуту стояли жрецы, теперь показался стѣнбойный таранъ на колесахъ, и народъ бросился, чтобы подпрыгаться къ капатамъ и тащить стѣнбой къ правительскимъ бронзовымъ дверямъ.

Дуназь и его отецъ, и всѣ остолбѣвли, а Нефора махнула изъ окна своимъ голубымъ покрываломъ, и когда послѣ этого знака крикъ на мгновеніе затихъ, она сказала народу:

— Отступите съ крыльца!.. Правитель сейчасъ приметъ вашихъ жрецовъ и сдѣлаетъ все, что можно сдѣлать, чтобы Ниль скорѣе разлился.

Народъ отступилъ отъ крыльца, а жрецы вошли въ открытыя для нихъ двери и черезъ малое время вышли изъ дома правителя и объявили собравшимся людямъ, что правитель сейчасъ же пошлетъ къ христіанскому патриарху и повелитъ ему исполнить то, о чемъ проситъ встревоженный народъ, т. е. сдѣлать общее моленіе о томъ, чтобы сдвинуть гору.

Люди послушались жрецовъ; опять на иной ладъ захрапѣла труба, загудѣлъ бубень и залопоталъ барабанъ, и бунтовщики стали расходиться. Площадь опустѣла, и толпы отодвинулись къ окраинамъ за Некропольскія ворота и къ Лохіасу, но возбужденіе въ духѣ оставалось непрежнемую и ежеминутно снова готово было ожесточиться и проявить себя. Люди сидѣли кучками за ристалищемъ и по берегамъ канала и ожидали вѣстей, что будетъ сдѣлано по ихъ просьбѣ. Почтовые голуби, дѣйствительно, были пущены жрецами, какъ предполагала Нефора, и несли возбуждательныя полоски тонкаго папируса въ Онъ, Мемфисъ, Абидъ и Оивы, до Карнака и Луксора. Александрійскія вѣсти быстро долетѣли до ушей вѣнцей статуи Мемнона, и Амгиготень заговорилъ на разсвѣтѣ.

Возбужденіе въ Александріи только временно было сдержано уступчивостью правителя, но оно не было угашено, и правитель теперь находилъ за самое лучшее дѣйствовать не прямо, а съ хитростью: онъ, въ одно и то же время,

послалъ императору донесеніе о безпорядкахъ, которые произвела чернь, и просилъ поддержать его присылкою вспомогательной военной силы, а въ ожиданіи этого пособія рѣшился мирволить народнымъ требованіямъ настолько, чтобы пожертвовать имъ спокойствіемъ и, можетъ-быть, жизнью нѣсколькихъ христіанъ. Онъ зналъ, что христіане не пользовались особымъ расположеніемъ у правительства, которое еще склонно было почитать ихъ за людей, вредныхъ обществу благоустройству, самъ же правитель ненавидѣлъ александрійскаго патріарха, который былъ очень умный и ловкій человекъ, имѣлъ въ столицѣ могущественныхъ друзей и крѣпко удерживалъ ихъ расположеніе посредствомъ такихъ александрійскихъ пурпуровыхъ ковровъ, о которыхъ еще Θεокритъ писалъ, что они «нѣжнѣ сна и легче пуха».

Эти ковры дѣлались руками христіанъ, жившихъ въ общинѣ на общественныя приношенія, и потому обходились патріарху гораздо дешевле, чѣмъ могъ имѣть ихъ отъ вольныхъ мастеровъ правитель. Поэтому имъ было трудно равняться въ приношеніяхъ и въ жертвахъ.

Вообще, правитель давно опасался возрастающихъ средствъ патріарха и, завидуя ему, досадовалъ, что въ его рукахъ не было никакихъ средствъ превзойти патріарха, располагавшаго такими дарами, которые высоко цѣнили завосватели Египта.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Чтобы дать удовольствіе взбунтовавшейся черни и сдѣлать затруднительнымъ положеніе патріарха, правитель тотчасъ же позвалъ одного изъ своихъ приближенныхъ, велѣлъ ему взять въ руки букетъ цвѣтовъ и идти къ христіанскому патріарху съ порученіемъ рассказать ему все, что случилось, и спросить его: дѣйствительно ли есть въ ученіи христіанъ такое увѣреніе, что по вѣрѣ ихъ гора можетъ сдвинуться и идти въ воду? Если же патріархъ скажетъ, что это есть, то просить патріарха, чтобы онъ, для всеобщаго блага всѣхъ жителей Египетской страны, повелѣлъ своимъ пресвитерамъ начать объ этомъ общее моленіе и самъ принять въ томъ участіе.

Патріархъ же еще ранѣе зналъ обо всемъ, что происходитъ въ городѣ, и, имѣя въ свитѣ правителя подкупныхъ людей, которые тоже любили ковры «нѣжнѣ сна и легче

пуха», постоянно былъ ими обо всемъ извѣщаемъ. Такъ извѣстился онъ также заранее и о наряженномъ къ нему посольствѣ и, въ ожиданіи посла съ букетомъ, удалился въ свою пышную баню и, раздѣвшись, сѣлъ въ широкую круглую ванну, надъ которою въ потолокѣ нестрымъ мраморомъ были выложены слова: «Мы вѣруемъ въ единое божество Иисуса Христа и въ воскресеніе тѣла».

Правительскій посолъ засталъ его въ ваннѣ, окруженнаго аколоубами и отроками, которые держали въ рукахъ небольшіе сосуды съ ароматнымъ нардомъ и большія легкія онахала изъ навиновыхъ перьевъ, и потому посолъ былъ принять не скоро, а ждалъ долго, стоя въ пріемной съ своимъ букетомъ. Когда же это показалось послу слишкомъ продолжительнымъ, то онъ просилъ доложить патріарху, что присланъ насѣкъ, и угрожалъ возвратиться къ правителю, не дождавшись отвѣта.

Патріархъ тогда вышелъ изъ ванны, вытерся нардомъ, надѣлъ золотыя сандалии и, покрывшись бѣлымъ хитономъ, принялъ посланнаго, сидя на диванѣ и освѣжая лицо прохладною водою съ ароматомъ фіалки. Вокругъ патріарха стояли его аколоубы и отроки, махавшіе онахалами. Отъ посла взяли принесенный имъ, по обычаю, букетъ «говорящихъ цвѣтовъ», въ знакъ миролюбивости посольства, и писаніе, въ которомъ правитель изъяснялъ ему, въ чемъ заключается дѣло, и потомъ тутъ же укорялъ его за то, что христіане-ткачи и коверщики раздражаютъ рабочихъ, принимая въ свои общины всякихъ лѣнивыхъ и ничтожныхъ людей, которые приходятъ просить крещенія безъ всякихъ убѣжденій, единственно изъ-за одного того, чтобы жить въ общинѣ на счетъ вѣрующихъ и потомъ, пользуясь общественными приложеніями въ видѣ хлѣба, и мяса, и рыбъ, эти даромъ накормленные люди могутъ работать дешевле, чѣмъ прочіе трудолюбивые мастера, имѣющіе на своемъ содержаніи цѣлыя семейства. Изъ этого правитель выводилъ всю народную ненависть къ христіанамъ, которую онъ хотя и осуждалъ въ лицѣ бунтовщиковъ, но не находилъ у себя средствъ теперь твердою рукой подавить этотъ бунтъ, прежде чѣмъ къ нему придетъ подкрѣпленіе. А потому, пока обстоятельства измѣнятся, онъ просилъ патріарха, если вѣра христіанская даетъ средство сдвинуть гору, то назначить для успокоенія волнующихся людей обществен-

ное моленіе у подножія горы Адеръ, чтобы она пошла съ мѣста и, ставъ поперекъ теченія Нила, сдѣлала запруду, отъ которой бы образовался повсемѣстный разливъ.

Патріархъ же еще раньше обмыслилъ, что затѣю, которую выдумалъ хитрый Цеохъ, прямо отклонить невозможно; а пока онъ сидѣлъ въ своей ваниѣ, на дворѣ его слуги все приготовили къ тому, чтобы онъ могъ сейчасъ же уѣхать изъ города. Послѣ же онъ отвѣчалъ, что хотя и самъ Гомеръ ошибался, но что для вѣры нѣтъ ничего невозможнаго, онъ же, патріархъ, имѣетъ только общее, высшее попеченіе, а въ Александріи имъ поставленъ отдѣльный епископъ и потому пусть къ тому и идутъ, и ему пусть скажутъ, чтобы онъ сдѣлалъ все, что нужно.

Аколуоу скоро написалъ отъ патріарха правителю грамоту въ этомъ смыслѣ и вручилъ это писаніе послѣ вмѣстѣ съ букетомъ изъ бѣлыхъ розъ и персидской сирени изъ патріаршаго сада. Посолъ взялъ отвѣтъ и цвѣты и отправился съ тѣмъ отвѣтомъ къ правителю, а патріархъ сію же минуту одѣлся, взялъ свои драгоценности и свою свиту и поскакалъ на быстрыхъ мулахъ вонъ изъ города черезъ Ворота Солнца, а за стѣною повернулъ къ востоку, надѣясь въ какомъ-либо изъ семи вильскихъ гирлъ пайти греческую трирему или быстроходный чужеземный корабль и бѣжать на немъ отъ возмущенной страны и отъ коварнаго правителя, съ надеждою отплатить ему издали за его издѣвательство.

Правитель почти немедленно же узналъ объ отбытіи патріарха и странно разгнѣвался: онъ послалъ за нимъ погоню, но это было бесполезно, потому что никто не зналъ, куда патріархъ повернулъ за Воротами Солнца. Тогда правитель вскричалъ:

— Онъ не даромъ привелъ въ отвѣтъ своемъ, что «и Гомеръ ошибался»: я никакъ не ожидалъ того, что онъ сдѣлалъ, и ошибся не хуже Гомера.

И затѣмъ онъ позвалъ вонновъ и велѣлъ имъ взять епископа и привести его къ себѣ.

Епископъ жилъ далеко на окраинѣ и не зналъ, что сдѣлать патріархъ.

Когда воины пришли за епископомъ, то онъ спокойно игралъ въ шахматы съ одной знатной прихожанкой и удивился всему, что услышалъ, и началъ говорить, что онъ лицо

подчиненное и ничего не смѣть безъ патріарха; но когда ему сказали, что патріархъ выставилъ его лицомъ самостоятельнымъ въ Александріи, а самъ неизвѣстно куда уѣхалъ, то епископъ заплакалъ.

Послы же не дали ему долго сокрушаться; они взяли и повезли его въ закрытой колесницѣ къ правителю, который прямо и безпереромно спросилъ его, дѣйствительно ли въ ученіи христіанскомъ сказано, что съ христіанскою вѣрой возможно сдвинуть гору? И когда правитель получилъ въ отвѣтъ, что упоминаніе объ этомъ, дѣйствительно, есть, то онъ не захотѣлъ ничего больше слушать, а сказалъ:

— Вотъ я тебѣ назначаю сроку три дня. Въ эти три дня я дамъ всѣмъ немущимъ работу и буду платить имъ за то, что они станутъ строить скамьи для сидѣній и лавки для продавцовъ вокругъ горы Адери, а для васъ, христіанъ, я оставлю свободное мѣсто среди всѣхъ скамей отъ горы и до самаго Нила. Собери всѣхъ своихъ самыхъ лучшихъ людей, у которыхъ ты знаешь самую крѣпкую вѣру, и явитесь тамъ рано утромъ отнынѣ на третій день. Смотрите. Молитесь, какъ вамъ по вѣрѣ вашей надо молиться, но чтобы гора непременно сошла съ своего мѣста и опустилась въ воду; а если вы этого не сдѣлаете, вамъ будетъ худо. Весь народъ изъ Александріи выйдетъ, чтобы смотрѣть на васъ, и ваше дѣло—сдѣлать такъ, чтобы отъ этого вышло торжество вашей вѣры или стыдъ. Если гора пойдетъ и рѣка поднимется, народъ оцѣнитъ помощь, какую вы окажете всей странѣ этою услугой. Если же вы гору Адери не сдвинете, то всѣмъ ясно будетъ, что вы не хотѣли сдѣлать добра, которое можете сдѣлать, и, стало-быть, вы не друзья людямъ, среди которыхъ живете. Тогда я васъ защищать не могу и пусть съ вами будетъ то, чего вы въ глазахъ народа достойны. Теперь я велю тебя и другихъ старѣйшихъ вашихъ до времени строго стеречь, и если вы сами добровольно не пойдете дѣлать моленіе къ горѣ, то я прикажу васъ привести туда подневольно. За ослушаніе вы испытаете на себѣ силу гнѣва скорбящихъ людей, которыхъ вы раздражили, а я приложу на васъ всю строгость гари законной: я возьму все, что вы имѣете, въ казну императора, а самихъ васъ всѣхъ взрослыхъ пошлю въ цѣпляхъ и съ колесами на шеяхъ на вѣчныя работы въ каменоломни. Да, изъ васъ ни одинъ не будетъ забытъ,—вы все безъ

исключенія пойдете съ связанными руками на югъ, ближе къ землѣ глупаго народа Кушь, и за поясомъ у каждаго изъ васъ будетъ заткнута приговоръ, которымъ будетъ опредѣлено, по сколько ударовъ воловьей жилой этого человѣка будутъ бить зѳіопы каждый день трижды—поутру, въ полдень и на ночь. Итакъ, всѣ вы останетесь тамъ въ каменоломняхъ, пока каменистая пыль сотлѣтъ ваше тѣло.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Окончивъ эту обидную рѣчь, правитель велѣлъ подать въ руки епископа очиненную для писанія трость и приказалъ ему написать ею имена всѣхъ извѣстныхъ ему христіанъ, живущихъ въ Александріи, при чемъ пригрозилъ, что если хотя одно имя будетъ утаено, то онъ поступитъ съ епископомъ такъ, какъ будто онъ былъ уже узникъ въ каменоломняхъ.

Епископъ оробѣлъ, принявъ дрожащею рукою трость и въ испугѣ начерталъ имена всѣхъ, кого имѣлъ основаніе почитать христіанами, но, несмотря на то, что онъ старался не позабыть ни одного надежнаго человѣка, правитель ему не повѣрилъ и заставилъ его поклясться, что онъ никого не укрываетъ. Опасаясь ответственности, епископъ еще вспоминалъ и еще много дописывалъ, но боялся поклясться, не надѣясь на свою старую память, и сталъ плакать. Имени Зенона не было въ епископскомъ спискѣ.

Правитель сжалился надъ епископомъ и отпустилъ его, строго сказавъ:

— Не рыдай. Если ты ошибся и не всѣхъ записалъ, то я тебѣ это прощу: и Гомеръ ошибался. Оставь здѣсь списанье именъ твоихъ христіанъ и иди собрай этихъ и другихъ, которыхъ ты могъ позабыть; я по три раза на день буду присылать къ тебѣ на дворъ узнавать, сколько васъ соберется, чтобы идти сдвинуть гору. А сейчасъ пошлю во всѣ концы города глашатаевъ съ трещотками объявить всему народу, что общес желаніе будетъ исполнено и пусть никто не унываетъ, а всѣ пусть собираются идти къ горѣ Адеръ, смотрѣть, какъ она сойдетъ съ своего мѣста и заурядитъ Нилъ.

Правитель понялъ свою выгоду и заботился только о поддержаніи веселыхъ надеждъ въ умахъ встревоженнаго

и уважнаго духомъ населенія; но положеніе епископа было другое.

Епископъ поклонился, сложивъ въ знакъ покорности на груди свои руки, и вышелъ, обливаясь слезами. Онъ не въ состояніи былъ и думать о томъ, что ему задано и что надо начать дѣлать? Какъ ему выходить самому и какъ выводить всѣхъ записанныхъ въ списокъ на такое испытаніе, которое коварный и мстивый Пеохъ выдумать, конечно, только за тѣмъ, чтобы получить возможность осмѣять христіанскую вѣру всенародно въ глазахъ тысячъ зрителей?

Волю и неволю прежде всего ему приходило на мысль то, что почель за самое лучшее выше надъ нимъ стоящій патріархъ, и это притомъ казалось самымъ благоразумнымъ и легкимъ; но вѣдь тотъ же самый патріархъ всѣмъ совѣтовалъ помнить, что «и Гомеръ ошибался».

Епископъ рѣшился искать совѣта самыхъ преданныхъ ему людей и, возвратись домой, сейчасъ же разсказать ужасную новость ожидавшей его знатной прихожанкѣ. Эта именитая женщина очень встревожилась и сейчасъ же разослала рабовъ къ другимъ знатымъ прихожанамъ просить ихъ притти немедленно въ домъ ея на необходимый совѣтъ. Знатные прихожане скоро собрались и, выслушавъ разсказъ, всѣ пришли въ большой ужасъ; но вмѣсто того, чтобы ободрить епископа благоразумными и острыми совѣтами, они стали укорять его, для чего онъ написалъ имена ихъ. Онъ же отвѣчалъ имъ:

— Неужто вы лучше хотѣли бы, чтобы я лгалъ или явился ослушникомъ власти?

Они на это коротко отвѣтили, что это не ихъ дѣло, и всѣ были унылы и толковали только о томъ, что коварная выдумка Пеоха грозитъ ущербомъ и разореніемъ для всѣхъ ихъ имущественныхъ дѣлъ и даже самую жизнь ихъ ставить въ опасность отъ разъяреннаго народа. Кончили же они тѣмъ, что стали укорять епископа:

— Съ какой стати ты переписалъ однихъ насъ, людей именитыхъ, и теперь однихъ насъ сюда собрать? Это противно вѣрѣ: передъ Богомъ всѣ люди равны, какъ знатные, такъ и незнатные. Мы не хотимъ гордиться передъ незнатными и бѣдными и ослушаться Божьей воли. Оставь рѣшеніе до завтраго утра, и когда у тебя завтра утромъ

па зарѣ ударять въ мѣдную доску, мы хотимъ собраться всѣ вмѣстѣ съ простолюдинами христіанской вѣры, — можеть-быть, въ ихъ простыхъ умахъ найдется больше, чѣмъ у насъ, п вѣры, и разума, и смѣлости.

Епископъ на это согласился, и когда, послѣ тревожно проведенной засимъ ночи, ударилъ утромъ въ доску, то увидѣлъ, что дворъ его сталъ наполняться чернородьемъ изъ Малой Гавани и другихъ отдаленныхъ предмѣстій, но изъ вчерашней знати, которая хотѣла здѣсь сойтись съ чернородьемъ, теперь не было ни одно человѣка.

Епископъ узналъ въ толпѣ рабовъ нѣкоторыхъ изъ этихъ отсутствующихъ и спросилъ: скоро ли госнода ихъ придутъ; но рабы только качали головами и тихо шептали:

— Не жди ихъ напрасно; они не придутъ. Они теперь уже далеко.

Но епископъ все-таки ждать, пока люди на его дворѣ стали томиться голодомъ и, подтягивая туже и выше свои пояса, начали щелкать зубами и, уныло глядя на епискона, всѣ стали просить хлѣба. Епископъ разослалъ всѣхъ своихъ аколуюовъ и онахальщиковъ, чтобы торопить знатныхъ, но аколуюы и онахальщики возвратились и сказали, что знатныхъ нѣтъ никого въ городѣ. Тогда, при такомъ ужасномъ извѣстїи и при видѣ томленїи народа отъ голода, епископъ послать самаго любимаго своего онахальщика къ знатной прихожанкѣ просить ее, чтобы она приходила сама и прислала, какъ можно скорѣе, корзины съ хлѣбомъ для простонародья, но онахальщикъ вернулся назадъ съ пустыми руками и сказать, что не засталъ въ домѣ знатной прихожанки никого, кромѣ одного болѣзненнаго раба, который сообщилъ ему, что госножа его минушею ночью, какъ только осталась одна, сейчасъ же собралась и со всѣми лучшими изъ слугъ своихъ выѣхала ночью на шести колесницахъ по Капонской улицѣ.

Епископъ сдвинулъ платъ, покрывавшїй его голову, себѣ на лицо и, всплеснувъ руками, воскликнулъ:

— О, какое коварство! Я такъ ошибся, какъ и Гомеръ не могъ ошибаться!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Скорбь епискона о побѣгѣ всѣхъ именитыхъ друзей была велика, но онъ не могъ предаваться ей долго въ отчаянїи:

собранный на его дворѣ черный народъ настойчиво требовалъ нища, и епископъ, посигншль немедленно распустилъ со двора народъ, пригласивъ всѣхъ опять придти завтра и обѣщаясь всѣмъ, что съ утра на дворѣ будетъ для всѣхъ изготовлена въ изобиліи нища и лище съ раствореннымъ виномъ. Самъ же епископъ сигншно вышелъ другимъ выходомъ, которымъ дворъ его соединился съ домомъ знатной прихожанки, и обошелъ все ея покои, но нигдѣ не находилъ никого живого, а вездѣ замѣчалъ въ покинутыхъ вещахъ безпорядокъ и слѣды торопливыхъ сборовъ къ побѣгу. Наконецъ, на ларцѣ, въ которомъ лежали шахматы, епископъ нашелъ связанный лентой напрустъ, а въ немъ извѣщеніе, что госпожа, опасаясь тревожныхъ событій, отбываетъ на время въ Пелузу и увозитъ съ собою свои удобоподвижныя драгоценности; а всѣ запасы житницъ своихъ и дома оставляетъ епископу въ его полную власть и употребленіе.

Тутъ же въ шахматномъ ларцѣ были положены и ключи отъ скарбницъ и житницъ съ надписями на слововыхъ дощечкахъ, подъ какимъ ключомъ что сохраняется.

Это теперь было кетати, потому что отпущенный народъ по особымъ причинамъ не могъ оставить епископскій дворъ. Епископъ взялъ ключи и отослалъ ихъ домой съ онахальщикомъ, а самъ пошелъ къ другимъ изъ тѣхъ знатныхъ прихожанъ, которые вчера вечеромъ обидѣлись, зачѣмъ епископъ ихъ записалъ, и разошлись, обѣщаясь собраться поутру вмѣстѣ съ простолюдинами, но не собрались. Но изъ нихъ тоже никого не было дома: всѣ они побросали дома и ключи отъ скарбницъ и отъ житницъ на волю епископа, а сами извѣщали оставленными записками, что отбывали къ портамъ, кто въ Канонъ, кто въ Сансъ, кто въ Мендесъ, кто въ Пелузу, куда всѣхъ раньше устремилась прихожанка.

Обойдя все дома людей знатныхъ, епископъ вездѣ заставалъ одно и то же и набралъ такое множество ключей, что едва могъ нести ихъ, а онахальщики не сигншли къ нему на помощь, и, когда епископъ пришелъ домой, то уже не могъ нигдѣ отыскать ни одного ни аколоуа, ни онахальщика. Такъ заразительно и быстро распространялся страхъ и влеченіе къ побѣгу, начатое знатными, имѣвшими наготовѣ муловъ и колесницы, и дома за городомъ, и дру-

зей, и родственниковъ въ Сансѣ и Пелузѣ, и свои корабли во всѣхъ семи нильскихъ гирлахъ. Зато черный народъ: всѣ ткачи, шерстобиты, кирпичники и стекольные выдувальщики были попрежнему на дворѣ и кричали, что они голодны и не могутъ выйти, потому что ворота съ улицы заперты и къ нимъ приставлена стража.

Епископъ вдругъ становился богатымъ обладателемъ всего, что покинули ему бѣжавшіе знатные люди; но на что теперь ему было все это богатство, когда оставалось всего лишь два дня до того, когда надо идти сдвигать гору Адеръ и заграждать ею Ниль?

Епископъ бросилъ ткачамъ и шерстобитамъ ключи отъ сѣбѣтныхъ амбаровъ и показалъ потаенный ходъ на соседній дворъ, а когда народъ устремился туда, чтобы утолить свой голодъ, епископъ швырнулъ и другіе ключи отъ другихъ скарбницъ и житницъ на каменный полъ и оттолкнулъ ихъ ногою.

«На что,—думалъ онъ: — мнѣ теперь все это изобиліе, когда я оставленъ всѣми именитыми людьми и скоро долженъ буду претерпѣть мѹку съ одними невѣждами рыбаками, ткачами и шерстобитами?»

Но вскорѣ онъ оправился, всталъ и быстро пошелъ въ свою конюшню посмотреть, напоенъ ли и не стоитъ ли безъ нищи его мулъ и крѣпки ли у его копытъ мѣдныя подковы.

Стоило было пусто.

Епископъ только развелъ руками... Мулъ вѣдь, конечно, не самъ своею волей бросилъ спокойно стойло и ясли, полныя сочнаго корма... Кто ему наложилъ и епископское сѣдло съ бахромой, и уздечку съ кистями, и не позабылъ даже шелковой плетки?

Епископъ, однако, недолго оставался въ этомъ состояніи, потому что кто-то неожиданно коснулся рукою до его плеча и чей-то безнечный и насмѣшливый голосъ сказалъ ему:

— Ты, вѣрно, пришелъ сюда посмотреть, крѣпки ли подковы у твоего мула?

— А тебѣ что за дѣло?—отозвался епископъ.

— Мнѣ до тебя есть дѣло, потому что я присланъ за тобою отъ правителя и при мнѣ здѣсь есть вонны и бичепосцы. Правитель разгнѣванъ, что ты не доставилъ ему въ

теченіе для донесеній о томъ, какъ идетъ у васъ приготовленіе къ тому, чтобы передвинуть вѣрною гору.

Епископъ же отвѣчалъ:

— Я не имѣю о чемъ доносить, потому что отъ меня все бѣгутъ и, мнѣ кажется, я скоро останусь совершенно одинъ.

— Это не наше дѣло, — отвѣчалъ правительскій посоль. — Мы пришли за тобой, иди объясняться съ правителемъ.

Сказавъ это, посоль указалъ маповеніемъ глазъ на епископа биченосцамъ, и тѣ сейчасъ же положили шнуры на занятыя его руки и повели его подъ охраною къ правителю.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Правитель, согласившись дозволить сдѣлать зрѣлище изъ того, какъ христіане выйдутъ сдвигать гору, былъ самъ недоволенъ, что онъ уступилъ волненію взбунтовавшейся черни, и искалъ средства заглушить въ себѣ досаду. Онъ старался веселиться въ сообществѣ своихъ пріятелей, и въ то время, когда къ нему повели епископа, правитель вкушала вечернюю трапезу съ своею семьей и съ именитыми гостями, въ числѣ которыхъ была и Нефора. Все они помѣщались въ большой столовой комнатѣ, которая представляла собою соединеніе эллинской красоты формы съ египетскою нестротою и яркостью красокъ. Стѣны были выложены изразцами, раздѣланными живописью по греческой модѣ. Краски были изумительно живы. Столовая была совсемъ безъ потолка. Онъ замѣнялся подвижною шелковою тканью, которая сдвигалась и раздвигалась на кольцахъ, ходившихъ на бронзовыхъ прутьяхъ. Днем, когда солнце горѣло на небѣ, это полотно было задернуто, а къ вечерней трапезѣ его открывали. Теперь, послѣ знойнаго дня, ткань была отдернута и надъ головами людей, вкушавшихъ яства въ этой роскошной столовой, величественно синѣло высокое небо со множествомъ звѣздъ. Свѣтъ луны заходилъ сюда только откосомъ, серебри одинъ уголь покоя.

Отъ канделябровъ и лампъ, горѣвшихъ на столѣ, далекое безконечное пространство вверху казалось черною бездною, въ которой звѣзды висѣли какъ огненные шары. Внизу, на столѣ были разнообразныя яства и питья: тутъ стояли и, дымясь, распространяли аппетитный запахъ огром-

дѣлшія жаркія изъ верблюжьяго мяса, красноперыя рыбы, драгоцѣнные хіосскіе подносы и вазы, на которыхъ были красиво уложены отборные фрукты: винныя ягоды, финики, виноградъ и янтарныя дыни; ибжаный сыръ на фигурныхъ тарелкахъ изъ поливанной глины; два превосходно исполненные серебряные улья работы Зенона, наполненные медомъ, и посерединѣ этихъ двухъ ульевъ, работы того же Зенона, высокое серебряное украшеніе, похожее на жертвенникъ греческихъ храмовъ,—все обвитое миртами и розами. Паверху жертвенника дымилась ароматная курильница и тутъ же стояла большая серебряная чаша съ виномъ, раствореннымъ водою. Вокругъ этой чашы стояли кубки въ видѣ звѣриныхъ и птичьихъ головъ. Общество было веселое. Были изящныя женщины и молодые мужчины; всѣ находились въ веселомъ, остроумномъ настроеніи и шутили насчетъ того праздника, которое такъ неожиданно устраивается послѣзавтра; оно послужитъ и для успокоенія народа, и для ихъ развлечения. Христіане, которые осуждены принять страдательную роль, могутъ себя чувствовать, какъ имъ придется. Одинъ кто-то сказалъ:

— Кто бы какое мнѣніе ни имѣлъ о презрѣнныхъ людяхъ, къ которымъ принадлежатъ наши ткачи и шерстобиты, но должно признаться, что они должны будутъ доставить для насъ самое необыкновенное увеселеніе. Ристалища, безъ сомнѣнія, представляютъ много изящества и граціозной отваги; но всѣ мы это уже много разъ видѣли, и это утратило новизну. Между тѣмъ, сдвинуть гору одною вѣрой—это совершенно ново и необыкновенно, и я поднимаю фіалъ за остроумныхъ ткачей и шерстобитовъ.

Другой отвѣчалъ:

— Чернь всегда останется чернью, и похвалы, которыя сейчасъ сказаны, принадлежатъ не ей, а старому Пеоху, который живетъ на Фарросѣ.

— И это еще не такъ,—вмѣшался сынъ правителя, толстый Дуназы:—всѣмъ удовольствіемъ, которое ожидаетъ насъ, мы обязаны прекрасной невѣстѣ моей Нефорѣ, потому что это она уговорила моего отца согласиться сдѣлать уступку требованіямъ черни и вывести христіанъ къ горѣ Адеръ. Какая счастливая мысль! Два дня назадъ чернь была безъ работы, а теперь тысячи рукъ строятъ тамъ наскоро прекрасный амфитеатръ для зрителей, и въ городѣ

оживленіе: всѣ мулы напаяты, всѣ прожники и фруктовщики, рыбаки и продавцы вина въ городѣ готовятъ въ страшномъ изобиліи свои произведенія для публики. Завтра туда собираются цвѣточницы, цѣвцы и фокусники, — тамъ будетъ множество веселыхъ шатровъ съ цвѣтами, витьемъ и фдою, а послѣзавтра, утромъ, на ранней зарѣ, тамъ будетъ все населеніе Александріи, чтобы смотрѣть, какъ эти смѣшные люди съ ихъ вѣрою въ распятаго Бога будутъ сдвигать съ мѣста гору и поведутъ ее въ Илль.

— Да, сынъ мой Дуназь въ своихъ словахъ приблизился къ правдѣ,—отозвался правитель: — но Дуназь еще недостаточно оцѣнилъ все, что сдѣлала прекрасная Нефора, которую я нетерпѣливо жду назвать моею дочерью. Ея умъ постигъ равенъ ея чрезвычайной красотѣ и потому только не превосходитъ ее, что это ужъ невозможно. Мы обязаны прелестной Нефорѣ не только тѣмъ, что она доставляетъ намъ и всему народу веселое препровожденіе времени на счетъ христіанъ, но мы ей обязаны и нашею безопасностью. До сихъ поръ у насъ былъ бы всеобщій бунтъ, которому я не могъ бы воспрепятствовать съ тѣмъ малымъ числомъ воиновъ и биченосцевъ, которыхъ имѣю въ моемъ распоряженіи. Они едва въ состояніи сдерживать порядокъ только при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, а при такомъ народномъ волненіи, какое вдругъ обнаружилось третьяго дня и, безъ сомнѣнія, съ быстротою развилось бы повсемѣстно, эти силы оказались бы ничтожными. Къ тому же, мои разстилатели ковровъ сегодня утромъ перехватили голубей, на которыхъ нашли извѣщенія, что огромныя толпы рабочаго народа двинулись къ Александріи изъ Гермополя, и завтра, безъ сомнѣнія, мы уже увидимъ ихъ толстодонныя барки. Толпы эти выйдутъ на берегъ и ринутся къ моимъ палатамъ; но скамы, которыя строятъ теперь амфитеатромъ у Адера, остановятъ ихъ и измѣнятъ ихъ направленіе. Гермопольцы не увидятъ того, что ожидаютъ: въ городѣ нашемъ нѣтъ ни унынія, ни воплей. Люди работаютъ топорами и обойными инструментами: всѣмъ имъ дастся высокая плата; ковры и всѣ обойныя матеріи вздорожали вдвое противъ своей цѣны; всѣ люди оживились, веселы и работаютъ, а впереди ожидаютъ еще бѣльшаго веселья, и оно для нихъ будетъ если не въ томъ, что христіане въ самомъ дѣлѣ сдвинутъ для нихъ гору и положатъ ее поне-

ректъ Нила, то, по крайней мѣрѣ, всѣмъ будетъ весело смотрѣть, какъ эти самохвалы будутъ напрасно молиться по своему обычаю и потомъ къ вечеру должны будутъ созпаться въ своемъ безспиліи...

— Но тогда народъ можетъ броситься на этихъ людей и произведетъ кровопролитіе, а послѣ опять начнется волненіе, которое будетъ угрожать гибелью всѣмъ намъ, состоятельнымъ людямъ, — перебилъ одинъ изъ гостей.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ спокойно правитель: — это могло бы случиться въ такомъ разѣ, если бы къ мудрости и богатой жертвѣ великодушной Нефоры не было присоединено чистоты и моей старческой оытности въ управленіи народомъ. Я не хочу скрыть здѣсь отъ васъ, что Нефора сдѣлала болѣе, чѣмъ вы знаете: она не только убѣдила меня въ благоразуміи этой мѣры, но и дала средства для ея исполненія: казна моя была пуста, и я не могъ бы предпринять всѣхъ расходовъ, которые потребовались на то, чтобы дать щедрый заработокъ всѣмъ занятымъ теперь нерестройками людямъ, но Нефора дала на это средства.

— Возможно ли? Мы этого не знали! — воскликнули гости, обращаясь къ Нефорѣ, которая сидѣла межъ ними въ задумчивости и хранила молчаніе.

— Да, вы этого не знали, — продолжалъ правитель: — но я вамъ теперь выдаю ея тайну и вмѣстѣ съ тѣмъ открываю мою собственную тайну, которая должна успокоить васъ за вашу безопасность и великодушную Нефору за цѣлость истраченныхъ ею на общую пользу значительныхъ денегъ.

— Я не забочусь объ ихъ возвращеніи, — проронила Нефора.

— Да, ты объ этомъ не думаешь, — я вѣрю тебѣ, — но я, къ удивленію моему, замѣчаю, однако, что ты сегодня печальна.

— Мое настроеніе не зависитъ отъ денегъ.

— Вѣрю тебѣ, но ты скоро будешь моею семьянкой, и я ни за что не допустилъ бы тебя изниурять свое богатство, если бы не имѣлъ твердой надежды возвратить тебѣ съ лихвою все, что ты дала мнѣ на эти издержки. Шоерамленіе, которому подвергнутся у Адера христіане, не принесетъ гибели никому, кромѣ самихъ этихъ ненавистныхъ суевѣровъ. Народъ не будетъ имѣть никакой возможности

грабить богатыхъ людей, потому что мною потребованъ флотъ съ вспомогательнымъ войскомъ, и десять судовъ въ полдень сегодня прошли уже въ виду Балбетинскаго гирла. Паруса ихъ велики и имъ вѣтеръ попутенъ, — они идутъ скоро, и завтра они будутъ у Канона, а въ то время, когда несъ народъ изъ города выйдетъ смотрѣть, какъ христіане пойдутъ двигать гору, войска обогнутъ Лохіасъ и войдутъ въ городъ. Возвращающіяся толпы, — каковъ бы ни былъ исходъ дѣла съ горою, — будутъ остановлены и обезоружены; на другой день надъ ними будетъ произведена судъ; всѣ главные виновники возстанія будутъ выведены съ смертными приговорами за поисомъ на Гену и преданы казни, а ихъ имущество взято въ казну, и отъ него отдѣлится то, что нужно, чтобы возратить издержанія сегодня деньги Нефоры.

— Это прекрасно! Ты мудрый и справедливый правитель! — воскликнули многіе разомъ: — и намъ теперь ничто болѣе не мѣшаетъ предаваться безмятежному веселію въ твоёмъ домѣ, въ этой прекрасной столовой, въ которую съ высоты неба смотрятъ звѣзды и, вѣрно, завидуютъ яснымъ очамъ прекрасной Нефоры. Поднимаемъ фіалы за очи Нефоры и за счастье Дуназа.

Когда же тость былъ выпитъ, правитель, улыбувшись, сказалъ:

— Веселитесь и пейте, славьте красу и разумъ Нефоры: никому никакой опасности нѣтъ, а смѣшное для общей забавы уже началось: патриархъ и всѣ сколько-нибудь богатые люди изъ содержавшихъ христіанскую вѣру бѣжали; ловкій предатель изъ епископскихъ слугъ извѣстилъ моего жезлоносца, что и епископъ сейчасъ самъ приходилъ на свою конюшню, чтобы осмотрѣть подковы у своего мула... Конечно, и онъ хотѣлъ потребовать наступающею ночью услугъ отъ этого животного, но я этого не допустилъ, потому что это угрожало опасностью — оставить зрителей безъ актеровъ. Я послалъ людей, чтобъ епископа привели сюда, а изъ города не велѣлъ выпускать ни одного христіанина, но всѣхъ ихъ собирать на епископскій дворъ, откуда всѣ они разомъ должны будутъ идти совершать моленіе у Адера.

Въ это время жезлоносецъ доложилъ правителю о приходѣ епископа, котораго всѣ пировавшіе пожелали видѣть.

и онъ былъ введенъ въ столовую и оставленъ стоять на ногахъ передъ пирующими за столомъ гостями, въ числѣ которыхъ была и Нефора. Молодая женщина быстро устремилла на старика острые и проникающіе взгляды, какъ будто она хотѣла прочесть по его лицу что-то такое, на что не давали отвѣта обстоятельныя объясненія правителя.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Епископъ чувствовалъ свое унижительное положеніе и отвѣчалъ коротко и неохотно, что и было понятно, такъ какъ всѣ вопросы, которые ему предлагали самъ правитель и его гости, очевидно, клонились къ тому, чтобы усилить и безъ того затруднительное положеніе вопрошаемаго и сдѣлать предметомъ насмѣшекъ и шутокъ какъ его самого, такъ и тѣхъ людей, за вѣру и упованіе которыхъ онъ былъ здѣсь представителемъ. Особенно въ этомъ отличался Дуназь, искавшій возможности повравиться Нефорѣ своею наглостью надъ беззащитнымъ и потерявшимся старикомъ; но Дуназь достигъ этимъ совершенно противоположнаго: Нефорѣ не нравились его издѣвательства, можетъ-быть, особенно потому, что въ нихъ старался отличиться противный ей женихъ, и она сказала:

— У этого человѣка на рукахъ строгое дѣло и онъ долженъ имѣть въ сборѣ всѣ свои силы, а потому, если я смѣю просить, то я бы просила отпустить его къ его мѣсту, такъ какъ его видъ и воображеніе объ участи, ожидающей людей его вѣры, совсѣмъ не располагаютъ меня къ веселью.

Епископъ услышалъ эти слова, взглянулъ на Нефору и произнесъ съ достоинствомъ:

— Благодарю тебя, сострадательная госпожа, и молюсь, чтобы Богъ милосердія совершилъ для тебя самое благое изъ твоихъ желаній.

А Нефора встала съ мѣста, позвала свою рабыню, опустила руку въ висѣвшій у ея пояса длинный желтый шелковый кисетъ и, доставъ оттуда горсть золота, подала ее епископу съ словами:

— Возьми отъ меня для своихъ бѣдныхъ.

— Не беспокойся, — отвѣчалъ благодарно, отстраняя ея руку, епископъ: — тѣ, которые идутъ со мною, всѣ приготовились скоро умереть, и намъ теперь не надо золота.

— Значитъ, вы не надѣетесь сдвинуть гору? — спросилъ Дуназь.

Епископъ молчалъ.

— Ты, однако, еще не отчаивайся, — вѣшался правитель. — Ты помни слова, что «никогда и Гомеръ ошибался».

— Я ни въ чемъ не отчаиваюсь.

— Вотъ это прекрасно; но прослунай, пожалуйста, списокъ, въ который ты самъ записалъ всѣхъ лучшихъ людей вашей вѣры, и скажи мнѣ: неужто они все до одного такъ единомысленны, что разомъ усильли оставить Александрію? Гдѣ все они дѣлись?

— Я ихъ не видѣлъ, и знаю только одно, что дома ихъ пусты.

— Иди же и береги тѣхъ остальныхъ, кто остался; ты мнѣ за нихъ отвѣчаешь. Завтра я приплю къ твоему дому отрядъ биченосцевъ, чтобы сопровождать васъ къ горѣ Адеръ. Иди!

Епископъ поклонился и вышелъ, но Псефора, давъ ему отдалиться отъ вѣрчихъ, нагнала его у двери и сказала:

— Старикъ! я должна тебя предупредить: ты ошибся.

— Въ чемъ?

— Ты наименовалъ не всѣхъ надежныхъ и достойныхъ вниманія людей твоей вѣры!

Епископъ подумалъ, стараясь припомнить, и отвѣтилъ:

— Ручаюсь тебѣ, что я никого съ умысломъ не скрывалъ и другихъ христіанъ не помню.

— Иѣтъ, я вижу, что ты одного укрываешь!

— Скажи мнѣ, какъ его имя?

— Его имя Зенонъ.

— Зенонъ!

— Да!.. Онъ знаменитый художникъ... Его всякій знаетъ въ Александріи и не знаетъ его невозможно.

— Ахъ, это кривой Зенонъ, златокузнецъ?

— Ты какъ будто насилу вспомнилъ его?

— Конечно, такъ это и есть: я его едва знаю.

— Какі! ты едва знаешь Зенона, котораго знаетъ вся Александрія?

— Изычская Александрія!

— Почему же только одна «язычская»?

— Онъ дѣлаетъ ваятельныя изображенія.

— Но развѣ это дурно?

— Христіанину непристойно этимъ заниматься.
— Почему же? Развѣ искусство унижаетъ христіанипа?
— Такъ постановилъ отецъ Аганитъ.
— Но, вѣдь, это безумно!
— Такъ постановилъ отецъ Аганитъ.
— Однако, все жъ Зенонъ вашей вѣры?
— Нѣтъ, мы его своимъ не считаемъ.
— Какъ нѣтъ? Развѣ онъ не вѣритъ ученію Распятаго?
— Ты, госпожа, не можешь объ этомъ судить.
— Я сужу по тому, что видѣла, а я видѣла большое доказательство тому, что Зенонъ — христіанинъ. Посылай скорѣе за Зенономъ, снѣши за нимъ самъ, зови его съ собою.

— Онъ не пойдетъ.

— Нѣтъ, онъ пойдетъ, и если только гора можетъ сдвинуться и пойти, то одинъ Зенонъ ее и сдвинетъ. Но чтобы тебя убѣдить, жди меня: я приду къ тебѣ и разскажу тебѣ больше.

Епископъ ушелъ и не послалъ за Зенономъ, а златные гости продолжали шировать, пока въ темномъ небѣ начали блѣднѣть звѣзды и посеребренный луною уголь пропалъ, слившись въ одинъ полумракъ съ остальными частями верхняго карниза. Гости хотя пили хіосское и фалернское вино въ смѣшеніи съ водой, но чувства ихъ быстро отяжелѣли. Дуназу показалось разъ, что луна исчезла. Онъ объ этомъ сказалъ и надъ нимъ посмѣялись. Правителю тоже показалось, будто на его лысый черепъ, разгоряченный виномъ, каннула холодная капля, но онъ только посмотрѣлъ на небо и, боясь быть смѣшнымъ, никому не сказалъ объ этомъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Утро слѣдующаго дня, который предшествовалъ сдвиганію горы христіанами и вступленію войскъ для усмиренія жителей, было насурное, что рѣдко случается въ эту пору года въ Египтѣ. Дулъ вѣтерокъ и по небу слегка обозначались зачатки перистыхъ облачковъ. Людямъ, которые собирались къ Адери, было легко и удобно отправиться туда и тамъ устраниваться.

Отъ города до Адера, по направленію къ Капонскому гирлу Нила, было день пути. Путь этотъ совершали какъ прогулку для большого удовольствія. Въ огромной толпѣ

чисто египетскаго народа было множество заѣзжихъ разно-
 странцевъ и осѣдлыхъ чужеземныхъ нашельцевъ. По дорогѣ
 люди подвигались безконечною веренищей; одни ѣхали на
 ослахъ, другіе на верблюдахъ, третьи въ колесницахъ, за-
 приженныхъ мулами, но всего болѣе было иѣшеходовъ.
 Шли старцы и взрослые мужчины и женщины. Последніи
 тащили съ собою нагихъ дѣтей. Торговцы несли или везли
 на ручныхъ телѣжкахъ тяжелыя корзины съ рыбами, съ
 прянымъ, испеченнымъ мясомъ, съ душистыми пряничными
 орѣхами и съ овощами, состоявшими болѣею частью изъ
 огромнѣйшихъ огурцовъ до фута длиною и изъ громадныхъ
 дынь, достигающихъ до пуда вѣсомъ. Плоды эти были пе-
 реложены листьями крапивы величиною въ двѣ человѣче-
 скія ладони. Другіе несли на головахъ огромные поливные
 сосуды почти въ ростъ человѣка. Узкія горла этихъ сосу-
 довъ были заткнуты тоже свѣжими листьями крапивы и
 обвязаны пузыремъ. Въ этихъ сосудахъ содержалось сирій-
 ское вино, которое хотя было и грубо, но на простой
 вкусъ нравилось не хуже, чѣмъ людямъ высшаго класса
 нравилось вино изъ Хіуса или отъ подошвы Везувія. Пе-
 каря двигали передъ собою длинныя ручныя телѣжки съ
 хлѣбами, у иныхъ наверху были привязы таганы и котлы,
 и мѣшки съ рисомъ и чеснокомъ, чтобы варить на мѣстѣ
 похлебку. Все собиралось пить и веселиться, и торошлось
 на мѣсто, чтобы занять лучшую позицію. Съ нѣкоторыми
 были легкіе переносныя шатры. Для богачей шатры были
 уже устроены равнѣе высланвою къ Адеру прислугой, а
 большинство тащило свои легкіе шатры на ослахъ за со-
 бою. Особенно выдѣлялись группы, состоявшія изъ полуна-
 гихъ илѣсуновъ на каватѣ и фокусниковъ, которые тутъ
 же на ходу глотали живыхъ змій и дѣлали мимоходомъ
 другія удобныя представленія; но всѣхъ болѣе интересовали
 собою нарядныя цвѣточницы, вокругъ которыхъ не-
 отступно вилась рѣзвая молодежь, увлекалась прелестями и
 весельемъ этихъ нестрогихъ и прелестныхъ красавиць. Са-
 мые знатныя ююнии, вырвавшись изъ города, гдѣ ихъ стѣс-
 нили приличія, здѣсь чувствовали себя на свободѣ и не
 хотѣли уже ничѣмъ стѣсняться, а, напротивъ, предавались
 самымъ необузданнымъ увлеченіямъ своего возраста и тем-
 нерамента. Цвѣточницы всѣ были молодыя женщины еги-
 петскаго типа, съ плоскочатыми лбами, но живыя, веселыя,

иногда остроумныя, красивыя, съ стройнымъ станомъ, пріятно округленными формами и замѣчательно упругимъ тѣломъ. Всѣ онѣ, какъ жрицы одного сладострастнаго культа, были въ бѣлыхъ полупрозрачныхъ одеждахъ съ яркими цвѣтными каймами, и одежды эти держались у нихъ только на одномъ лѣвомъ плечѣ, оставляя всѣ руки и правую грудь вовсе открытыми. Но, впрочемъ, и все остальное ихъ тѣло сквозило изъ-подъ легкой прозрачной матеріи и раздражало взглядъ молодежи, рыскавшей среди нихъ на своихъ пановскихъ коняхъ, украшенныхъ перьями. Когда приближались къ нимъ эти блестящіе молодые люди, цвѣточницы имъ улыбались и предлагали имъ купить у нихъ вѣнки и букеты изъ апельсиновыхъ цвѣтовъ и фіалокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подбрасывали передъ ними квитовое яблоко, служившее символомъ любви. Юноши плескали отъ восторга руками и покупали цвѣты, и старались поймать и разломить брошенное възглядъ молодежи, рыскавшей среди нихъ на своихъ пановскихъ коняхъ, украшенныхъ перьями. Когда приближались къ нимъ эти блестящіе молодые люди, цвѣточницы имъ улыбались и предлагали имъ купить у нихъ вѣнки и букеты изъ апельсиновыхъ цвѣтовъ и фіалокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подбрасывали передъ ними квитовое яблоко, служившее символомъ любви. Юноши плескали отъ восторга руками и покупали цвѣты, и старались поймать и разломить брошенное възглядъ молодежи, рыскавшей среди нихъ на своихъ пановскихъ коняхъ, украшенныхъ перьями. Цвѣточницы подвигались впередъ не спѣша, останавливались, разбивали нѣскольکو маленькихъ и очень легкихъ шелковые шатры, изъ которыхъ каждый могъ укрыть только двухъ человѣкъ. Подъ этими шатрами оставались на столько времени, сколько нужно было, чтобы съѣсть вдвоемъ квитовое яблоко.

Потомъ маленькій шатеръ снова свертывали и клали на спину осла, юноша отъѣзжалъ въ сторону на своемъ пановскомъ конѣ съ остриженной гривой, а цвѣточница присоединялась къ своему табору, гдѣ подруги ее встрѣчали рукоплесканіями и снабжали ее новыми цвѣтами и новымъ цѣлымъ квитовымъ яблокомъ.

Такъ весело шли, подвигаясь къ горѣ Адеръ, несмѣтная толпа всякаго рода жителей Александрии, посѣщавшія стать у Канопскаго гирла Нила наканунѣ дня, за которымъ должна наступить послѣдняя водная ночь. Это люди хотѣли притти заблаговременно, устроиться таборомъ и пропировать долгой вечеръ въ свѣжей атмосферѣ рѣки и вкусить здѣсь все, что имъ могли предоставить свобода и покровъ темной ночи.

Знатные люди, которымъ ихъ положеніе не позволяло смѣшаться съ толпою въ этомъ веселомъ канунѣ, должны были выѣхать сюда только вечеромъ, чтобы прибыть на зарѣ и прямо занять мѣста на огромномъ амфитеатрѣ, построенномъ изъ бревенъ и досокъ, обитыхъ нестрыми тка-

пями и коврами. Христіанъ же предположено было выслать подъ прикрытіемъ воиновъ и биченосцевъ въ полдень, такъ чтобы они прибыли къ горѣ Адеръ ранѣе правителя и знатныхъ особъ и не имѣли возможности устроить какой-нибудь фальши, а равно не имѣли бы основанія и жаловаться на то, что имъ педостаточно дано времени помолиться.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

По возвращеніи домой послѣ иира у правителя, гдѣ Нефора видѣлась и говорила съ епископомъ, она бросилась въ постель, но, несмотря на поздній часъ ночи, не могла заснуть: извѣстіе о томъ, что отвергнаго ее художника Зенона имѣть въ числѣ христіанъ, которые должны явиться передвигателями горы и подвергнуться, по всѣмъ вѣроятіямъ, всеобщему посмѣянію, поразило Нефору и отогнало отъ нея покой. Значить, все, что она затѣяла и устроила для отмщенія Зенону, сдѣлано напрасно; Зенона это ничто не коснется, а причинитъ тревогу и гибель только другимъ людямъ, совсѣмъ постороннимъ, которые лично передъ Нефорою ни въ чемъ не виноваты, а художникъ Зеновъ останется жить въ прежнемъ покоѣ!.. И Цеохъ и Бубаста своего достигнуть, но Нефора ничего не достигнетъ,—она кругомъ обманута и все черезъ свою собственную необходимость. Проклятіе! Могла ли она этого ожидать? И чтѣ это у нихъ за различія, которыхъ невозможно понять?.. Рабыня-христіанка, которая была нянькой Нефоры, много говорила ей въ дѣтствѣ о своемъ Богѣ, Который распятъ въ Иерусалимѣ. Нефора любила слушать, какъ Онъ *всѣмъ* сожалѣлъ и *всѣмъ* завѣщаль, чтобы никто не дѣлалъ другому зла. Нефора плакала вмѣстѣ съ рабыней, когда та говорила, какъ Его выгоняли, много разъ хотѣли убить и, наконецъ-таки, убили. Онъ былъ цѣломудренъ и добръ, и завѣщаль, чтобы всѣ любили другъ друга и прощали обиды. Она думала, что въ томъ все и дѣло. Кажется, такъ живетъ и Зенонъ: что Тотъ сказалъ, этотъ Его завѣта слушается. То же, о чемъ говорилъ епископъ, ей совсѣмъ ново и неконятно. Это какъ будто что-то другое и, между тѣмъ, это портитъ весь планъ Нефоры. Зенонъ ускользаетъ... Завтра послѣдній день. Завтра подъ вечеръ надо ѣхать къ Адеру. Нефора отдала уже приказаніе своему домоправителю изготовить ей колесницы и ея рабыни разостлали на широкихъ коврахъ

роскошный нарядъ, который будетъ украшать ее на одномъ изъ переднихъ мѣстъ амфитеатра. Нефора хотѣла перехитрить всѣхъ: и Пеоха, и Дуваза, и Бубасту, и самого правителя. Увѣренная въ томъ, что гора не сойдетъ съ своего мѣста и не пойдетъ въ воду, она была, несомѣнно, увѣрена и въ томъ, что когда вѣра христіанъ будетъ этимъ унижена, то раздраженный и отчаянный народъ бросится на христіанъ и станетъ бросать ихъ въ Илль. Пеохъ и Бубаста дадутъ къ этому знакъ, и дѣло будетъ сдѣлано, а въ то самое время, какъ эти погибнутъ уничижительною жертвой, Зенонъ будетъ спасенъ, потому что Нефора купила для него тайную охрану и помощь главы биченосцевъ. Его увезутъ къ ней въ ея имѣніе, дальше Пелузы, и она его найдетъ тамъ. Вѣдь она его любитъ, она хочетъ только унизить его вѣру, для которой онъ оскорбилъ ее, отвергнувъ предложенную ему любовь. У нея никто не отыщетъ Зенона; она его утаитъ отъ всѣхъ; онъ будетъ ея невольникъ, ея рабъ и... ея любовникъ... Или она будетъ его томить, терзать, мучить и... Она не знаетъ сама, чѣмъ это кончится, но это дастъ цѣну всей ея жизни... И вотъ идугъ и совершенно неожиданно послѣ того, что она узнала отъ епископа, все это выйдетъ не такъ. Напрасно утомятъ много людей, а Зенонъ останется съ своею особенною вѣрой, которая, по увѣренію епископа, совсѣмъ даже и не то, что ихъ настоящая христіанская вѣра. И эта ошибка неоправдима,—времени нѣтъ... Теперь и природа, и люди уснули, и Нефора должна тоже уснуть, чтобы завтра тѣло ея было бодро и сильно, а лицо ея ясно... Она должна скрыть отъ всѣхъ свою досадную ошибку и... она будетъ спать. Она обняла рукой любимую кошку, закрыла глаза и перестала обо всемъ думать. Въ мысляхъ Нефоры наступила минута бездѣятельности и пустоты, но сейчасъ же опять прорѣзалось опредѣленное понятіе: ей жарко, — кошка слишкомъ сильно согрѣла ей грудь. Нефора отстранила рукой кошку и изъ пушистой шерсти звѣрка сверкнули и тихо щелкнули двѣ маленькія красныя искры. Молодая женщина переложила кошку къ своимъ ногамъ, и искры снова блеснули. Нефора обернулась лицомъ къ стѣнѣ и снова старалась заснуть, но въ стѣнѣ подъ ковромъ что-то шуршало. Духота увеличивалась; откуда-то доносилось докучное блеяніе верблюдка и въ отвѣтъ ему слышались трескучіе крики ста-

раго верблюда. Не то, такъ другое постоянно мѣнало Нефорѣ заснуть. Едва умолкли верблюды, раздастся противный голосъ навлила. Нефора протянула руку къ шелковому шшуру и отдернула занавѣсу; серебряные колокольчики, подшитые на бахромѣ, мелодически пророкотали и открыли широкое окно съ каменною рамой. На небѣ уже разсвѣтало. Утренняя воздухъ сообщил Нефорѣ бодрость и у нея явилась смѣлая мысль еще разъ попытаться сдѣлать Зефона причастнымъ и тому, что ожидалось. Она позвала служанку, быстро одѣлась и велѣла какъ можно скорѣе подвести ей къ крыльцу осѣдланнаго мула.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Когда Нефора вышла и сѣла въ сѣдло, было еще сѣро и въ городѣ не слышно было никакого движенія, только глинистые голуби оправлялись спросонья на нестрой голубятнѣ и тоскливо ворковали, какъ будто они были чѣмъ-то недовольны.

Нефора накрылась темнымъ покрываломъ и велѣла проводнику вести мула по дорогѣ къ Марсеотидскому озеру, гдѣ на берегу, въ извѣстной ей мѣстности, жилъ христіанскій епископъ.

На одномъ поворотѣ мимо глазъ Нефоры что-то мелькнуло и въ то же время проводникъ на нее оглянулся значительнымъ взглядомъ.

— Что это?—спросила Нефора.

— Это нильскія ласточки.

— Такъ что же?

— Онѣ посѣщаютъ... и держатся близко къ землѣ...

— Что-жъ это значитъ?

— Это бываетъ, когда... Но позволь, госпожа, я слышу большое движеніе... Позволь переждать здѣсь минуту... Народъ нынче ночью принесъ въ жертву чернаго ягненка у фарроской пещеры Неоха и теперь провожаетъ старца... Смотри, вонъ уже видно—тамъ изъ-за угла выступаетъ высокій бѣлый верблюдъ подъ роскошнымъ ковромъ, на немъ ѣдетъ темный старикъ—это Неохъ. Смотри, какъ онъ видимо святъ, какъ изнеможено его тѣло. Обрати вниманіе: лоскуты у его препоясыя подвязаны тростникомъ и осокой, но и этотъ утлый поясъ на немъ не порвется. Неохъ много лѣтъ уже не выходилъ изъ своей фарроской пещеры, и те-

перь ѣдетъ, конечно, къ Канопскому гирлу, куда удаляется вся Александрія, чтобы смотрѣть, какъ суевѣрные люди, вѣрующіе въ распятаго Бога, будутъ сдвигать гору Адеръ. Народъ ночевалъ у пещеры Пеоха и теперь сопровождаетъ его толпою: тебя могутъ обидѣть, если ты не повелишь мнѣ остановиться и подождать, чтобы не переходить дороги святому человѣку.

— Остановись и пропусти ихъ.

И Нефора видѣла, какъ передъ нею прослѣдовалъ на бѣломъ верблюдѣ темнолицый, исхудалый, лобастый мемфитъ, окруженный несмѣтною толпою самой набожной черни. Здѣсь были люди, которые не искали легкомысленныхъ увеселеній въ ранѣ вышедшемъ таборѣ. Въ этой суровой толпѣ не было ни назойливыхъ продавцовъ рыбы, ни веселыхъ канатныхъ плясуновъ, ни фокусниковъ, ни красивыхъ цвѣточницъ, съ ихъ легкими ширмами на маленькихъ осликахъ. Пеоха провожала фанатическая толпа мрачно глядѣвшихъ полунагихъ мужчинъ и женщинъ, которыя безпрестанно поднимали надъ своими головами грудныхъ дѣтей, чтобы они могли видѣть Пеоха. Черезъ это дѣти должны исцѣлиться отъ боли глазъ и отъ грыжъ, которыми многія изъ нихъ страдали отъ крика.

Нефора видѣла и изнеможенное темное тѣло нагого мемфита, и страшный взглядъ его глазъ съ больными вѣками и сверкавшими бѣлками.

Въ этой толпѣ опять тоже много собакъ и кошекъ, а сзади всѣхъ, верхомъ на старомъ верблюдѣ, сидѣла баба Бубаста; передъ нею на сѣдлѣ былъ взвизавъ еще живой черныи баранъ съ вызолоченными рогами, среди которыхъ сверкала привязанный жертвенный ножъ.

Это было животное для второй, благодарственной жертвы, когда месть совершится у Канопскаго гирла.

Баба Бубаста узнала Нефору, показала ей рукою на ножъ и сказала:

— Мсти за себя, а въ каменоломнѣ услышать о мщеніи Бубасты.

Гляди на бабу Бубасту, всякій могъ бы признать справедливое замѣчаніе египетскаго царя Амазиса: «жены Египта мстивы и смѣлы: легче имѣть дѣло съ раздраженною львицею, чѣмъ съ обиженною египтянкой».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Нефора, пропустивъ шестіе, достигла жилища епископа, которое охраняли воины, имѣвшіе приказаніе отъ правителя: выпускать только тѣхъ, кто самъ назоветъ себя христіаниномъ, или же тѣхъ, кого доставить сюда подъ надзоромъ полицейскіе биченосцы, которымъ приказано было вездѣ разыскать христіанъ, чтобы у Адера кружокъ ихъ не былъ малъ и незамѣтенъ. И биченосцы исполняли данное имъ повелѣніе. Хотя добровольно объявляться христіанами никто не приходилъ, но дворъ епископскій былъ полонъ насильно согнанныхъ людей обоюго пола, которые страшно стѣновали и плакали, и бранили епископа. Онъ же сидѣлъ, склонивъ голову, и не только не отиѣчалъ на обиды, но даже, казалось, и не замѣчалъ, что вокругъ него происходитъ. Лицо его было пасмурно и горько. Онъ такъ же, какъ Нефора, совсѣмъ не спалъ минувшую ночь, и нервы его послѣ сильнаго возбужденія пришли въ состояніе притупленности. Въ такомъ же приблизительно состояніи были и сидѣвшіе близъ него пресвитеры и діаконы, изъ которыхъ послѣдніе безпреставно отлучались, чтобы давать людямъ ищущу.

Чтобы пройти на дворъ епископа, Нефорѣ оставалось одно средство — назвать себя христіанкой, что она и сдѣлала, и воины, сторожившіе входъ во дворъ, тотчасъ же ее пропустили, оставивъ снаружи подъ деревомъ ея мула и провожатаго.

Пробиваясь черезъ толпу людей, тѣснившихся въ predetermined и раздраженномъ состояніи на дворѣ, Нефора видѣла множество плачущихъ женщинъ и дѣтей, и сердце ея сжалось; но когда она съ усиліемъ достигла въ покои епископа и увидала его окаменѣлое равнодушіе, это ее даже удивило. Увидѣвъ Нефору, онъ не выразилъ никакого особеннаго движенія и тотчасъ же перевелъ глаза на другой предметъ и сталъ потирать одну о другую свои старческія руки.

— Я пришла къ тебѣ по важному дѣлу, — заговорила, нѣсколько поспѣвая и оглядываясь по сторонамъ, Нефора.

Епископъ молчалъ.

— Я хотѣла бы сказать тебѣ что-то наединѣ.

— Развѣ ты христіанка?

— Да, я христіанка.

— Но... мнѣ кажется... я видѣлъ тебя вчера на ииру у правителя... Ты была его гостьей.

— Да, ты меня видѣлъ. Я тамъ была... я хотѣла все знать, что они думаютъ сдѣлать.

— Что же ты хочешь?

— Я страшусь за то, что съ вами случится, если вы пе сдвинете гору.

Окружавшіе епископа пресвитеры, услыхавъ такія сердо-больныя слова, тихо толкнули другъ друга и прошептали:

— Ее надо выслушать.

— Говори же при нихъ; они всё хотятъ тебя слушать!— отозвался епископъ.

Нефора, увидавъ, что епископъ не избѣгаетъ присутствующихъ, и сама не стала таяться, и заговорила открыто:

— Я удивляюсь тому, что не вижу между вами чело-вѣка, который вамъ могъ бы оказать всего болѣе пользы въ эту пору.

— Кто же онъ такой? Вѣроятно, онъ не нашъ, или онъ теперь отрекся?

— Нѣтъ, онъ преданъ христіанскому ученію и онъ не таковъ, чтобы отречься.

— Назови же скорѣй его имя.

— Художникъ. Зенонъ.

И едва лишь Нефора произнесла это имя, какъ всё заговорили наперебой:

— Какъ! знаменитый Зенонъ—златокузнецъ!

— Зенонъ, пріятель знатныхъ людей!

— Первый мастеръ въ Египтѣ! Зенонъ, въ которомъ жи-ветъ душа Θεодора, скульптора царя Амазиса!

— Зенонъ, кривой, съ повязкой на лѣвомъ глазу, кото-рый онъ потерялъ вдругъ, отъ неизвѣстной причины!

— Да, да, да; это онъ, тотъ самый Зенонъ,—Зенонъ зла-токузнецъ, котораго знаетъ и привѣчаетъ вся знать, въ которомъ воскресло искусство скульптора царя Амазиса; это Зенонъ съ голубою повязкой на лѣвомъ глазу, который онъ утратилъ вдругъ и отъ никому неизвѣстной причины. Онъ скрываетъ эту причину...

— Да, да; онъ не говоритъ о ней никому.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло! Онъ долженъ ее скрывать... А я ее знаю!— сказала Нефора.

— Она знаетъ причину, которую отъ всѣхъ скрываетъ Зенонъ! Слушайте!

— Это любопытно.

— Но это не идетъ теперь къ нашему положенію и къ нашему дѣлу.

— Нѣтъ, именно это идетъ теперь къ вашему дѣлу. Зенонъ—тогъ человѣкъ, который вамъ нуженъ... Зенонъ васъ можетъ спасти!

— Что она говоритъ? Чтò говоритъ вамъ госпожа?—закричали на дворѣ люди, толпившіеся у веранды, на которой Нефора говорила съ епископомъ и пресвитерами, и многие стали исходить на ступени.

— Не толпитесь сюда, иначе вы всѣхъ насъ собьете съ мѣста!—закричалъ одинъ изъ пресвитеровъ. — Стойте смирно, и я расскажу вамъ, въ чемъ дѣло. Эта госпожа—христианка; она пришла сюда къ намъ сама, безъ принужденія, и говоритъ, что знаетъ человѣка, который можетъ сдѣлать, чтобы гора сдвинулась съ мѣста и пошла въ воду...

Но едва лишь пресвитеръ сказалъ это, послышался гулъ голосовъ, и всѣ люди бросились на террасу, и закричали:

— Пусть она всѣмъ намъ говоритъ!.. Мы не хотимъ погибать, мы всѣ хотимъ слышать, чтò она скажетъ!

Терраса покрылась людьми, пресвитеры были смяты, а епископъ, покинувъ свое кресло съ высокой спинкой, поспѣшно скрылся въ двери внутреннихъ комнатъ. Нефора же мгновенно встала на его опустѣвшее кресло и, взявшись одною рукой за верхнее украшеніе его спинки, подняла другую свою руку къверху и громко сказала:

— Молчите!

Гулъ народа утихъ и всѣ замолчали.

— Хороша я?—спросила Нефора.

Ей никто ничего не отвѣтилъ.

— Я не прельщать васъ пришла, но хочу рассказывать вамъ о дѣлѣ.

— Ты прекрасна!

— Ты прельстишь кого хочешь!—раздались голоса изъ народа.

— Ты даже можешь заставить забыть страхъ въ виду неминуемой смерти,—произнесъ голосъ вблизи самаго кресла, на которомъ стояла Нефора.

— Но все это бессильно было надъ тѣмъ, кого я назову вамъ: Зенонъ художникъ пренебрегъ моею красотой для словъ вашего Бога... Онъ оттолкнулъ меня и, чтобы не видѣть моей красоты, которую я ему отдавала, онъ вонзилъ при мигъ ножъ себѣ въ глазъ. Вотъ отчего окривѣлъ вашъ великій Зенонъ-златокузнецъ, вотъ какъ сплыла его вѣра! Зовите скорѣе его, и если не ложно, что человѣкъ съ вѣрою можетъ сдвинуть гору, то Зенонъ сдвинетъ гору.

— Да, да, кто такъ твердъ, какъ Зенонъ, тотъ сдвинетъ гору!.. Гдѣ же онъ, гдѣ? Мы призываемъ Зенона!

Тогда Нефора сказала дякону:

— Напиши поскорѣе извѣстie Зенону и брось свитокъ со стѣны мосму рабу, который стоитъ съ осѣдланнѣмъ муломъ подъ деревомъ по ту сторону запертыхъ воротъ. Пусть онъ спѣшитъ къ Зенону, не жалѣя мула, и вы увидите, что прежде чѣмъ придутъ биченосцы, чтобы гнать васъ оцѣпленными веревкою къ Адеру, Зенонъ будетъ здѣсь, и сердца ваши утѣшатся, а я остаюсь съ вами залогомъ моего обѣщанiя.

Все такъ и сдѣлалось, какъ сказала Нефора. Волненiе народа было такъ велико, что ни епископъ, ни пресвитеры уже ни во что не вступались и надъ всѣмъ положенiемъ царилъ Нефора, на которую всѣ хотѣли смотрѣть и ее слушали. Дяконъ нашелъ трость и напишетъ и напишетъ дрожащею рукою: «Зенонъ! Люди въ смертной бѣдѣ тебя призываютъ. Приди, облегчи или раздѣли съ ними ихъ участь». Рабъ Нефоры съ этою запиской поѣхалъ къ Зенону, и всѣ стали ждать: придетъ ли художникъ и будетъ ли приходъ его во-время, прежде чѣмъ придутъ отрядъ биченосцевъ, которые выгонять ихъ къ горѣ Адерь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Встревоженные люди безпрестанно мѣняли свое настроенiе, переходя отъ надежды къ отчаянiю: то они вѣрили, что Зенонъ придетъ, и при немъ, какъ при человѣкѣ, который хорошо знакомъ всѣмъ знатнымъ людямъ, суровость правителя измѣнится; то говорили: «что можетъ заставить Зенона покинуть спокойную жизнь и отдать себя добровольно нашей печальной судьбѣ?» Епископъ и его приближенные люди тоже считали это совѣтъ невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что они и не считали Зенона за христiанина.

— Опъ,—разсуждали они:—знаеть, что мы съ нимъ несогласны. Ему гвѣтъ дѣла до чуда, котораго отъ насъ требуютъ. Опъ не пойдетъ съ нами на муки.

Въ этихъ сомнѣніяхъ прошло довольно времени и уныніе усиливалось, а за часъ до полудня люди, глядѣвшіе въ городъ со стѣны, замахали руками и закричали:

— Идутъ биченосцы!..—и многіе упали въ страхъ на землю.

Но одинъ человѣкъ, который не успѣлъ соскочить вмѣстѣ съ другими, замѣтилъ, что съ другой стороны во весь скокъ неся верхомъ на красногвѣдомъ конѣ молодой статный всадникъ съ непокрытою головою, остриженною по греческой модѣ, и съ повязкой черезъ лѣвое око.

— Братя! — воскликнулъ увидѣвшій всадника человѣкъ:—мы спасены: къ намъ скачетъ Зеновъ-златокузнецъ.

И Зеновъ въ самомъ дѣлѣ опередилъ биченосцевъ, бросилъ поводья копя, соскочилъ и вскричалъ громко стражѣ:

— Откройте двери и впустите меня: я христіанинъ; я хочу быть съ тѣми, которые будутъ страдать!

Ворота раскрылись, и стража впустила Зепона.

Толпа христіанъ мгновенно его окружила и всѣ старались ему наперерывъ говорить, а опъ не могъ никому отвѣчать и шелъ между ними спокойно и тихо всѣмъ повторять:

— Не бойтесь!.. Христось среди насъ... Почтимъ слова Его послушаньемъ... Умремъ за нашего Учителя!

— Умремъ, если нужно, умремъ!—прокатило въ народѣ.

Зеновъ сталъ обнимать и цѣловать людей направо и лѣво.

Нефора смотрѣла на Зепона съ высоты террасы и любовалась спокойствіемъ его походки и движеній его рукъ, которыми онъ то обнималъ, то ласкалъ людей, бросавшихся къ нему со стенашемъ и воплями.

Душа этого человѣка точно не знала страха, и Нефорѣ казалось, что она видитъ не мученика, который готовится встрѣтить скоро униженіе и смерть, а актера,—такъ всякое движеніе Зепона было красиво и нѣжно, а въ то же время исполнено достоинства и силы.

Увидѣвъ Нефору, Зеновъ на мгновенье остановился. Присутствіе ея здѣсь удивило его, но опъ тотчасъ же оправился, поднялъ руку къ своему выколотому глазу, поправилъ повязку и пошелъ безостановочно дальше въ по-

кон, гдѣ былъ епископъ. Тамъ Зенонъ оставался минуту и, снова выйдя на террасу, сказалъ:

— Братья и сестры! если силенъ и бодръ духъ, въ васъ живущій, пусть насъ не ведутъ,—пойдемъ лучше сами. Я извѣстенъ правителю и сейчасъ пойду къ нему и упрошу его, чтобы онъ дозволилъ намъ идти къ горѣ Адеру однимъ, безъ надзора его бичелосцевъ.

— Это зачѣмъ же?—проговорило нѣсколько голосовъ.

— Для того, чтобы всѣ видѣли, что мы идемъ доброю волей, а не по принужденію.

Люди молчали, но изъ толпы вышелъ одинъ шерстобитъ, по имени Малафей, и, лукаво взглянувши въ лицо Зенона, сказалъ:

— Я тебя понимаю. Иди и проси. Поклянись, что мы пойдемъ сами.

— Я не знаю, какъ ты меня понимаешь, но я клясться не стану. Намъ не дозволено клясться, но я скажу, что мы не унизимъ имени Христова.

Тогда всѣ закричали:

— Да, да! прекрасно! Иди, братъ нашъ Зенонъ, иди и давай за насъ слово, что мы не посраимъ имени Христова.

— Но только вернешься ли ты самъ къ намъ? — спросилъ Малафей шерстобитъ.

Зенонъ поблѣднѣлъ и отвѣчалъ:

— У меня нѣтъ ни жены, ни дѣтей, которыхъ бы я могъ вамъ оставить заложниками; но я не лгу: я — христіанинъ.

— Страхъ дѣйствуетъ на всякаго, и было бы лучше, если бы ты оставилъ заложника.

— Я остаюсь залогомъ, что Зенонъ вернется! — вскричала Нефора.

Зенонъ на нее оглянулся и молвилъ:

— Благодарю тебя. Миѣ нуженъ всего только одинъ часъ времени. Но если случится...

— Если ты черезъ часъ не вернешься, пусть они растерзаютъ меня на этомъ помостѣ,—досказала Нефора.

Зенонъ протянулъ ей руку и пожалъ ее сердечнымъ пожатіемъ.

Стража выпустила Зенона съ однимъ изъ бичелосцевъ, но еще до истеченія часа художникъ вернулся одинъ, имѣя

въ рукахъ напируеть, на которомъ для христіанъ написанъ былъ пропускъ къ горѣ безъ всякаго караула.

Виченосцы предъ ними раскрыли ворота, и они вышли свободно. Впереди шелъ большой епископъ, а его подъ руки поддерживали Зенонъ и женщина въ темномъ покрывѣ.

Это была Нефора.

Пока они шли городомъ, она не поднимала съ головы своего покрывала, и многіе спрашивали: кто это такая? Христіане же, проходя, отвѣчали: это новая христіанка! Но потомъ сами себя вопрошали: гдѣ и когда эта женщина крестилась? Какъ ея христіанское имя? Зенонъ долженъ знать о ней все, но неизвѣстно и то, гдѣ принялъ вѣру Зенонъ... Только теперь неудобно было ихъ разспрашивать, такъ какъ они идутъ впереди бодрѣо всѣхъ и на ихъ плечи опирается ослабѣвшій епископъ...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Межъ тѣмъ какъ свободно вышедшіе христіане пошли къ Адеру, передъ вечеромъ изъ Александріи выступала въ томъ же направленіи къ Канонскому гирлу третья группа путешественниковъ. Эта опять представляла собою совсѣмъ не то, что шумный таборъ ткачей и шерстобитовъ и веселыхъ зрителей съ фокусниками, илисунами и цвѣточницами, и не то, что представляла собою вышедшая вторая кучка пріунывшихъ христіанъ. Теперешняя группа отличалась важностью: это были знатныя лица и ихъ свита.

Впереди всѣхъ показались изъ воротъ на канонской дорогѣ египетскіе и греческіе воины, взаимно ненавидѣвшіе другъ друга; за ними купцы въ однообразныхъ одеждахъ съ пестрою бахромой. За купцами египетскіе жрецы, въ болѣе длинныхъ, но тоже однообразныхъ бѣлыхъ одеждахъ, съ драгоценными перевязями, въ однообразныхъ же широкихъ шейныхъ украшеніяхъ, въ повязкахъ и съ фальшивыми черными локонами, ниспадавшими на ихъ шею и на спины. За длинноволосыми жрецами, также въ строгомъ порядкѣ, шли другіе жрецы, у которыхъ головы были тщательно выбриты. За этими, отступя, шелъ старшій жрецъ, у котораго сіялъ на груди сафирный амулетъ.

У всѣхъ жрецовъ въ рукахъ были длинныя серебряныя посохи съ бѣлыми цвѣтами лотоса въ набалдашникѣ; у старшаго жреца посохъ былъ золотой и серебряный цвѣтокъ

лотоса окружень пукомъ страусовыхъ перьевъ. Отъ ихъ одеждъ и париковъ далеко разносился запахъ мускуса. За жрецами шли чиновники, а потомъ факелоносцы, биченосцы, разстилатели ковровъ, жезлоносцы, виночерпни и хлѣбодары, а за этими слѣдовали на мулахъ однообразно раскрашенныя двухколески, на которыхъ помѣщались ярко-расцвѣченныя корзины и боченки; за хлѣбодарами выступали, въ огромныхъ высокихъ колпакахъ, родовспомогатели и глазные врачи, за ними — одѣватели и раздѣватели, потомъ торжественныя пѣвцы и народныя танцовщицы, болѣ скромныя, чѣмъ цвѣточницы, но одѣтыя, впрочемъ, безъ лифвъ, въ однѣхъ лишь прозрачныхъ и легкихъ коротенькихъ юбкахъ; потомъ сотрапезники выстѣ обоюго пола, въ свободныхъ и разнообразныхъ нарядахъ и съ иною свободой движеній, но съ однообразіемъ вѣявшей около нихъ атмосферы мускуса. За этою чрезвычайно большою вереницей пѣшихъ людей слѣдовалъ самъ правитель на прекрасномъ низейскомъ конѣ, у котораго хвостъ и грива были подстрижены, а самъ конь весь искусно выкрашенъ голубою краской.

Самъ правитель былъ въ красномъ съ золотомъ широкомъ и длинномъ плащѣ, а сѣдо, и узда, и новодья его коня всѣ тиснены золотомъ и съ золотою бахромой.

За нимъ слѣдовала его колесница изъ чернаго дерева съ слоновою костью, съ серебрянымъ дышломъ и такою же серебряною оковкой колесъ. Въ эту колесницу была впряжена четверка вороныхъ коней — прямыхъ и чистокровныхъ потомковъ коней фараоновъ. Ихъ сбруя была изъ золотистаго шелка, а ихъ остриженныя гривы и челки покрыты тончайшими золотыми сѣтками работы Зенона. Эта колесница была пуста, потому что она была приготовлена для Нефоры, но Нефоры никто не могъ отыскать передъ выѣздомъ, и ея внезапное исчезновеніе смущало правителя и было предметомъ толковъ у знати. За пустою колесницей Нефоры слѣдовало множество другихъ, также парадныхъ закрытыхъ колесницъ, въ которыхъ ѣхали женщины, и потомъ музыканты и барабанщики, и сзади всѣхъ опять въ высокихъ колпакахъ биченосцы, которые равнодушно шелкали своими длинными палками направо и налево, гдѣ шель какой-нибудь споръ или просто раздавался сколько-нибудь оживленный говоръ въ толпѣ, собравшейся посмотрѣть на шествіе знатныхъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Огромный городъ теперь казался почти опустѣвшимъ. Многие дома совсѣмъ были заперты, въ другихъ оставались только больные да слуги, оставленные для присмотра. Огни вездѣ рано погасли и скоро настала повсемѣстная тишина. Луна свѣтила надъ совершенно опустѣвшими улицами; въ созвѣздіи Пса ярко горѣлъ Сиріусъ. На круглую площадь между Воротами Солнца и Воротами Луны вышли три звѣздочета въ длинныхъ желтыхъ хитонахъ. Двое изъ нихъ были глубокіе старцы, а третій немного моложе. Они долго смотрѣли на небо, гдѣ сверкалъ Сиріусъ, потомъ на принесенныя съ собою таблицы, и потомъ всѣ въ-разъ хлопнули ладонями и выгнули впередъ свои руки, какъ будто бы что-то отъ себя отстраняли. Такъ обыкновенно египтяне молились. Затѣмъ звѣздочеты вздохнули, произнесли слово: «поздно» и, подхвативъ полы своихъ одеждъ, пошли быстро къ своимъ домамъ и крѣпко закрыли за собой свои двери.

Въ обширныхъ, опустѣлыхъ палатахъ правителя отдавало теперь чѣмъ-то невыносимо жуткимъ. Когда оставшійся при домѣ правителя хлѣбодаръ, старый рабъ изъ Вавилона, вошелъ въ столовую, чтобы убирать несѣденныя гостями кушанья и недонитыя вина, ему показалось, что по стѣнамъ открытой столовой движутся тѣни. Или это луна свѣтитъ нынче совсѣмъ необыкновенно.

— Да,—сказалъ онъ себѣ:—что-то неладно на небѣ. Не это ли самое и служитъ причиной, что я чувствую тяжесть и ощущаю во рту горькій вкусъ хрѣна? Или, быть-можетъ, это оттого, что я всѣ эти дни очень много хлопоталъ и сегодня всталъ очень рано?.. Какіе ненавистные люди эти христіане! Для чего въ самомъ дѣлѣ они сбавляютъ цѣны на работу и дѣлаютъ тѣмъ непріятности намъ, серьезно занятымъ людямъ? Впрочемъ, теперь я могу о нихъ позабыть и понировать одинъ на свободѣ: вино, особенно хорошее, цѣльное вино отъ Везувія вкусно, только никогда бы не надобно портить его водою по греческой модѣ. Хорошее вино должно помогать во всѣхъ случаяхъ жизни. Я сяду на мѣсто моего господина и буду пробовать хорошія вина изъ его чашки.

И онъ не сталъ портить водою вина по греческой модѣ, а, усѣвшись въ спокойное кресло своего господина, подвиг-

нулъ къ себѣ сосуды съ фалернскимъ, хіосскимъ, антильскимъ и кирскимъ виномъ и началъ лѣчиться отъ горькаго вкуса. Предавшись сравненію достоинства разныхъ винъ, онъ не замѣтилъ, какъ въ этомъ занятіи время быстро летѣло и безпорядокъ на небѣ усиливался. Серебристый свѣтъ луны все слабѣлъ и вдругъ совершенно исчезъ, и на темя хлѣбодара, которое было такъ же голо, какъ темя его господина, капнула холодная капля. Хлѣбодаръ отеръ рукой эту каплю и шутиливо подумалъ: «О, Ариманъ, Ариманъ, для чего ты такъ сердиться? Не плюй на меня, дай мнѣ насладиться моимъ положеніемъ. И тоже выпусти, пожалуйста, опять луну на небо... Я еще совершу въ твою честь возліяніе... Вотъ и хорошо!..»

Луна, въ самомъ дѣлѣ, снова свѣтила. Хлѣбодаръ это видѣлъ, но зато въ головѣ у него стоялъ звонъ, а въ воздухѣ что-то шумѣло. Чтобы поправить свое состояніе, хлѣбодаръ выпилъ еще большой кубокъ вина, и это его такъ успокоило, что онъ склонилъ голову на руки и, зѣвнувъ крѣпко, уснулъ сразу. И хорошо ему спалось! Ему снилось веселое дѣтство, знойное солнце долины Евфрата, Кунакай, путь десяти тысячъ грековъ, красивые отроки съ открытыми шеями и веселыми глазками, онъ бѣгалъ съ ними, ловилъ ихъ, но они смѣялись надъ нимъ и отъ него убѣгали, но вдругъ ихъ игры увидала его жена египтянка и кинулась на него въ неистовомъ безуміи. Властолюбивая и ничѣмъ не сдерживаемая, какъ всѣ египтянки, она совершаетъ надъ нимъ что-то ужасное: онъ чувствуетъ какъ она его треплетъ, такъ, что и земля колеблется подъ его ногами, и столъ дрожитъ подъ его головою, а кругомъ все грохочетъ, все полно огня и воды, огонь смѣшался съ водою и въ такомъ несчастственномъ соединеніи вмѣстѣ наполняютъ открытую комнату, а мокрое небо, какъ гигантская тряпка, то нависнетъ, то вздуется, то рвется, то треплетъ, хлопя и по немъ, и по сосудамъ съ виномъ, и все разбиваетъ вдребезги, все швыряетъ впотьмахъ—и блюда, и кубки, и сопровождаетъ свое неистовство звономъ колокольчиковъ, пришитыхъ къ краямъ сдвижной занавѣски, и трескомъ лопающейся мокрой шелковой матеріи.

Къ сожалѣнію, все это не было сонъ: все это происходило на дѣлѣ, хотя не совѣтъ такъ, какъ казалось въ опьянѣвшей головѣ хлѣбодара. Страшнѣйшая гроза и ужаснѣй-

шій ливень, о какихъ люди не имѣютъ понятія въ Европѣ и которые составляютъ рѣдчайшія явленія въ Египтѣ, разразились надъ Александріей. Ужасная туча примчалась на крыльяхъ разрушительной бури, — молніи рѣяли во всѣхъ направленіяхъ, а въ промежуткахъ ихъ не было видно ни зги. Хлѣбодаръ не могъ различить: была ли теперь ночь или утро; вода лилась потокомъ, было темно, и вѣтеръ хлесталъ по всей комнатѣ сорванною съ прутьевъ потолочною занавѣсой. На плитахъ пола бушевала вода по колѣно и въ ней плавали подушки съ сидѣній и разная домашняя утварь. Подъ мокрою занавѣсой можно было задохнуться. Хлѣбодаръ взвылъ отчаяннымъ голосомъ и бросился искать спасенія подъ крытымъ порталомъ.

Здѣсь онъ спрятался за колонны и замеръ, снова утративъ сознание отъ страха.

Недаромъ, значить, вчера въ пьяныхъ глазахъ Дуназа исчезла луна; недаромъ капнула капля воды на голову нировавшаго правителя; недаромъ безпокойно перекликались ночью верблюды, мѣшавшіе спать спокойно Нефорѣ; не безъ причины ея проводникъ обратилъ вниманіе на низко летѣвшихъ нильскихъ ласточекъ. Всѣ они чувствовали приближеніе могущественнаго явленія, котораго не ожидали люди и которое звѣздочеты отмѣтили «поздно» и поспѣшили запереть свои двери.

Когда пронесся ужасный ураганъ и ливень сталъ утихать, хлѣбодаръ очнулся, вышелъ на дворъ и сталъ, прислонясь на колеблющихся ногахъ къ стѣнѣ, и такъ оставался долгое время, глядя вокругъ помутившимися глазами и оттопыривъ впередъ толстыя губы.

Ничего онъ не узнавалъ изъ того, что привыкъ видѣть, выходилъ по утрамъ обозрѣвать домовитый дворъ своего именитаго господина: всегда обыкновенно стройное хозяйство представляло теперь полный хаосъ. На дворѣ плавали скамьи, двери, запасныя колесницы и разная рухлядь, а также забытыя дождемъ и утонувшія куры и навлины, и въ числѣ этихъ разныхъ плавающихъ мертвыхъ птицъ хлѣбодаръ замѣтилъ тоже письмоноснаго голубя.

Хлѣбодаръ по вдохновенію почувствовалъ что-то недоброе: онъ сейчасъ же спустился по колѣно въ воду, взялъ птицу въ руки, отыскалъ у нея подъ шейкою слюдяную трубку и, доставъ изъ нея крошечную полоску папируса,

прочиталъ ее и, закричавъ благимъ матомъ, кинулся бѣжать къ домику, гдѣ было его жилище.

Здѣсь онъ нашелъ помощь у своей жены, которая съ перепуга и радости, что видитъ мужа живого, изо всей силы ударила его по головѣ и, вырвавъ изъ его рукъ слюдяную цедулку, прочла въ ней очень короткое, но роковое извѣстіе: «Суда разбиты въ виду Лохіаса».

Теперь и жена оттопырила губы точно такъ же, какъ мужъ, и точно такъ же, какъ онъ, сѣла противъ него на скамейку, и оба шептали другъ другу:

— Что теперь будетъ?

Наконецъ, на хлѣбодара нашло осѣненіе, онъ всталъ, приложилъ ко лбу палецъ и, подумавъ, отвѣтилъ:

— Я не знаю, что будетъ, но я догадался, что это было!

— А что именно было?—спросила жена.

— Было то, что христіане сдвинули гору!

— Ты, вѣрно, до сихъ поръ еще пьянъ?

— Да. Ты въ этомъ совершенно такъ же не ошибаешься, какъ я не ошибаюсь въ томъ, что они сдвинули гору.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Толпы народа, выступившія раньше, чѣмъ вышелъ великолѣпный дворъ правителя, пришли къ назначенной горѣ не одновременно и расположились различно. Веселая толпа, имѣвшая среди себя цвѣточницъ, музыкантовъ, продавцовъ рыбы и фокусниковъ, пришла не первая. Ее опередили люди, приплывшіе сюда на судахъ, которыя стояли уже на рѣкѣ въ виду горы Адеръ. Богатые люди, приплывшіе на ярко-раскрашенныхъ судахъ, съ крокодилами на носахъ и подъ парусами пурпурнаго и голубого цвѣта, размѣстились въ амфитеатрѣ; а бѣдные люди, приплывшіе на толстодонныхъ ладьяхъ подъ парусами изъ сѣраго или коричневаго полотна, расположились прямо на землѣ. Это былъ огромный чернорабочій лагерь, въ сторонѣ отъ обитыхъ коврами деревянныхъ скамей и навѣсовъ, устроенныхъ для ожидаемой большой публики. Чернь и гуляки, которые дошли сюда таборомъ, не искали сближенія со знатью. Они находили въ самихъ себѣ довольно всего, что нужно было для ихъ забавы и радости. Таборъ ихъ теперь представлялъ чрезвычайно большое оживленіе: здѣсь пылали костры, кипѣли котлы съ рыбой, пили вино и илисали; фокусники

лили изъ одного сосуда воду и кровь, пускали изъ рукава лебедей, а когда народъ слишкомъ надвигалъ на нихъ и стѣснялъ ихъ арену, они бросали на землю вишенныя жезлы, собранныя изъ мелкихъ штучекъ, искусно напизанныхъ на тонкую струну, и когда брали эти жезлы искусною рукой за конецъ, то жезлы изгибались и вертѣлись какъ змѣи. Народъ разбѣгался съ крикомъ и хохотомъ. Два или три зоюна изъ «дряниного народа Кушъ» водили красивыхъ и проворныхъ верблюдовъ изъ породы «мегари» и заставляли ихъ танцевать. На тѣхъ, кто не умѣлъ оцѣнить искусства верблюдовъ, эти ученые животные умѣли плюнуть, и это тоже возбуждало всеобщій хохотъ. Но танцы мегари больше всего привлекали только дѣтей и женщинъ. Мужчины всякаго возраста наперебой рвались къ палаткамъ цвѣточницъ. Въ широко раскинувшемся таборѣ слышались самыя разнообразныя музыкальныя звуки: здѣсь гудѣли сильныя индѣйскія трубы, тамъ раздавалась нѣжная фригійская флейта; въ третьемъ мѣстѣ бряцали иудейскіе кимвалы и рокотали арфы; можно было отличать также звуки нафлагонскихъ тамбуриновъ, сирійскихъ бубновъ, индѣйскихъ раковинъ и арійскихъ барабановъ. Среди пришлыхъ горожанъ ходили крестьяне изъ ближнихъ мѣстъ: эти были одѣты въ неподпоясанныя длинныя рубашки, и носили въ кувшинахъ на продажу свѣжую воду. Появились также, какъ на ристалищѣ, закладчики: они тихо разбѣжались на старыхъ ослахъ съ мѣшками монетъ и съ таблицами, на которыхъ спорщики, державшіе пари за ту или другую сторону, записывали предлагаемыя заклады. Между закладчиками были эллины, персы и евреи; всѣ они были совершенно равнодушны къ тому, что случится, и предлагали идти объ закладъ и за то, что гора двинется, и за то, что она не двинется. Записывали и другіе заклады: за то, напримѣръ, разрѣшить ли правитель избить всѣхъ христіанъ, когда гора не войдетъ, или онъ велитъ бросить въ Нилъ только одного изъ нихъ — самаго главнаго, а остальныхъ всѣхъ пошлетъ съ приговорами за поясами въ гранитныя каменоломни Ассуна. Одни держали заклады за одно, а другіе—за другое. Портовый, международный городъ выдвинулъ весь свой пестрый сбродъ, и все это, вмѣстѣ съ сверканіемъ огней, конскимъ ржаніемъ и съ криками разгулявашагося на просторѣ народа, производило опяняющее

впечатлѣніе. Все это поднималось и рдѣло, какъ воспаленный нарывъ, которому нужно гдѣ-то прорваться. Ночь улетала въ дикомъ разгулѣ; многіе, упившись виномъ, спали у догоравшихъ костровъ; другіе еще не спали, но и не замѣчали, какъ на небѣ нѣсколько разъ скралась луна. Надо было еще что-нибудь, чтобы совсѣмъ отвести глаза въ темный уголь. И вотъ это случилось. Подъ шелковою палаткой одной изъ цвѣточницъ послышался раздирающій вопль и вслѣдъ затѣмъ что-то тяжелое рухнуло между палатокъ. Это одинъ человѣкъ могучею рукой убилъ другого и выбросилъ на землю его мертвое тѣло. Послышался крикъ: «убиваютъ эллины!» — другимъ показалось, будто «убиваютъ эллиновъ». Мгновенно призывные крики покрыли всѣ музыкальные звуки, сверкнули пожары, люди бросились другъ на друга; блечепосы спросонья напрасно старались возстановить покой и порядокъ. Безпощадно убиваемые люди падали подъ ударами эллинскихъ пожей и еще больше подъ ударами тупыхъ египетскихъ кольевъ. И все это произошло въ густой тьмѣ, при сильномъ шумѣ налетѣвшей впе-запно бури и при ужасномъ, необыкновенномъ трескѣ, который раздавался съ рѣки, гдѣ стояли прибывшія плоскодонныя суда съ ибисовыми носами и длинными рыбьими хвостами вмѣсто кормы. Страшный вѣтеръ развелъ большое волненіе, и суда взметались, ударяясь одно о другое: ихъ ибисовые носы и рыбьи хвосты ломались, а высокія мачты, качаясь, махали неубранными парусами, какъ сражающіеся великаны. Наконецъ зарѣяли молоньи, загремѣлъ громъ и ударилъ ливень, какъ будто цѣлый океанъ упалъ съ неба на землю. Съ горъ помчались сокрушительные потоки, въ долинахъ все обхватило и залило водою.

Пеохъ и его изувѣры, которые обошли общее мѣсто и удалились въ ровъ, гдѣ хотѣли быть скрыты до времени, когда хрстіане примутъ тотъ срамъ, для котораго Пеохъ научилъ ихъ вывести, подверглись самой большой опасности. Ихъ черный ягненокъ съ жертвеннымъ пожомъ между рогами былъ у нихъ отнятъ мутными волнами, и самимъ имъ угрожала смерть въ тѣхъ же волнахъ, хлынувшихъ со всей горы Адеръ.

Знатные путники еще не достигли горы, когда разразилась буря. Ливень засталъ ихъ на открытомъ полѣ, гдѣ они были облиты и лежали въ водѣ, не чая конца наводненію.

Въ положеніи христіанъ было нѣчто гораздо болѣе сложное.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Отрядъ христіанъ шелъ, такъ сказать, истаевая. Отъ самыхъ Канонскихъ воротъ, черезъ которыя они вышли изъ города, число слѣдующихъ за епископомъ все уменьшалось, а число отстающихъ увеличивалось. Одни падали на землю и говорили, что не могутъ дальше идти отъ болей въ ногахъ или отъ рѣзи въ желудкѣ, а другіе просто сажались и плакали. Не было никакой возможности заставить ихъ идти далѣе. Шерстобитъ Малафей подалъ мнѣніе, чтобы для страха другимъ пришибить притворщиковъ камнемъ, но Зенонъ за нихъ заступался и говорилъ, что никого не надо неволить. Онъ говорилъ, что дѣло не во множествѣ людей, а въ силѣ духа, который движетъ ими, приводить въ примѣръ, какъ Геденъ оставилъ всѣхъ жившихъ пригоршнями, а взялъ съ собой только однихъ лакавшихъ воду по-несы.

Тогда Малафей шерстобитъ повернулся и пошелъ назадъ, а съ нимъ вмѣстѣ то же самое сдѣлали и другіе, незадолго передъ этимъ стремившіеся побивать камнями тѣхъ, которые, ослабѣвая отъ страха, отставали ранѣе. Въ числѣ возвратившихся съ Малафеемъ были также нѣкоторые пресвитеры. Остальные же христіане въ небольшомъ числѣ или цѣлый день и къ ночи достигли Канонскаго гирла. Тутъ и стоитъ гора Адеръ. Она съ одной стороны возвышается холмистымъ плоскогорьемъ, а съ другой, обращенной къ рѣкѣ, у нея крутой гребень, выступы, рвы и обрывы. Точно какъ будто она когда-то уже ползла въ рѣку, но остановилась. Съ пологой стороны она покрыта рѣдкою порослью по супеску, а сторона, обращенная къ рѣкѣ, вся совершенно безжизненна. Здѣсь пластами лежитъ плитнякъ, глина, мелкій кремень и черная галька, а мѣстами есть также прослойки и другихъ земляныхъ породъ, то темныя, то изсѣра-желтыя, то совсѣмъ бѣловатыя. Мѣстами изнутри выпираетъ крошечный камень, а мѣстами, будто какъ ребра, рядами наставились гранитныя глыбы. Ихъ основанія утонули въ темно-красной глинѣ, а верхи ихъ присыпаны пескомъ и въ щели раснавшимися камнемъ. Здѣсь, безъ сомнѣнія, когда-то происходило какое-то

сильное передвиженіе веществъ, — все куда-то ползло и остановилось.

Когда христіане пришли, Зенонъ спросилъ епископа: что онъ посоветуетъ дѣлать?—но епископъ ему отвѣчалъ:

— Ага! Какой ты почтительный, Зенонъ! ты обращаешься ко мнѣ, какъ къ пастырю. Жалко, что я избѣгалъ тебя ранѣе; но теперь я самъ, сынъ мой, похожъ на овцу, и добавокъ еще на такую, которую посерединѣ зимы взяли и остригли. Одни меня оставили, а другіе кос-какъ еще идутъ съ нами, но всеѣмъ не за мною, а за тобою. Я дрожу отъ изнеможенія и ужаса; въ груди моей холодъ, а голова моя горитъ какъ у пекаря, который стоитъ передъ печкой. Что ты меня спрашиваешь?.. Я такъ слабъ, что ребенокъ можетъ меня свалить съ ногъ... Ты считай такъ, что я уже умеръ, и дѣлай что знаешь, и если окажутся люди, которые захотятъ тебя слушать, то пусть они тебя и слушаютъ, а я буду, какъ мертвый.

— Ты позабудь обо мнѣ, и ради этихъ упылыхъ людей дай имъ скорѣй вразумленіе, какъ укрѣпить себя въ духѣ и что начать дѣлать. Иначе ты можешь увидѣть, что и они разбѣгутся.

Но епископъ отвѣтилъ:

— Ты напрасно меня пугаешь тѣмъ, что я могу увидѣть. Я уже умеръ. Малафей шерстобитъ мнѣ шепталъ, что я могъ увидѣть тебя мертвымъ; но я не такой,—я не захотѣлъ это видѣть и теперь всего охотиѣе закрою мои глаза, чтобы всеѣмъ ничего не видѣть. Я уже умеръ: я отойду въ сторону и буду молиться.

Три оставшіеся пресвитера хотѣли подражать епископу: они тоже чувствовали себя умершими и намѣревались удалиться для молитвы; но народъ окружилъ ихъ и въ смятеніи требовалъ, чтобы они молились при всѣхъ и научили бы всѣхъ остальныхъ какъ лучше молиться, чтобы гора непременно сдвинулась и пошла, а если она не пойдетъ, такъ чтобы были лица виноватые. Тутъ и пошли разномысли и споры: одни люди говорили, что всего лучше стоять распростерши руки въ воздухъ, изображая собою распятыхъ, а другіе утверждали, что лучше всего имѣть молитвенныя слова нараспѣвъ и стоять по греческой, языческой привычкѣ, воздвѣвъ руки къверху, въ готовности принять съ неба просимую милость. Но и тутъ опять нашлись несогласія: были такіе, которымъ

казалось, что надо воздѣвать вверхъ обѣ ладони, а другимъ казалось, что вверхъ надо воздѣвать только одну правую ладонь, а лѣвую надо преклонять внизъ къ землѣ въ знакъ того, что полученное съ небесъ въ правую руку будетъ передано землѣ лѣвою; но инымъ память измѣняла, или они были нехорошо научены, и эти вводили совсѣмъ противное и настаивали, что правую руку надо преклонять къ землѣ, а лѣвую — воздѣвать къ небу. Увидавъ, что въ такую роковую минуту людьми овладѣлъ безпокойный и неразрѣшимый споръ, Зенонъ поспѣшилъ поскорѣе къ епископу въ ту сторону, куда тотъ отдалился, и хотѣлъ просить его разрѣшить всѣ недоумѣнія; но ночь была темна, и онъ не нашель моливнагося въ темнотѣ епископа, а когда шель назадъ, то спорившіе и ссорившіеся люди окружили его и стали кричать:

— Ну, если ты святъ, то скажи намъ, какъ надо молиться.

— Кто вамъ сказалъ, что я святъ? Я вовсе не святъ и даже, наоборотъ, я очень грѣшенъ.

— Пѣть, мы тебѣ въ этомъ не вѣримъ: ты себѣ выкололъ глазъ и теперь ты одинъ среди всѣхъ здѣсь спокоенъ. Ты не пугаешься смерти. Скажи-ка намъ, какъ молиться? Если нужно враспѣвъ, то мы всѣ станемъ пѣть, а если говоромъ выговаривать, то будемъ говоромъ читать молитвы. Говори скорѣе, ждуть некогда, мало ужъ времени осталось, чтобъ молиться.

Тогда Зенонъ, не желая ничѣмъ прибавлять розни, коротко отвѣтилъ ближе стоявшимъ, что онъ имѣеть обычай молиться въ благоговѣйномъ молчаніи, но не осуждаетъ и тѣхъ, которые любятъ поднимать къ небу и глаза, и руки, нужно только, чтобы руки молящихся были чисты отъ корысти, а душа—свободна отъ всякаго зла и возносила бы къ небу съ мыслью о вѣчности. Тогда въ ней исчезаетъ страхъ за утрату кратковременной земной жизни и.: гора вачинаеть двигаться...

— Вотъ намъ теперь это и надо, чтобы не было страха, пока гора двинется съ мѣста.

Самъ же Зенонъ тихо отдѣлился отъ толпы и, скрываемый темнотою египетской ночи, пошелъ къ вершинѣ горы.

Отойдя такъ далеко, какъ можно сильною рукой два

раза перебросить швырковый камень, онъ сѣлъ на землю и, обнявъ руками колѣна, сталъ призывать въ свою душу необходимое въ рѣшительную минуту спокойствіе. Онъ вспоминалъ Христа, Петра, Стефана и своего учителя, какъ они проводили свои предсмертныя минуты, и укрѣплялъ себя въ рѣшимости завтра ранѣ всѣхъ взойти одному на гребень горы, призвать мужество въ душу свою, стать на виду собравшагося народа и ожидать, чтò будетъ.

«Пусть меня поразитъ стрѣла, — подумалъ Зенонъ: — и, можетъ-быть, тогда имъ довольно будетъ моей смерти, и другіе будутъ свободны, а я буду счастливъ: я совершу свое дѣло».

Отъ того мѣста, гдѣ сидѣлъ теперь Зенонъ, до самаго верха горы, откуда былъ виденъ таборъ, амфитеатръ и рѣка Ниль, осталось тоже не больше, какъ два перебреса.

Оттуда доносился до слуха его звукъ музыкальныхъ инструментовъ и трещотокъ и пиршественныя нетрезвые клики, а съ другой стороны, оттуда, гдѣ остались христіане, вѣтерокъ наносилъ греческій напѣвъ молитвъ, которыя тянули пресвитеры.

Вдругъ Зенонъ, погруженный въ глубокую думу, вздрогнулъ отъ неожиданнаго прикосновенія ибѣжной руки къ его волосамъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Зенонъ поднялъ голову и увидалъ возлѣ себя Нефору.

— Чтò тебѣ опять отъ меня нужно?—спросилъ ее Зенонъ.

— Раньше мнѣ пужна была твоя любовь, а съ той поры, когда ты отвергъ меня, мнѣ стала пужна твоя гибель.

— Да проститъ тебѣ Небо злое желаніе: но если тебѣ нужна была *моя* гибель, для чего ты губишь не меня одного, а такое множество другихъ людей?

— Я ненавижу всѣхъ людей твоей вѣры: я хочу, чтобы всѣ вы сразу были осмѣяны въ томъ, во что вы вѣрите, и это уже достигнуто.

— Можетъ-быть, ты еще ошибешься.

— Ну, оставь вздоръ! Развѣ всѣ самые лучшіе люди ваши не сомнѣваются? развѣ они не разбѣжались, а остальные не ищутъ возможности скрыться? И ты самъ теперь отдалился развѣ не съ тою же цѣлью, чтобы скрыться отъ прочихъ и спасти свою жизнь? Я тебя понимаю,—ты дол-

женъ сильно страдать, видя свою ошибку и слабость своихъ единовѣрцевъ, и я рада, что дождалась этого и могу спасти тебя: слѣдуй скорѣе за мною. Я приготовила все, чтобы спасти тебя отъ позора и смерти.

— А тобѣ развѣ извѣстно, что насъ непремѣнно ждетъ смерть и позоръ?

— Безъ сомнѣнія! — отвѣчала Нефора: — вѣдь гора не пойдетъ съ своего мѣста и не загородитъ Нила, чтобы подпять его воды, а разгнѣванный народъ побьетъ васъ камнями или побросаетъ въ рѣку. Вѣжимъ, слѣдуй за мною: любовь моя скроетъ тебя и будетъ твоимъ утѣшеніемъ!

И она сильно тянула за руку Зенона.

— Я не намѣренъ бѣжать! — отвѣтилъ Зенонъ, отстраняя руку Нефоры.

Она остановилась.

— Чтò же ты хочешь дѣлать?

— Я исполню мой долгъ и умру, если нужно.

Нефора опустилаcя и сѣла возлѣ него на землю и проговорила:

— Тогда и я здѣсь останусь съ тобою.

— Для чего?

— Для того, что я люблю тебя, — жизнь безъ тебя мнѣ несносна. Знай: я въ отчаяніи обѣщала правителю выйти замужъ за его сына, а между тѣмъ, я не въ силахъ исполнить это обѣщаніе. Умереть съ тобою мнѣ отраднѣе, чѣмъ жить съ ненавистнымъ Дуназомъ. Пусть беруть мое богатство, по себя я не отдамъ и умру вмѣстѣ съ тобою.

Зенонъ взялъ ея руку и тихо сказалъ:

— Я долженъ бы благодарить тебя за такія чувства; но если ты любишь меня, то я стану просить тебя сдѣлать другое.

— Говори, я все для тебя сдѣлаю!

Въ голосѣ Нефоры стали слышаться слезы.

— Если Небу угодно, чтобы черезъ часъ мы погибли, то умоляю тебя не губи себя вмѣстѣ со мною и не выходи замужъ за человѣка, въ которомъ нѣтъ ни разсудка, ни добраго сердца. Сдѣлай другое.

— Что же я должна сдѣлать?

— Послѣ насъ останется много сиротъ и старцевъ, которыхъ пошлутъ въ цѣняхъ въ каменоломни, — останься жить и живи долго для нихъ. Подай мнѣ эту милостыню...

объщай мнѣ это. Нефора, и я счастливо умру, передавъ тебѣ любовь мою къ страдающимъ людямъ!

При словѣ «любовь» Нефора вздрогнула и прошептала:

— Повтори.

— Что?

— Еще разъ повтори это слово. О, Зенонъ! Если бъ ты зналъ, какъ для меня сильно слово «любовь»!

— Конечно, я это знаю, Нефора. Любовь обнимаетъ всѣхъ въ одномъ сердцѣ.

— Отчего же ты не любишь меня, Зенонъ?

— Я не могъ принять той любви, которая принуждала меня пренебречь послушаніемъ къ словамъ моего Учителя и забыть Его просьбы для удовольствій плоти; но теперь, когда ты не та, какою была, а иная, когда ты укрѣпляешь, а не расслабляешь духъ мой, и общаешь отдать себя дѣламъ любви, — теперь я люблю тебя, сострадательная Нефора.

Нефора схватила обѣими руками руки Зенона и вскричала:

— Ты взялъ мое сердце... Я сдѣлаю все, чего ты желаешь, я стану жить съ тобой для добра... но лучше всего, все-таки бѣжимъ отсюда: въ толпѣ есть люди, которые насъ укроютъ, мы уйдемъ и я буду твоею рабой.

— Рабой? Для чего же, Нефора? Ты теперь любишь людей безъ различія ихъ породы и вѣры; ты готова служить имъ, ты одного со мной духа, ты сестра мнѣ, мой другъ... Если хочешь, будь моя невѣста... Я счастливъ, я не боюсь ничего и умру, благословляя тебя за то, что ты восхитила меня твоимъ чуднымъ порывомъ, но я не побѣгу, я не скроюсь отъ тѣхъ, кто несчастливъ, и... я скажу тебѣ больше: я не дамъ унижить насмѣшкой Его... Того, Кого я зову моимъ Учителемъ и моимъ Господиномъ... Довольно Его унижали! Если я даже останусь одинъ — что, быть-можетъ, случится, — я одинъ взойду на гребень горы: пусть видятъ, что кто Его любитъ, тотъ Ему вѣрится.

— Но для чего это нужно?

— Это нужно для счастья людей, потому что въ ученіи Его сокрытъ путь ко всеобщему счастью, но чтобы идти этимъ путемъ... надо вѣрится, Нефора, — надо сдвинуть въ жизни чтò тяжелѣе и крѣпче горы. и для того надо быть готовымъ на все, не считая, сколько насъ: одинъ или много.

— Ты не будешь одинъ, — отвѣчала Нефора, и въ ея голосѣ почувствовалось волненіе и слезы.

Зенонъ опять взялъ ее за руку и сказалъ ей:

— Но отчего ты смутна и зачѣмъ грусть въ твоемъ голосѣ?

— Я боюсь отвѣчать тебѣ правду.

— Не бойся, отвѣть.

— Онъ... этотъ твой Учитель сталъ и стоитъ между мною и тобою... Ты Его любишь больше меня... Онъ меня отъ тебя отстраняетъ...

Зенонъ покачалъ головою.

— Нѣтъ, Нефора, — сказалъ онъ: — Тотъ, Кого я люблю, Тотъ, Кто могъ быть знатенъ и предпочелъ быть пнищимъ, могъ уничтожить своихъ враговъ и вмѣсто того молился за нихъ, — Онъ никого не разлучаетъ, — Онъ соединитъ насъ и научитъ любви, возвышающей душу и сердце!

— Я не хочу такой любви.

— Отчего?

— Она никогда не можетъ удовлетворить сердце женщины.

— Ты ошибаешься. Слушай меня терпѣливо. Мы съ тобою въ землѣ фараоновъ. Ночь сокрываетъ отъ насъ мѣста, на которыя я могъ бы тебѣ указать и сказать: тамъ городъ Онъ, тамъ пирамиды Гизеха, которыя видѣли Юзуфъ и Зулейка*). Зулейка любила Юзуфа мятжежною страстью, такую же, какой ты дала надъ собою волю однажды. Она не боялась уронить себя и своего мужа этою любовью. Юзуфъ былъ прекрасенъ. Онъ былъ, конечно, красивѣй меня. Объ этомъ дошла до насъ ихъ чудесная повѣсть. Когда знатныя женщины укоряли Зулейку за то, что она любитъ Юзуфа, она дала этимъ женщинамъ по ножу и по апельсину, и когда онѣ стали чистить свои апельсины, Зулейка кликнула своего «раба». Юзуфъ вошелъ, и всѣ женщины обрѣзали себѣ руки и уронили свои апельсины... Но Юзуфъ тогда не любилъ прекрасную Зулейку и его не влекло къ ней потому, что Юзуфъ не любилъ лжи и обмана. Зулейка отметила ему и погубила его. Ему это стоило болѣе глаза. Юзуфа сокрыла темница, а

*) Зенонъ рассказываетъ исторію Юсуфа и жены Понтифара такъ, какъ она передается въ египетскихъ преданіяхъ и въ «Коранѣ» Магомета (Коранъ, гл. XII, стр. 21—111).

Зулейка стала томиться и плакать, и когда умеръ ея мужъ, она бросила домъ свой и жила въ шалашѣ, оплакивая свою жестокость и повторяя имя Юзуфа... И когда объ этомъ услышала Юзуфъ, тогда согрѣлось сердце его и онъ пришелъ къ Зулейкѣ въ ея тростниковый шалашъ и сказалъ: «Ты добра, голубица моя, и будь мнѣ женой». Неужто такая любовь, по-твоему, хуже угарнаго чада туманящей страсти, которая быстро пройдетъ и оставитъ одно сожалѣнiе? Любовь же того, кто можетъ сказать: «всѣмъ ты добра, моя голубица», — обѣщаетъ разумную жизнь, а не пылъ... Суди же, что лучше? Вотъ и ты теперь... кротка и добра... ты не мятешься о томъ, чтобы всѣхъ превзойти на собранiи уборомъ; ты меня слушаешь тихо и, можетъ-быть... скажешь: «Другъ мой, Зенонъ! я въ себѣ чувствую новое сердце. Будь пленъ и ничѣмъ не смущайся. Пусть будетъ, что будетъ: иди, куда тебя повлекутъ — на смерть или въ каменоломни, — Нефора твой другъ: она останется жить, она будетъ матерью всѣхъ несчастныхъ сиротъ, которыхъ оставятъ погубленные христiане...»

— Оставь! о, оставь! я все это сдѣлаю и все для тебя.

— Нѣтъ, для Того, Кого я люблю больше себя и Кому я хочу быть послушенъ во всемъ, что мнѣ ясно и что непонятно.

— Пусть будетъ и такъ! Твой другъ я и раба твоего Господина!

Зенонъ привсталъ, тихо поцѣловалъ Нефору въ голову и сказалъ:

— Теперь все совершилось, гора тронулась съ мѣста.

— Да, — отвѣчала Нефора: — и мнѣ показалось, что земля подъ ногами какъ будто качнулась...

— Ты очень устала, намъ время разстаться. Разсвѣтъ долженъ быть близко. Сѣрѣть, и я замѣчаю вдали крестьянина на снержевомъ полѣ. Прощай, другъ мой, Нефора, — возвратись скорѣй въ городъ и обо мнѣ не заботься: я дѣлаю то, что я долженъ дѣлать; и не боюсь каменоломни: я художникъ, и меня не заставятъ катать гранитъ, а я буду выдѣлывать гаторовы головы... и я буду счастливъ тамъ, далеко въ изгнашии, я буду вспоминать о тебѣ и буду радоваться, что ты стала не та, какою была, что ты любишь людей и живешь для того, чтобы дѣлать добро людямъ. Еще разъ прощай и не слѣдуй за

мною... Но что это такое?.. Теперь вдруг и мнѣ показалось, что выравду земли подъ ногами вогнулась и опять поднялась!

— Да, да! трясется земля!

— И я слышу гулъ... что-то трещить въ глубинѣ подъ горою... И когда собрались эги тучи! Огонь и вода падаютъ съ неба!..

Это была гроза, — столь рѣдкое явленіе подъ безоблачнымъ небомъ Египта, что Нефора ее даже не могла представить; но Зеновъ читалъ Страбона и сейчасъ же узналъ это явленіе и вспомнилъ, какъ оно при своей рѣдкости въ Египтѣ бываетъ сильно и страшно. Да и размышлять ни о чемъ не оставалось времени, потому что на нихъ полилъ такой сплошной ливень, подъ которымъ только и осталось скорѣе упасть ницъ. Вода лилась не каплями и не ручьями, а цѣльнымъ, сплошнымъ потокомъ, молніи рѣяли, громъ грохоталъ и земля содрогалась, пухла и вновь вздымалась и гудѣла.

Кричавшій верблюдъ, и ночныя капли въ домѣ правителя, и танцовавшій на берегу черный ибисъ, — всё оправдали свои примѣты: надъ землею Мисраима повторилась гроза и ливень Страбона...

Зеновъ, поверженный ницъ, помышлялъ только о томъ: если таково здѣсь на горѣ, что нельзя встать и нельзя сдѣлать шага, то что же теперь должно происходить въ долинахъ, куда должны устремиться сбѣгающія съ горъ воды!..

ГЛАВА ТРИЦАТАЯ.

Болѣе часа водный океанъ изъ воздуха переливался страшнымъ потокомъ на землю; но едва стало тише, Зеновъ всталъ, поднялъ подъ локти безчувственную Нефору, прислонилъ ее къ камню и самъ бросился на гребень горы. Онъ опасался, чтобы не опоздать и не придти послѣднимъ туда, гдѣ вѣсьмъ было должно собраться; но когда онъ взбѣжалъ, то увидалъ, что никого изъ христіанъ еще не было, а самъ онъ не узналъ внизу знакомои картины: земля вся исчезла, а Илль былъ необъятенъ, какъ безбрежное море. По мутнымъ волнамъ неслись опрокинутые челноки, плавали хижины и цѣлыя пальмы, вывороченныя съ корнями, а у самой подошвы горы множество человѣческихъ существъ

боролсь и лѣзли одинъ на плечи другого, какъ раки въ глиняномъ горшкѣ...

Зенонъ упалъ на колѣни и вскрикнулъ:

— Небесный Отецъ! пощади всѣхъ живущихъ! Ты далъ имъ понять, что Тебѣ все возможно, низведи же въ сердца ихъ любовь къ другимъ людямъ!

И когда онъ молился, онъ почувствовать, что гора взбухла, какъ губка, кремнистыя ребра ея впадали, а мягкая осыпь вынычивалась и покрывавшія ее плиты лопались и крошились... И вдругъ все всколебалось, оскретки мелкихъ камней брызнули, какъ изъ пращи, и сыпучіе оползни сунулись и поползли внизъ цѣлыми пластами.

— Зенонъ, гора движется!—услыхалъ Зенонъ у себя за плечами, и на руки его съ высоты упала Нефора.

Зенонъ оглянулся и увидалъ, что огромный отломокъ горы, на которомъ стоялъ онъ, отдѣлился и летитъ по скользкому склону въ воду.

— Будь Твоя воля надъ нами!—прошепталъ Зенонъ и прижалъ къ своей груди сомлѣвшую Нефору.

И глыба съ обоими съ ними катилась, а изъ волнь и изъ расщелинь горы люди кричали:

— Гора идетъ!.. Гора идетъ! Великъ Богъ христіанскій! Сдвинулъ гору художникъ Зенонъ златокузнецъ!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Какъ только ударилъ громъ и полилъ страшный ливень, всѣ расположившіеся у горы люди, чувства которыхъ не были совсѣмъ омрачены пьянствомъ, мгновенно вскочили и бросились бѣжать въ обходъ горы и здѣсь на ся тыловой сторонѣ встрѣтили кучку христіанъ, мимо которыхъ потоки сбѣгали обширнымъ рвомъ. Правитель убѣгалъ впереди всѣхъ, несясь вскачь на своей колесницѣ, въ которую былъ впряженъ одинъ конь его, а другой неизвѣстно чей. У одной изъ расщелинь онъ увидалъ выльзавшаго изъ оврага Пеоха и закричалъ ему:

— Ты видишь—гора идетъ!

— Вижу,—мрачно отвѣтилъ Пеохъ.

— Говори же скорѣе: какъ въ христіанскомъ ученіи сказано, что надо сдѣлать, чтобы остановить гору?

— Увы, въ ихъ ученіи сказано только, какъ «сдвинуть гору», но ничего не сказано, какъ ее остановить.

— Зачѣмъ же ты этого не сказалъ намъ ранѣе?

Всѣ подхватили слово правителя и закричали:

— Да, зачѣмъ ты не сказалъ намъ объ этомъ? Проклятый мудрецъ! ты погубилъ насъ!

Пеохъ засверкалъ воспаленными глазами и поднялъ руку, чтобы швырнуть въ оскорбителей своею палкой, но въ то же мгновеніе покатился къ ногамъ правителя, пораженный ударомъ кола въ затылокъ...

Правитель испугался и погналъ скорѣе своихъ разномастныхъ коней къ христіанскому стану и закричалъ имъ:

— Друзья мои! молитесь, чтобы гора стала!

Христіане же были въ растерянности и, оставаясь до сихъ поръ съ другой стороны горы, противоположной той гдѣ появились Зенонъ и Нефора, не видали ничего того, что произошло у обрывовъ, и отвѣчали:

— Ахъ, господишь, для чего ты къ намъ все придираешься? Мы еще не совсѣмъ согласились какъ молиться, чтобы гора двинулась, а ты уже требуешь новое, чтобы мы остановили гору.

Правитель махнулъ на нихъ рукою и поѣхалъ далѣе, сказавъ имъ:

— Гора уже идетъ, бѣгите скорѣе вверхъ и вы увидите оттуда, что совершилось.

Тогда всѣ христіане устремились на верхъ горы, откуда раньше спустились Зенонъ и Нефора, и увидѣли удивительную и совершенно новую картину, вовсе не ту, которую видѣлъ правитель, а иную: гора съ водой встрѣтилась... глинистый оползень, на которомъ спустились Зенонъ и Нефора, сталъ надъ самою поверхностью воды... Къ нимъ подплыла барка съ шелковымъ парусомъ, на которой стоялъ персіянинъ, служитель Зенона. Онъ взялъ въ барку Зенона и Нефору, и барка снова отплыла. Поверхность воды болѣе уже не бурлила, а была спокойна и гладка. Кромѣ барки Зенона, по рѣкѣ плавали голубые и бѣлые цвѣты лотоса, а надъ водою, ближе къ берегамъ, носились стаи птицъ, чайки и морскія вороны и жадно выхватывали во множествѣ нагнанныхъ рыбъ; ближе къ берегамъ плыли и толкались золотые шары огромнѣйшихъ дынь... и вдругъ всѣ сразу замѣтили продолговатый плесъ, въ срединѣ котораго казалось что-то похожее на живое бревно въ кожурѣ... Крокодилъ!..

Появленіе крокодила было вѣрною примѣтой, что Нилъ полонъ, крокодилъ всегда приходитъ вѣстинкомъ отъ болотъ Филэ и Сіуна.

И дѣйствительно, навстрѣчу правителю скакалъ изъ города вѣстникъ съ письмомъ, которое еще до грозы принесъ голубь изъ Мемфиса: Нилъ разлился и жители Оивъ уже вышли на кровли.

Оставалось веселиться и радоваться: урожаѣмъ обезпеченъ и вина христіанъ была позабыта на-время. Станъ весь снимался. Слуги въ тошкѣй грязи, какъ могли, ловили и запрягали коней и сѣдлали ослѣвъ и верблюдовъ. Всѣ перемокшіе и измученные люди при взшедшемъ яркомъ солнцѣ ободрились и стали снова шутить и смѣяться, и потянулись къ городу...

Всѣ остатки погибшихъ шатровъ и людей, и животныхъ убиралъ Нилъ.. Зенона и Нефоры здѣсь уже не было, и о нихъ не вспоминалъ и не справлялся никто. Всѣ спѣшили домой... Христіане были успокоены и, къ довершенію радости, по возвращеніи въ Александрію, нашли своего патріарха, который еще ранѣе ихъ усилъ возвратиться въ свои палаты. Правитель захотѣлъ его увидѣть и послалъ за нимъ колесницу, но патріархъ отвѣчалъ:

— Колесница такъ же удобно можетъ доставить ко мнѣ правителя, какъ и меня къ нему, а дорога отъ меня до него такъ же длинна, какъ отъ него до меня. Пусть онъ придетъ ко мнѣ, если захочетъ.

ГЛАВА ТРИЦЦАТЬ ВТОРАЯ.

Правитель тотчасъ же сѣлъ на колесницу, пріѣхалъ къ патріарху и сказалъ ему:

— Извини меня, я не былъ увѣренъ, что твоя святость уже дома.

— Наше смиреніе всегда близко и всегда далеко отъ того, кто чего заслуживаетъ,—отвѣтилъ патріархъ.

— Знаетъ, конечно, твоя святость, какой все приняло оборотъ? Вѣра ваша теперь здѣсь у всѣхъ въ почтеніи.

— Воскресъ Богъ и враги Его таятъ.

— Да, коварный Пеохъ убитъ тунымъ коломъ отъ руки своихъ же единовѣрцевъ, бабу Бубасту задушили.

Патріархъ промолчалъ: его слѣва не стоила баба Бубаста; но правитель о ней продолжалъ, что ей забили ротъ

и носъ глиною, и что теперь много разновѣрныхъ людей просятся къ сдвинувшимъ гору.

— Я этого ожидалъ,—сказалъ патріархъ.

— А я не ожидалъ этого, и сознаюсь со стыдомъ, что я очень ошибся.

Патріархъ улыбнулся и тихо замѣтилъ:

— Что дѣлать? и Гомеръ ошибался.

— Да, я ошибся, и теперь прошу твою святость—давай помиримся: мы можемъ быть очень полезны другъ другу.

— Ну, мнѣ кажется, что нашему смиренію теперь уже никто не нуженъ.

— А пусть твое всеблаженство вспомнить, что и Гомеръ ошибался.

Патріархъ это вспомнилъ.

И они остались вдвоемъ изрядное время, бесѣдуя безъ аколуюовъ и опахальщиковъ.

Въ этотъ же день къ пресвитерамъ приходило много людей, желавшихъ креститься, и епископъ не зналъ, какъ ему поступить: ждать ли, когда ихъ, по обыкновенному порядку, наставятъ катехизаторы, или, въ виду необыкновенныхъ обстоятельствъ, крестить нисколько не медля, всѣхъ, кто пожелаетъ.

— Въ этомъ я предоставляю тебѣ избирать то, что полезнѣе,—отвѣчалъ патріархъ.

Народъ толпами шелъ къ пресвитерамъ, прося ихъ крестить. Крѣпкіе же суевѣры, настоящіе «Ремъ-ен-Кеми», смотрѣли на это сумрачно и тихо шептались другъ другу, что «это должно быть... Распятый Богъ побѣдитъ всѣхъ боговъ Кеми *) и пмя пророка Палестины пронесется по волнамъ священнаго Яро **)... Это слышали птицы, которыя ночуютъ въ гнѣздахъ, устроенныхъ ими въ ухахъ говорящей статуи Аменготепъ» ***).

ГЛАВА ТРИЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Ошибся въ своихъ расчетахъ и толстый Дуназь. Нефора пзмѣнила свое рѣшеніе и не пошла за него замужъ, да она и не была ему больше желанна, потому что богатство ея

*) *Кеми*—древнее названіе Египта. *Ремъ-ен-Кеми*—человѣкъ изъ Египта.

**) *Яро*—Ниль.

***) *Аменготепъ*—Мемнонь.

истощилось: она отпустила всѣхъ своихъ рабовъ на волю и все свое состояніе, которое было нужно Дуназу, она раздала тѣмъ, которые обѣднѣли и не могли содержать свои семьи. Дуназь сталъ искать другую невѣсту съ большимъ состояніемъ и нашелъ ее. Нефора же жила въ скромной долѣ, благотворя бѣднымъ и учреждая школы для дѣтей, гдѣ ихъ учили полезнымъ наукамъ и ремесламъ. Слухъ о поступкахъ ея скоро достигъ до Зенона, и тогда художникъ снова пришелъ къ ней и сказалъ:

— Съ тобою миръ Божій, который превыше всего: ты возлюбила добро; зачѣмъ намъ быть розно? Иди въ домъ мой и будемъ вмѣстѣ жить для пользы тѣхъ, кому можемъ оказать помощь. Будь женою моею, Нефора!

И это такъ сдѣлалось. Зенонъ и Нефора стали сунругами и жили долго и были людямъ полезны и Богу любезны. Зенонъ попрежнему занимался своимъ художествомъ и никогда не порицалъ ничьей вѣры и своею вѣрою не возносился. Однажды, когда онъ былъ призванъ для нѣкоторыхъ работъ въ патріархію—патріархъ, сдѣлавъ ему заказы, спросилъ его:

— Кѣмъ ты, Зенонъ, наставленъ и утвержденъ въ твоей вѣрѣ?

— Я въ ней еще совсѣмъ не наставленъ, — отвѣтилъ Зенонъ.

— Какъ это такъ?

— Она мнѣ открывается мало-по-малу и не всегда во мнѣ равномѣрна: порою она едва брезжитъ, какъ мерцаніе разсвѣта, а порою ярко горитъ и тогда все мнѣ освѣтитъ.

— Значитъ, ты слабъ еще въ вѣрѣ.

— О, весьма слабъ.

— Что же ты не стараешься сдѣлать ее постоянно крѣпкою? Зенонъ задумался.

— Скажи: о чемъ ты думаешь?—вопросилъ его патріархъ.

— Я вспомнилъ слова Амазиса: «Тетива на лукѣ слаба, пока на нее не наложатъ стрѣлу и рукой ее не натянуть. Когда же нужно, чтобы она напруглась, она напружится и сильно ударитъ; но если ее постоянно тянуть и держать въ напряженіи, она истончается и сила ея ослабѣетъ». Я боюсь, чтобы мнѣ не утратить и то, что хоть порою мнѣ дается отъ Неба.

ПОВѢСТЬ О БОГОУГОДНОМЪ ДРОВОКОЛѢ.

Въ очень отдаленныя времена, въ кипрскихъ окрестностяхъ была однажды ужасная и продолжительная засуха. Всѣ плоды и полевые злаки погибли, и люди, видя неминуемое бѣдствіе отъ угрожающаго имъ голода, пришли въ самое тягостное уныніе. Всѣ молились и просили дождя, но дождя не было.

Во главѣ тамошняго мѣстнаго духовенства находился тогда епископъ, человекъ, надо полагать, очень добрый, участливый и чистосердечный. Онъ принималъ скорбь народа близко къ своему сердцу и самъ усердно молился, чтобы Богъ послалъ дождь на землю, но дождя все-таки не было.

Раскаленное небо оставалось безоблачно и солнце сожигало безъ милосердія все, что осталось въ несчастной странѣ еще несожженнымъ.

Народъ пришелъ въ ужасъ, близкій къ отчаянію.

Гдѣ же еще искать спасенія? На что еще уповать и надѣяться, когда и моленіе епископа не помогаетъ?

Кто же еще можетъ помолиться лучше, чѣмъ епископъ, и чья молитва можетъ быть доходить до Бога? Епископъ—развѣ это не первое лицо во всемъ духовенствѣ и развѣ кромѣ него есть кто-нибудь другой, кто бы лучше его зналъ, какъ надо умолить Бога дать людямъ то, чего они у Него просятъ?

Тогда былъ къ епископу «гласъ съ неба»:

— «Иди послѣ утрени ко вратамъ города и перваго человека, который будетъ подходить къ городу черезъ тѣ ворота, ты сейчасъ же удержи, и пусть онъ помолится, и тогда будетъ вамъ дождь».

Епископъ рассказалъ людямъ о томъ, что онъ слышалъ

«съ неба», и всё положили сойтись завтра утромъ рано въ церковь, а оттуда идти къ воротамъ смотрѣть того, кто подойдетъ, и сдѣлать все такъ, какъ велѣлъ пришедшій съ неба голосъ.

На слѣдующій день, отслуживъ рано утреню, епископъ со всёми своимъ клиромъ пошли къ городскимъ воротамъ.

Съ ними, разумѣется, пошли и всё люди, ожидавшіе благодѣтельнаго чуда для ихъ истомленной и жаждущей земли. И такъ, всё большимъ обществомъ вышли за городскія ворота и стали здѣсь станомъ ожидать пзбранника, на котораго самъ Богъ укажетъ, какъ на лучшаго молитвенника.

Люди раскинули посреди дороги складное стуло и посадили на него епископа, а клиръ и всё прихожане стали вокругъ его и начали смотрѣть вдаль: кого имъ пошлетъ Господь? Всё нетерпѣливо желаютъ скорѣе увидать того человѣка, который помолится за нихъ о дождѣ и будетъ услышанъ въ своемъ моленіи?

И вотъ, долго или коротко послѣ ихъ томительнаго ожиданія, вдали на опаленныхъ поляхъ что-то показалось...

Сначала невозможно было разобрать: идетъ ли это пѣшій человѣкъ, или кто-то на ослѣ ѣдетъ... Разстояніе было далекое, да и сверканіе отъ палящаго зноя дѣлало въ глазахъ мреянiе... Но вотъ предметъ приближается и становится яснѣе. Теперь уже видно, что это самый простой пѣшій человѣкъ и притомъ старій, изнеможденный простолюдинъ, весь согнутый и едва передвигающій свои ноги подъ большимъ и очень тяжелымъ оберемкомъ сухого хвороста...

Такъ неужто вотъ это онъ и будетъ тотъ молитвенникъ, молитва котораго взойдетъ къ Богу лучше, чѣмъ молитва цѣлаго клира и самого епископа?

Епископъ и люди всё переглянулись другъ съ другомъ и въ недоумѣніи пожали плечами. Удивительно, чтобы еле двигающійся подъ вязанкою дровъ мужикъ былъ всёхъ лучше для вознесенія Богу молитвы объ общественномъ бѣдствіи? Но, однако, какъ никого другого, кромѣ этого старика, не показывалось, то выбирать было не изъ кого, и епископъ рѣшился остановить древокола и просить его вознести къ Богу моленіе, о чемъ клиръ и епископъ высылали свои молитвы безуспѣшно.

А старикъ, крихтя и спотыкаясь, все помаленьку подходилъ ближе къ воротамъ города и, сколько зной и усталость ему позволяли, онъ тоже удивлялся: по какому случаю и для какой цѣли собралось у воротъ необыкновенное множество людей и почему съ ними впереди всѣхъ сидитъ на стулѣ самъ кипрскій епископъ?!

Конечно, удрученный тяжелою ношею, старикъ не имѣлъ и самой отдаленной мысли, что все это большое собраніе людей съ епископомъ вышли за тѣмъ, чтобы встрѣтить именно его, согбеннаго нищаго, и просить его молитвъ за весь край.

Подходить старикъ еще ближе и видить, что всѣ на него смотрять и что самъ епископъ встаетъ предъ нимъ съ своего мѣста и ему, простому, бѣдному работнику, *кланяется*.

Старикъ оторопѣлъ, сбросилъ поскорѣе со спины на землю оберемокъ хворосту и говоритъ:

— Прости мя, отче!—и попросилъ у епископа благословенія.

Но епископъ опять *поклонился* ему и сказалъ:

— «Авво» (sic), Господа ради помолися о насъ, да полетитъ намъ Господь своею милостью и да будетъ сегодня дождь на землѣ.

Старикъ изумился тому, что слышитъ. Къ чему это достаточно, чтобы его, ненаученнаго простого человѣка, епископъ просилъ молиться? И онъ отвѣчалъ:

— Я недостойнъ, отче, чтобы въ твоёмъ присутствіи слова молитвы восходили изъ моихъ устъ. Эго тебѣ, отче, всѣхъ болѣе прилично помолиться объ общемъ бѣдствіи, ты и помолись, а я не смѣю.

Но старику стали говорить, что епископъ уже молился, но что Богъ не исполнилъ его молитвы и не низвелъ дожди на землю. «А теперь,—говорятъ,—на тебя вышло указаніе епископу и ты не долженъ отказываться, а долженъ сейчасъ же стать и молиться».

Старикъ все еще и тогда не рѣшался, и потому, чтобы преодолѣть застычивость этого дровокола, его «принужденіемъ» поставили на колѣни на его хворостъ и заставили молиться.

Старикъ болѣе не спорилъ, и какъ умѣлъ, такъ и началъ молиться, а съ неба сейчасъ же заросло и пошелъ благодатный дождь...

Всѣ не знали, какъ довольно нарадоваться объ этакой благодати, и не знали, какъ имъ и возблагодарить за нее Бога и пріятнаго ему молитвенника, котораго «голосъ съ неба» указалъ, какъ *наилучшаго богомольца*.

А какъ только долго жданный дождь обильно оросилъ и до-сыта наполнилъ жаждавшую землю и все въ поляхъ и въ садахъ осьѣжилось, то повеселѣло и на сердцахъ у людей и сейчасъ пошли прохладныя бесѣды у каждаго съ ближнимъ своимъ. Тогда наступило время и епископу поговорить съ дровоколомъ, и онъ захотѣлъ узнать: какое житіе проводить этотъ человѣкъ, который Богу такъ угоденъ и пріятенъ?

Епископъ такъ прямо его объ этомъ и спросилъ; но старикъ не умѣлъ сказать ему о себѣ ничего замѣчательнаго и епископу показалось, какъ будто онъ отъ него что-нибудь утаиваетъ.

— Яви мнѣ любовь, отче (sic), сталъ его упранивать епископъ. — Я не для своего любопытства, а *ради пользы* многихъ людей прошу тебя: открой намъ, чѣмъ ты такъ угодилъ Богу, что Онъ твою молитву лучше всѣхъ слушаетъ и даетъ просимое по твоему моленію.

А старецъ отвѣчаетъ:

— Ей, отче, не вѣдаю.

— Ну, для того-то и расскажи намъ, какъ ты живешь, — и мы всѣ тебѣ поревнуемъ, чтобы стать такими же, какъ ты, чтобы и наши молитвы шли прямо въ пріемъ Богу. Не такъ ничего, — скорѣе сказывай!

Тогда старикъ проговорилъ епископу:

— Повѣрь мнѣ, господниъ, что я все бы вамъ съ охотою рассказать, да въ томъ дѣлѣ, что мнѣ, право, рассказать - то вамъ совсѣмъ нечего. Я самый обыкновенный грѣшникъ и провожу мою жизнь въ ежедневной житейской суетѣ и въ хлопотахъ. Мнѣ вынала такая доля, что даже и раздумать о богоугодныхъ дѣлахъ мнѣ некогда, потому что я себѣ до старости ничего во всю жизнь не принасъ и теперь, уже слабый и немощный, не имѣю ни отдыха, ни покоя.

— Однако, въ чемъ же проходитъ твоя жизнь?

— Да вотъ она въ чемъ проходитъ: просынаюсь я рано и выхожу изъ города и иду съ топоромъ въ лѣсъ. Тамъ я

парублю хорошиі оберемоу валежнику, который всякому собирать дозволено, и танцу мою связку въ городъ, какъ естъ вы сегодня видѣли, когда меня встрѣтили у воротъ.

— Ну, а далѣе?

— А далѣе,—въ городѣ я продаю свой хворостъ на топливо, а за тѣ деньги, которыя выручу за хворостъ, покупаю себѣ хлѣба и съѣдаю его.

— И другого у тебя занятія нѣтъ никакого?

— Нѣтъ никакого, отче.

— А гдѣ же твое жилище?

— Да вотъ жилища-то у меня тоже никакого нѣтъ и никогда не было. А когда я устану и мнѣ надо отдохнуть или перепочевать, то я залѣзу подъ церковь и тамъ подъ поломъ свернуся и высплюсь.

Было это давно и въ то время церкви были маленькія, деревянныя и строили ихъ на «стоянахъ» или, проще сказать, на столбикахъ, и подъ полъ такихъ малыхъ церквей можно было, согнувшись, входить и тамъ прятаться отъ стужи и дождя. Такія церкви были и въ Россіи, да еще и по сіе время встрѣчаются кое-гдѣ въ бѣдныхъ мѣстахъ на сѣверѣ. Подъ поломъ ихъ находятъ отдыхъ овцы, телята и нищіе.

— Ну, а когда холодно или если подыметъ такая непогода, что нельзя собирать дровъ,—спросилъ епископъ:—чтѣ же ты тогда дѣлаешь?

— А тогда я, хоть и день и два, все жду, сидя тамъ же подъ церковнымъ поломъ.

— А что же ты тогда кушаешь?

— Зачѣмъ же не трудяся кушать? я тогда поголодную, пока опять Господь дастъ ведрышко, а когда станетъ хорошая погода, я благодарю Господа, встаю и опять иду за хворостомъ. Вотъ тебѣ и вся моя жизнь.

Отъ этого простого разсказа—Прологъ говоритъ:—«пользу пріимъ не малу епископъ съ клиросомъ его. Тако и вси прославиша Бога о трудѣ старче, и реконна ему: воистину ты еси совершилъ Писаніе, глаголющее: яко рече пришлоуць есмь азъ на землѣ».

Епископъ взялъ этого собирателя хвороста къ себѣ и «питалъ его, и далъ ему покой, дондеже представися къ Богу».

ПРЕКРАСНАЯ АЗА.

«Любовь покрывает множество грѣховъ».
I Петра IV. 8.

Въ первыхъ вѣкахъ христіанства въ Александріи египетской жила одна очень молодая и очень красивая дѣвушка, египтянка, по имени Аза. За ея красоту ее называли «Прекрасною Азой». Она была круглая сирота. Родители ея умерли едва только она вышла изъ дѣтства и оставили ей большое богатство. Аза имѣла благоустроенный домъ и обширный виноградный садъ по скату къ рѣкѣ Нилу. Наслѣдства, которое получила Аза, достаточно было бы, чтобы ей прожить цѣлую жизнь въ полномъ довольствѣ, но молодая египтянка была чрезвычайно добра и участлива ко всякому человѣческому горю и ничего не жалѣла для того, чтобы помочь людямъ, которые находились въ бѣдствіи. Черезъ это съ нею произошелъ слѣдующій роковой случай.

Разъ передъ вечеромъ, когда схлынулъ палящій египетскій жаръ, Аза пошла съ своими служанками купаться къ Нилу. Она выкупалась и, освѣженная, покрывшись легкимъ покрываломъ, тихо возвращалась къ себѣ назадъ черезъ свой виноградникъ. Служанки ея этимъ временемъ оставались еще на рѣкѣ, чтобы убрать купальныя вещи.

Вечеръ послѣ знойнаго дня былъ прелестный; работники, окончивъ свое дѣло, ушли, и виноградникъ былъ пустъ. Аза могла быть увѣрена, что она одна въ своемъ саду, но вдругъ, къ удивленію своему, она замѣтила въ одной кур-

тишѣ присутствіе какого-то незнакомаго ей человѣка. Онъ какъ будто скрывался и въ то же время торопливо дѣлалъ что-то у одного плодовитаго дерева. Можно было подумать, что онъ рвалъ плоды и оглядывался, боясь, какъ бы его не поймали вертоградари.

Египтянкѣ пришло на мысль подойти ближе къ незнакомцу съ тѣмъ, чтобы помочь ему скорѣе нарвать больше плодовъ и потому тихо проводить его черезъ ходъ, выводившій на берегъ Нила, къ купальнѣ. Съ этою дѣлю Аза и пошла къ незнакомцу.

Но когда египтянка подошла ближе, то она увидала, что этотъ незнакомецъ не срываетъ плоды, а дѣлалъ что-то совсѣмъ другое: онъ закрѣпляетъ для чего-то шнуръ къ суку стараго дерева. Это показалось Азѣ непонятно, и она притаилась, чтобы видѣть, что будетъ дальше, а незнакомецъ сдѣлалъ изъ шнура петлю и вложилъ въ нее свою голову.. Еще одно мгновеніе и онъ удавился бы въ этой петлѣ, изъ которой слабой дѣвушкѣ не по силамъ было бы его вынуть, а пока она успѣла бы позвать на помощь людей—удавленникъ успѣлъ бы умереть... Надо было помѣшать этому не медленно.

Египтянка закричала: «остановись!» и, бросясь къ самоубійцѣ, схватилась руками за петлю веревки.

Незнакомецъ былъ пожилой человѣкъ, эллишъ, съ печальнымъ лицомъ и въ печальной одеждѣ, съ неподрубливаемымъ краемъ. Увидавъ египтянку, онъ не столько испугался, сколько пришелъ въ досаду и сказалъ ей:

— Какое несчастіе! Злой демонъ, что ли, выслалъ тебя сюда, чтобы остановить мою рѣшимость?

— Для чего ты хочешь умереть, когда жизнь такъ прекрасна?—отвѣчала ему египтянка.

— Можеть-быть жизнь и прекрасна для тебя и для подобныхъ тебѣ, которые живутъ въ полномъ довольствѣ. Раньше и я паходилъ въ ней хорошее, но нынче судьба отъ меня отвернулась и жизнь моя составляетъ мнѣ несносное бремя: ты не права, что мѣшаешь мнѣ умереть. Иди отсюда своею дорогою и оставь мнѣ возможность выльзть по моей веревкѣ воиъ изъ этой житейской ямы, гдѣ я не хочу болѣе терзаться между грязью и калеными угольями.

Дѣвушка не соглашалась его оставить и сказала:

— Я не позволю тебѣ удавиться: я закричу и сейчасъ прибѣгутъ мои люди. Лучше возьми свой шнурокъ подъ одежду и поди за мною въ мой домъ: расскажи мнѣ тамъ твою горе, и если есть возможность облегчить его, то я это сдѣлаю, а если оно въ самомъ дѣлѣ такъ безпомощно, какъ ты думаешь. тогда.. выходи отъ меня съ своимъ шнуромъ куда хочешь: я тебѣ ни въ чемъ не помѣшаю, и ты еще не опоздаешь тогда повиснуть на деревѣ.

— Хорошо, — отвѣчала незнакомецъ: — и какъ мнѣ ни тяжело медлить на землѣ, но ты мнѣ кажешься такою участливою, въ глазахъ твоихъ столько ума, а въ голосѣ ласки, что я тебѣ хочу повиноваться. Вотъ уже шнуръ мой спрятавъ подъ мою одеждою и я готовъ идти за тобою.

Египтянка привела отчаяннаго незнакомца въ свой благоустроенный домъ, приказала служанкѣ подать фрукты и прохладительное питье и, усадивъ гостя среди мягкихъ подушекъ на пышномъ коврѣ, вышла, чтобы переодѣнуть свое купальное платье на другое. Когда же Аза возвратилась, то она сѣла тутъ же рядомъ съ гостемъ, а за ними стали двѣ черныя служанки и легкимъ движеніемъ шелковыхъ кистей начали приводить въ колебаніе спускавшееся съ потолка огромное налитанное ароматами опахало изъ большихъ пестрыхъ перьевъ.

Египтянка желала какъ можно скорѣе узнать горестную исторію незнакомца, что онъ и исполнилъ. Разсказъ его былъ простъ и немногосложенъ. Покусившійся на самоубійство эллинъ недавно еще имѣлъ большое состояніе, но потерпѣлъ неудачи въ дѣлахъ и до того задолжалъ, что не могъ разсчитаться съ своимъ займодавцемъ. Въ этомъ затрудненіи онъ прибѣгнулъ къ состраданію займодавца, но это было напрасно: богачъ соглашался оказать ему снисхожденіе, только не иначе, какъ на одномъ ужасномъ условіи.

— Въ чемъ же заключается это условіе? — спросила египтянка.

— Я не могу сказать тебѣ этого при твоихъ слугахъ.

Аза велѣла служанкамъ удалиться.

— У меня есть дочь, дѣвушка твоихъ лѣтъ, по имени Ю. Она такъ же, какъ ты, стройна станомъ и прекрасна лицомъ, а о сердцѣ ея суди какъ можешь по слѣдующему. Займодавецъ мой, большой и безправедный сластолю-

бецъ, сказалъ мнѣ: «отдай мнѣ твою Іо на ложе и тогда я освобожу тебя отъ темницы, иначе ты задохнешься въ колодезь». Я оскорбился и не хотѣлъ слышать объ этомъ. Это было мнѣ тѣмъ болѣе тяжело, что у моей бѣдной Іо есть женихъ. Онъ бѣденъ, но имѣеть возвышенный умъ и и дочь моя горячо его любитъ съ самаго дѣтства; кромѣ того, и жена моя не снесетъ такого безчестія, чтобы дочь наша стала наложницею. Но бѣда настигаетъ бѣду: представь себѣ новое горе: дочь моя все это узнала и сегодня сказала мнѣ тихо:

— «Отецъ, я все знаю... я уже не ребенокъ... я рѣшилась, отецъ... Чтобы на твою старую шею не набили колодку... Прости, мнѣ, отецъ... я рѣшилась...»

Іо зарыдала и я вмѣстѣ съ нею рыдалъ еще больше и сталъ ее отговаривать, но она отвѣчала:

— «Любовь къ тебѣ и къ матери, которая не снесетъ твоего униженія, во мнѣ теперь говоритъ сильнѣй любви къ моему жениху: онъ молодъ, — продолжала она, глотая набѣжавшія слезы: — онъ полюбитъ другую и съ ней пусть узнаетъ счастье супружеской жизни, а я... я твоя дочь... я дочь моей матери... вы меня воспитали... вы стари... Не говори мнѣ больше ни слова, отецъ, потому что я твердо рѣшилась».

Притомъ она пригрозила, что если я буду ей противорѣчить, то она не станетъ ждать завтрашняго дня, когда замодавенецъ назначитъ мнѣ срокъ, а уйдетъ къ нему сію же минуту.

Незнакомецъ отеръ набѣжавшія на лицо его слезы и кончилъ:

— Чтò еще скажу тебѣ дальше. Іо имѣеть рѣшительный нравъ и вѣжко насъ съ матерью любить... Чтò она порѣшила, противъ того напрасно съ ней спорить... Я упростилъ ее только подождать до завтра и солгалъ ей, будто имѣю еще на кого-то надежду... День цѣлый я ходилъ какъ безумный, потомъ возвратился домой, обнялъ мою жену, обнялъ вѣжкую Іо и оставилъ ихъ вмѣстѣ, взявъ тихонько пшурокъ, и побѣжалъ искать уединеннаго мѣста, гдѣ могъ бы покончить мои страданія. Ты мнѣ помѣшала, но зато облегчила горе мое своимъ сердобольнымъ участіемъ. Мнѣ мило видѣть лицо твое, прекрасное и доброе, какъ лицо моей Іо. Пусть благословитъ тебя Небо, а теперь прощай

и не мѣшай мнѣ: я пойду и окончу съ собою. Когда я не буду въ живыхъ, Ю не станетъ бояться колодки, которую могутъ набить на шею ея отцу, и она выйдетъ замужъ за своего жениха, а не продастъ себя, ради отца, богачу на безчестное ложе.

Египтянка внимательно выслушала весь рассказъ незнакомца, а потомъ сказала, глядя ему твердо въ лицо:

— Я понимаю во всемъ твою милую дочь и мнѣ нравится Ю—она добрая дѣвушка.

— Тѣмъ это тяжелѣй для меня,—отвѣчалъ незнакомецъ.

— Я понимаю и это; но скажи мнѣ, сколько ты долженъ заимодавцу?

— О, очень много, — отвѣчалъ незнакомецъ, и назвалъ очень знатную сумму.

Это равнялось всему состоянію египтянки.

— Приди ко мнѣ завтра—я дамъ тебѣ эту сумму.

Незнакомецъ изумился: онъ и радовался, и не могъ вѣрить тому, что слышитъ, а потомъ сталъ ей говорить, что онъ даже не смѣетъ принять отъ нея такую огромную помощь. Онъ напомнилъ ей, что долгъ его составляетъ слишкомъ значительную сумму, и просилъ ее подумать, не подвергается ли она себя слишкомъ большой жертвѣ, которой онъ даже не въ состояніи и обѣщать возвратить ей.

— Это не твоё дѣло,—отвѣчала египтянка.

— Притомъ же, — сказала онъ: — припомни и то, что я изъ другого народа—я эллинь, и другой съ тобой вѣры.

Аза на мгновенье опустила рѣсницы своихъ длинныхъ, какъ миндалины, глазъ и отвѣчала ему:

— Я не знаю, въ чемъ твоя вѣра: это касается нашихъ жрецовъ; но я вѣрю, что грязь такъ же мараешь ногу гречанки, какъ и ногу всякой иной, и одинаково каждую жжетъ уголь каленый. Не смущай меня, грекъ; Ю покорила себѣ мое сердце,—иди обними твою дочь и жену и приди ко мнѣ завтра.

А когда незнакомецъ ушелъ, Аза тотчасъ же опять взяла свое покрывало и пошла къ богатому ростовщику. Она заложила ему за высокую цѣну все свое имущество и взятое золото отдала на другой день незнакомцу.

Черезъ малое же время, когда прошелъ срокъ сдѣлан-

паго заклада, ростовщикъ пришелъ съ закладною и взялъ за себя все имущество Азы, а она должна была оставить свой домъ и виноградникъ и выйти въ одномъ бѣдномъ посылномъ платьѣ. Теперь у нея не было ни средствъ, ни пріюта.

Скоро увидѣли ее въ этомъ положеніи прежніе знакомые ея родителей и стали говорить ей:

— Ты безумная дѣвушка, Аза: смотри, до чего тебя довела твоя безразсудная доброта!

Аза отвѣчала, что ея доброта не была безразсудна, потому что теперь она лишь одна потерпѣла несчастье, а безъ этого погибало цѣлое семейство. Она рассказала имъ все о несчастнѣйшій жизни.

— Такъ ты вдвое безумна, если сдѣлала это все для людей чужой вѣры!

— Не порода и вѣра, а люди страдали,—отвѣтила Аза.

Услыхавъ такой отвѣтъ, знакомые почувствовали противъ Азы еще большее раздраженіе.

— Ты хочешь блистать своей добротою къ чужевѣрнымъ пришельцамъ, ну, такъ живи же, какъ знаешь, — и всё предоставили ее судьбѣ, а судьба приготовила ей жестокое испытаніе.

Аза не могла избѣжать тяжкихъ бѣдствій по причинамъ, которыя крылись въ ея испытаніи: она совсѣмъ не была приготовлена къ тому, чтобы добывать себѣ средства своими трудами. Она имѣла молодость, красоту и свѣтлый, даже проникающій умъ и возвышенную душу, но не была обучена никакому ремеслу. Прелестное, дѣвственное тѣло ея было слабо для того, чтобы исполнять грубыя работы—береговыя поденщицы ее отгоняли; она не могла носить ни корзины съ плодами, ни кирпичи на постройки, и когда она хотѣла мыть бѣлье на рѣкѣ, то зола изъ сгорѣвшаго пыльского тростника разъѣдала ея нѣжныя руки, а текучая вода производила на нее головокруженіе, такъ что она упала въ воду и ее, полуживую, безъ чувствъ, вытащили изъ Нила.

Аза очутилась въ отчаянномъ положеніи. Она была въ мокромъ платьѣ и голодная. Съ ней поѣхала сухою лаченной лодочкой береговая блудница, — одна изъ тѣхъ, которыя во множествѣ бродили по берегу Нила, поджидал

проходившихъ здѣсь вечеромъ чужеземныхъ матросовъ (на-
вклировъ); одна эта женщина подѣлилась съ Азой на ночь
своею цыновкой, она же прикрыла ее и отъ стужи ночной
своею сухою одеждой, а потомъ... Аза стала такою же, какъ
эта—прибрежной блудницей.

Всѣ знавшіе Азу отъ нея отвратились—она погибала.
Иногда она приходила въ свой бывшій виноградникъ, подь
то самое дерево, на вѣтвяхъ котораго хотѣлъ удавиться
избавленный ею незнакомецъ, и вспоминала его разсказъ,
и всегда находила, что не могла поступить иначе, какъ
она поступила: пусть страдаетъ она, но зато Ю и ея стар-
шки спасены!.. Это радовало Азу и давало ей силу тер-
пѣть ея униженіе; но въ другія минуты она была близка
къ отчаянію и готова была броситься въ Нилъ. Тогда она
садила надъ кручей на красномъ, какъ огустѣлый комъ
крови, песчаномъ холмѣ и размышляла о томъ: неизбѣжно
ли такъ всегда должно быть, чтобы добрые были между
грязью и калеными угольями?

— Или будь безучастенъ къ горю людскому, или утопи
въ горѣ самъ? Третій выборъ — плетись между грязью и
углемъ. Для чего же тогда нашимъ сердцамъ дано знать
состраданіе? Или небо жестоко? Зачѣмъ оттуда никто не
сойдетъ и не укажетъ, какъ людямъ сдѣлать жизнь свою
лучше, чтобы отверженныхъ не было и чтобы не было гор-
дыхъ, пресыщенныхъ и нищихъ? О, еслибъ снизошелъ
оттуда такой великій учитель! если былъ бы такой чело-
вѣкъ, какъ бы она, бѣдная Аза, хотѣла рыдать у его ногъ
и во всю жизнь исполнять все, что онъ ей прикажетъ.

Въ такомъ настроеніи Аза однажды тихо брела вдоль бе-
рега Нила, по уединенному мѣсту, и не встрѣчала сегодня
даже буйныхъ мореходцевъ. Она уже два дня не ѣла и чув-
ствовала мучительный голодь. Въ глазахъ у Азы мутилось.
Она подошла къ рѣкѣ и нагнулась, чтобы напиться, но сей-
часъ же отскочила въ испугъ: такъ самой ей показалось
страшно ея измуренное лицо, съ померкнувшимъ взглядомъ.
А такъ недавно еще никто не рѣшался ее иначе назвать,
какъ «прекрасная Аза».

— О, я понимаю теперь, что это значить. Я уже больше
не «прекрасная Аза», — я страшна даже самымъ потерян-

лымъ людямъ!.. Голодь приближился, мучительный голодь... но я не роню... Я посылаю послѣдній привѣтъ мой Небу, которое виушило мнѣ рѣшеніе любить другихъ больше себя, и съ тѣмъ умираю!

Она бросилась къ рѣкѣ, чтобы утонуть, и непременно бы исполнила это, но ее неожиданно кто-то удержалъ за плечо, и она, оглянувшись, увидала передъ собою пожилого человека, скромнаго вида и въ чужестранной одеждѣ.

Аза приняла его за одного изъ чужестранцевъ, приходящихъ на это мѣсто съ цѣлями, о которыхъ ей было извѣстно, и сказала ему:

— Оставь меня въ покоѣ: я не хочу идти сегодня съ тобою.

Но чужеземець не отошелъ, а взглянулъ на нее ласково и сказалъ ей:

— Напрасно думаешь, сестра моя, что я былъ намѣренъ сказать тебѣ что-либо дурное. Мнѣ показалось, что ты въ какомъ-то бореньи съ собою.

— Да; я вынимаю ноги изъ грязи и хочу ступить на горячія уголья. Это требуетъ силы.

— Ты очень слаба.

— Я два дня не ѣла.

— Такъ ѣшь же скорѣе: со мною есть хлѣбъ и печеная рыба.

Чужеземець поспѣшно перебросилъ изъ-за спины холщевую сумку и подалъ Азѣ рыбу и хлѣбъ, и флагу воды, стращенной съ виномъ.

Аза стала ѣсть, зашивая глотками воды, стращенной съ виномъ, а когда первый мучительный голодь ей былъ утоленъ, она повела глазами на незнакомца и тихо сказала:

— Не хорошо, что я ѣмъ твою пищу: ты путешествуешь и тебѣ нуженъ запасъ для себя.

— Не безпокойся, сестра,—я могу потерпѣть.—и повѣрь, что терпѣть гораздо оградѣй, чѣмъ видѣть терпящихъ.

Аза вздрогнула.

— Чужестранецъ!—сказала она:—ты меня накормилъ и хорошо говоришь... но зачѣмъ ты два раза уже называешь меня своею сестрою? Развѣ не понимаешь ты, кто я такая?

— Ты такое жъ созданіе Бога, какъ я, и сестра мнѣ. Какое мнѣ дѣло, чѣмъ житейское горе и жестокость людей тебя теперь сдѣлали.

Аза вперила въ него свои глаза, опять засверкавшіе бы-
валымъ огнемъ, и вскричала:

— Ты жжешь меня своими словами: ты, быть-можетъ,
посланникъ боговъ?

— Я такой же простой человекъ, какъ и ты, но всѣ мы
посланы сюда Богомъ, чтобы оказывать другъ другу любовь
и помогать другъ другу въ горѣ.

— Но если ты простой человекъ, то кто научилъ тебя
такъ говорить, что сердце мое горитъ и трепещетъ?

— Сядемъ здѣсь вмѣстѣ, и я расскажу тебѣ, кто научилъ
меня такъ говорить.

Несчастливая Аза еще больше смутилась.

— Какъ?—сказала она:—ты хочешь сидѣть со мной ря-
домъ! тебя могутъ увидѣть съ блудницей почтенные люди,
и что ты имъ скажешь тогда въ оправданіе?

— Я скажу имъ, что Тотъ, Который всѣхъ ихъ почтен-
нѣй, не гнушался такою, о какой ты вспоминаешь.

— Кто жъ это былъ *Онъ*?.. Я о такомъ не слыхала... но
ты о Немъ говоришь и слова твои льютъ новую жизнь въ
мое сердце... Можетъ-быть, Онъ-то и есть твой учитель?!

— Ты не ошиблась: это *Онъ* мой учитель.

Аза заплакала.

— Какъ ты счастливъ, какъ ты счастливъ, чужестран-
нецъ! Гдѣ же Онъ, гдѣ этотъ небесный посланникъ?

— Онъ съ нами.

— Съ нами!.. со мною!.. Не смѣйся надъ бѣдною Азой!..
Аза несчастна... Скажи мнѣ, гдѣ Онъ—я побѣгу... Я стану
Его умолять... и, быть-можетъ, Онъ дастъ мнѣ новую жизнь.

Чужеземецъ самъ взволновался.

— Успокойся, сказалъ онъ:—ты ее будешь имѣть—новую
жизнь, — развяжись только со старой. — развяжись скорѣй
съ тѣмъ, что гнететъ тебя въ прошломъ.

— Слушай же, кто я такая!—воскликнула съ оживленіемъ.
Аза, и рассказала все, что съ ней было, и когда повѣсть
ся была окончена, она добавила въ свое оправданіе:

— Говорятъ, будто мнѣ вадлежало иначе размыслить,
но я не могла: мое сердце тогда одолѣло рассудокъ.

— Кто кладетъ руку на плугъ и самъ озирается вспять,
тогда не пахарь. Не жалѣй о томъ, какъ ты поступила.

Аза потушила свѣрь и сказала:

— Я не о томъ сожалѣю... но мнѣ тягостно думать о томъ, что было послѣ...

— Послѣ того, когда ты совершила святѣйшее дѣло любви,—прервалъ ее чужестранецъ:—послѣ того, когда ты позабыла себя для спасенія другихъ... оставь сокрушенія эти!.. Когда каленое уголье жжетъ ноги, ноги ползутъ въ холодную грязь, но любовь покрываетъ много грѣховъ и багровыя пятна бѣлится, какъ волну на ягненкѣ. Подними лицо твое вверхъ... Примни отъ меня привѣтъ христіанскій и знай, что *Онъ*, къ Кому душа твоя рвется, перстомъ на сыпучемъ пескѣ твой грѣхъ нанесялъ и оставилъ смести его вѣтру.

Аза подняла лицо свое и плакала, а христіанинъ глядѣлъ на нее, колѣни его незамѣтно согнулись, онъ поклонился ей въ ноги и тихо промолвилъ:

— Живая! живая!

Утѣшеніе совершилось, — пришла новая жизнь въ смущенную душу Азы. Христіанинъ раскрылъ ей въ короткихъ словахъ ученіе Христова и снова закончилъ похвалою ея сердцу, но Аза непремѣнно хотѣла знать: есть ли люди, живущіе по этому ученію, во взаимной любви, при которой нѣтъ ни осужденія, ни зла, ни лжи.

— Они были,—отвѣчалъ христіанинъ.

— Отчего же не всѣ таковы и теперь?

— Это трудно, сестра.

— Въ чемъ же тутъ трудность?

— Слушай, какъ они жили.

Христіанинъ прочелъ ей на память мѣста изъ Дѣяній: «У множества увѣровавшихъ въ спасительность Его ученія было одно сердце и одна душа,—никто изъ племени своего ничего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее и все, что у нихъ было, они раздѣляли по нуждѣ каждаго и каждый день собирались вмѣстѣ и вмѣстѣ принимали пищу въ веселіи и простотѣ сердца» (Дѣян. IV, 32).

— Какъ это прекрасно!—воскликнула Аза.

— Но какъ это трудно.

«Такъ Иосеія, прозванный отъ апостоловъ Варнавою, что значитъ «сынъ утѣшенія», — левитъ, родомъ изъ Кипра, у котораго было свое помѣстье.— продалъ его и принесъ деньги къ ногамъ апостоловъ» (37).

Послѣ многихъ сумрачныхъ дней лицо Азы освѣтилось отрадною улыбкой: Варнава отдалъ помѣстье и назвалъ его: «сынъ угѣшенія»...

Аза выше подняла лицо и сказала:

— Это не трудно.

— Такъ иди же отсюда, куда я тебя научу, и расскажи тѣмъ людямъ, къ которымъ придешь, все, что ты мнѣ рассказала.

Чужеземецъ назвалъ ей мѣсто, гдѣ сходятся христіане Александрин, и кто ихъ епископъ.

Аза, ни минуты не медля, встала и пошла по его указанію.

Когда Аза пришла, ее сейчасъ же узналъ одинъ клирикъ и сказалъ ей:

— Мнѣ знакомо лицо твое: ты очень похожа на блудницу, которая часто ходила по берегу Шила?

— Я сама и есть та блудница.—отвѣчала Аза:—но я не хочу возвращаться туда, гдѣ ты могъ меня видѣть,—я хочу быть христіанкой.

— Это прекрасно, но ты должна прежде очистить себя постомъ и раскаяніемъ.

— Я все готова исполнить, что нужно.

Ей сказали, какъ надо поститься; она пошла и долго постилась, питаясь тѣмъ, что ей давали изъ состраданія. Наконецъ она изнемогла и пришла снова съ просьбой крестить ее и принять со всѣми въ общеніе. Клирики сказали ей: ты должна принести при всѣхъ покаяніе.

— Да, я затѣмъ и пришла, чтобы сказать всѣмъ, какъ дурна моя жизнь, но я изнемогаю и боюсь, что скоро умру. Прошу васъ: скажите епископу, что я прошу скорѣе принять меня въ общеніе.

Клирики сказали епископу, а тотъ велѣлъ назначить Азѣ катехизатора, который долженъ былъ протолковать ей символъ и всѣ догматы вѣры и потомъ удостовѣрить ее познанія, и тогда Азу будутъ крестить.

Но Аза этого не дождалась; нетерпѣливое желаніе ее получить христіанское имя и жить съ христіанами вмѣстѣ свѣдало ее; она жаловалась и плакала, «а всѣ пренебрегали ею».

Тогда совершилось чудо: когда отверженная египтянка

лежала большая «въ-малой хлѣвнѣ», туда къ ней среди ночи вошли «два свѣтлые мужа» и одѣли ее въ бѣлыя, «крестильныя ризы». Въ нихъ и осталось на землѣ мертвое тѣло Азы, а живой духъ ея отлетѣлъ въ обитель живыхъ.

Кончина Азы, одѣтой въ крестильныя ризы, сдѣлала затрудненіе клирикамъ: они недоумѣвали, по какому обряду надо похоронить эту женщину, но неожиданно пришелъ тотъ чужестранецъ, который говорилъ съ усопшею Азою у берега Нила. Онъ былъ философъ и пресвитеръ сирійскій, другъ Псаака-сирійца — онъ вернулся сюда съ дороги по внушенію духа. Онъ наклонился надъ Азой и сталъ читать христіанскія молитвы, а пока онъ молился, тѣло Азы зарыли въ землю, но сиріецъ еще долго стоялъ и смотрѣлъ вдаль — онъ что-то думалъ, онъ былъ въ восторгѣ и двигалъ устами.

Его спросили:

— Вѣрно ты видишь что-нибудь чудное?

— Да,—отвѣчалъ онъ: — я вижу, какъ будто бы небо отверсто... и туда... кто-то входитъ...

— Неужто блудница?

— О, нѣтъ!.. блудницу вы закопали въ грязи—я вижу... какъ легкая струйка съ каленаго угля сливается съ свѣтомъ—миѣ кажется, это восходитъ дочь *утъишенья*.

СКОМОРОХЪ ПАМФАЛОНЪ.

«Слабость велика. сила ничтожна. Когда человекъ родится, онъ слабъ и гибокъ; когда онъ умираетъ, онъ крѣпокъ и черствъ. Когда дерево произрастаетъ, оно гибоко и ивжно, и когда оно сухо и жестоко, оно умираетъ. Черствость и сила — спутники смерти. Гибкость и слабость выражаютъ свѣжесть бытія. Поэтому, что отвердѣло, то не побѣдить».

Лао—тзы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ царствованіе императора Феодосія Великаго жилъ въ Константинополѣ одинъ знатный человекъ «патрикій и епархъ», по имени Ермій. Онъ былъ богатъ, благороденъ и знатенъ; имѣлъ прямой и честный характеръ; любилъ правду и ненавидѣлъ притворство, а это совсѣмъ не шло подъ-стать тому времени, въ которомъ онъ жилъ.

Въ то отдаленное время въ Византіи, или въ нынѣшнемъ Константинополѣ, и во всемъ царствѣ Византійскомъ было много споровъ о вѣрѣ и благочестіи, и за этими спорами у людей разгорались страсти, возникали распри и ссоры, а отъ этого выходило, что хотя всѣ заботились о благочестіи, но на самомъ дѣлѣ не было ни мира, ни благочестія. Напротивъ того, въ низшихъ людяхъ тогда было много самыхъ скверныхъ пороковъ, про которые и говорить стыдно, а въ высшихъ лицахъ царило всеобщее странное лицемеріе. Всѣ притворялись богобоязненными, а сами жили совсѣмъ не по-христіански: всѣ злопамятствовали, другъ друга ненавидѣли, а къ низшимъ, бѣднымъ лю-

дямъ не имѣли состраданія; сами утопали въ роскоши и нимало не стыдились того, что простой народъ въ это самое время терзался въ мучительныхъ нуждахъ. Обѣдняяншихъ брали въ кабалу или въ рабство, и нерѣдко случалось, что бѣдные люди даже умирали съ голода у самыхъ дверей пировавшихъ вельможъ. При этомъ простолюдины знали, что именитые люди и сами между собой безпрестанно враждовали и часто губили другъ друга. Они не только клеветали одинъ на другого царю, но даже и отравляли другъ друга отравами на званыхъ пирахъ или въ собственныхъ домахъ, черезъ подкупъ кухарей и иныхъ прислѣзниковъ.

Какъ сверху, такъ и снизу все общество было исполнено порчей.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

У упомянутаго Ермія душа была *мирная* и къ тому же онъ ее укрѣпилъ въ любви къ людямъ, какъ заповѣдалъ Христось по Евангелію. Ерміи желалъ видѣть благочестіе настоящее, а не притворное, которое не приноситъ никому блага, а служить только для одного величанія и обмана. Ерміи говорилъ: если вѣрить, что Евангеліе божественно и открываетъ какъ надо жить, чтобы уничтожить зло въ мірѣ, то надо все такъ и дѣлать, какъ показано въ Евангеліи, а не такъ, чтобы считать его хорошимъ и правильнымъ, а самимъ заводить наперекоръ тому совѣмъ другое: читать: «оставь намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ», а замѣсто того ничего никому не оставлять, а за всякую обиду злобиться и донимать съ ближняго долги, не щадя его ни силы, ни живота.

Надъ Ерміемъ за это всѣ другіе вельможи стали шутить и подсмѣиваться; говорили ему: «вѣрно ты хочешь, чтобы всѣ сдѣлались нищими и стояли бы нагишомъ да другъ дружку рубашку перешвыривали. Такъ нельзя въ государствѣ». Онъ же отвѣчалъ: «Я не говорю про государство, а говорю только про то, какъ надо жить по ученію Христову, которое всѣ вы зовете божественнымъ». А они отвѣчали: «Мало ли что хорошо, да невозможно!» И спорили, а потомъ начали его выставять передъ царемъ, какъ будто онъ оглубѣлъ и не годится на своемъ мѣстѣ.

Ерміи началъ это замѣчать и сталъ раздумывать: какъ

въ самомъ дѣлѣ трудно, чтобы и въ почести остаться, и самому вести жизнь по Христову учению?

И какъ только началъ Ермій сильнѣе выпкать въ это, то стало ему казаться, что этого даже и нельзя совѣмъ вмѣстѣ соединить, а надо выпрять изъ двухъ одно любое: или оставить Христово учение, или оставить знатность, потому что вмѣстѣ они никакъ не сходятся, а если и сведешь ихъ насильно на какой-нибудь часъ, то они недолго поладятъ и опять разойдутся дальше прежняго. «Уйдетъ одинъ бѣсъ и опять воротится, и приведетъ еще семерыхъ съ собою». А съ другой стороны глядя, Ермій соображалъ и то, что если онъ станетъ всѣхъ обличать и со всѣми спорить, то войдетъ онъ черезъ то всѣмъ въ остылицу, и другіе вельможи обнесутъ его тогда передъ царемъ клеветами, назовутъ измѣнникомъ государству и погубятъ.

«Угожу однимъ, думаетъ, — не угожу другимъ: если съ хитрыми пойду — омрачу свою душу, а если за нехитрыхъ стану — то имъ не пособлю, а себѣ бѣду наживу. Представлять меня какъ человѣка злоумышленнаго, который сѣетъ беспокойствіе, а я могу не стерпѣть напраслины, да стану оправдываться, и тогда душа моя озвѣрѣетъ, и я стану обвинять моихъ обвинителей и сдѣлаюсь самъ такой же злой, какъ они. Пѣтъ, пусть такъ не будетъ. Не хочу я никого ни срамить, ни упрекать, потому что все это противно душѣ моей; а лучше я совѣмъ съ этимъ покончу: пойду къ царю и упрошу его дозволить мнѣ сложить съ себя всякую власть и доживу вѣкъ мой мирно гдѣ-нибудь простымъ человѣкомъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Какъ Ермій задумалъ, такъ онъ и сдѣлалъ по своему разсужденію. Царю Θεодосію онъ ни на что не жаловался и никого передъ нимъ не обвинялъ, а только просился отставить его отъ дѣлъ. Царь уговаривалъ Ермія остаться при должности, но потомъ отпустилъ. Ермій получилъ полную отставку («отложи отъ себя всяку власть»). А въ это же самое время скончалась жена Ермія, и бывший вельможа, оставшись одинъ, началъ разсуждать еще иначе:

«Не указаніе ли мнѣ это свыше? — подумалъ Ермій. — Царь меня отпустилъ отъ служебныхъ заботъ, а Господь разрѣшилъ отъ супружества. Жена моя умерла и нѣтъ у

меня никого такого въ родствѣ моемъ, для котораго мнѣ надо было бы стараться по своимъ имѣніямъ. Теперь я могу идти рѣзвѣе и дальше къ цѣли евангельской. На что мнѣ богатство? Съ нимъ всегда неминующія заботы, и хоть я отъ служебныхъ дѣлъ отошелъ въ сторону, а, однако, богатство заставитъ меня о немъ заботиться и онять меня втравить въ такіа дѣла, которыя не годятся тому, кто хочетъ быть ученикомъ Христовымъ».

А богатства у Ермія было очень много («бѣ бо ему богатство многосущное») — были у него и дома, и села, и рабы, и всякія драгоценности.

Ермія всѣхъ своихъ рабовъ отпустилъ на волю, а все прочее «богатство многосущное» продалъ и деньги раздѣлилъ между нуждавшимися бѣдными людьми.

Поступилъ онъ такъ потому, что хотѣлъ «совершенъ быть», а тому, кто желаетъ достигъ совершенства, Христосъ коротко и ясно указалъ одинъ путь: «Отдай все, что имѣешь, и иди за Мною».

Ермія все это исполнилъ въ точности, такъ что даже никакой малости себѣ не оставилъ, и радовался тому, что это совсѣмъ не показалось ему жалко и трудно. Только начало было дорого сдѣлать, а потомъ самому пріятно стало раздавать все, чтобы ничто не путало и ничто не мѣшало идти налегкѣ къ высшей цѣли евангельской.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Освободясь и отъ власти, и отъ богатства, Ермія покинулъ тайно столицу и пошелъ искать себѣ уединеннаго мѣста, гдѣ бы ему никто не мѣшалъ уберечь себя въ чистотѣ и святости для прохожденія богоугодной жизни.

Послѣ долгаго пути, совершеннаго пѣшими и босыми ногами, Ермія пришелъ къ отдаленному городу Едессу. и совсѣмъ неожиданно для себя нашелъ здѣсь «нѣкій столпъ». Это была высокая каменная скала и съ расщелиной, и въ серединѣ расщелины было мѣсто, какъ только можно одному человѣку устроиться.

«Вотъ,—подумалъ Ермія:—это мнѣ готовое мѣсто». — И сейчасъ же взлѣзъ на этотъ столпъ по ветхому бревнушку, которое кѣмъ-то было къ скалѣ приставлено, и бревно оттолкнулъ. Бревно откатилось далеко въ пропасть и переломилось, а Ермія остался стоять и простоялъ на столбѣ

тридцать лѣтъ. Во все это время онъ молился Богу и желалъ позабыть о лицемѣрїи и о другихъ злобахъ, которыя онъ видѣлъ и которыми до боли возмущался.

Съ собою Ерміи взялъ на скалу только одну длинную бечевку, которою онъ цѣплялся, когда лѣзъ, и бечевка эта ему пригодилась.

На первыхъ дняхъ, какъ еще Ерміи забылъ убрать эту бечевку, замѣтилъ ее пастухъ-мальчикъ, который пришелъ сюда пасти козлятъ. Пастухъ началъ эту бечевку подергивать, а Ерміи его сталъ звать и проговорилъ ему:

— Принеси мнѣ воды: я очень жажду.

Мальчикъ подцѣпилъ ему свою тыквенную пустышку съ водою и говоритъ:

— Пспей и оставь себѣ тыкву.

Также онъ далъ ему и корзинку съ горстью черныхъ, терпкихъ ягодъ.

Ерміи поѣлъ ягодъ и сказалъ:

— Богъ послалъ мнѣ кормильца.

А мальчикъ, какъ только пригналъ вечеромъ въ село стадо козлятъ, такъ сейчасъ же разсказалъ своей матери, что видѣлъ на скалѣ старика, а пастухова мать пошла изъ колодець и стала о томъ говорить другимъ женщинамъ, и такъ сдѣлалось извѣстно людямъ о новомъ столпникѣ, и люди изъ села побѣжали къ Ермію и принесли ему чечвицы и бобовъ больше, чѣмъ онъ могъ съѣсть. Такъ и пошло далѣе.

Только Ерміи спускалъ сверху на длинной бечевѣ плетеную корзину и выдолбленную тыкву, а люди уже клали ему въ эту корзину листьевъ капусты и сухихъ, невареныхъ сѣмянъ, а тыкву его наполняли водою. И этимъ бывшій византийскій вельможа и богачъ Ерміи питался тридцать лѣтъ. Ни хлѣба и ничего готовленнаго на огнѣ онъ не ѣлъ и позабылъ и вкусъ вареной пищи. Но тогдашнимъ понятіямъ находили, будто это приятно и угодно Богу. О своемъ розданномъ богатствѣ Ерміи не жалѣлъ и даже не вспоминалъ о немъ. Разговоровъ онъ не имѣлъ ни съ кѣмъ никакихъ и казался строгъ и суровъ, подражая въ молчанїи своему Или.

Поселяне считали Ермія способнымъ творить чудеса. Онъ имъ этого не говорилъ, но они такъ вѣрили. Больные приходили, становились въ тѣни его, которую солнце бросало

отъ столпа на землю, и отходили, находя, что чувствуютъ облегченіе. А онъ все молчалъ, вперяя умъ въ молитву или читая на память три милліона стиховъ Оригена и двѣсти пятьдесятъ тысячъ стиховъ Григорія, Пирія и Стефана.

Такъ проводилъ Ерміѣ дни, а вечеромъ, когда сваливалась неслый жаръ и лицо Ерміа освѣжала прохлада, онъ, окопчивъ свои молитвы и размышленія о Богѣ, думалъ иногда и о людяхъ. Онъ размышлялъ о томъ: какъ за эти тридцать лѣтъ зло въ свѣтѣ должно было умножиться и какъ подъ покровомъ ханжества и пустосвятства, замѣняющаго настоящее ученіе своими выдумками, теперь навѣрно изсякла уже въ людяхъ всякая истинная добродѣтель и осталась одна форма безъ содержанія.

Впечатлѣнія, вынесенныя столпникомъ изъ поклпнутой имъ лицемѣрной столицы, были такъ неблагопріятны, что онъ отчаялся за весь міръ и не замѣчалъ того, что черезъ это отчаяніе онъ унижалъ и плакъ, и цѣль творенія, и себя одного почиталъ совершеннѣйшимъ.

Повторяетъ онъ наизусть Оригена, а самъ думаетъ: «ну, пусть такъ,— пусть земной міръ весь стоитъ для вѣчности, и люди въ немъ, какъ школяры въ школѣ, готовятся, чтобы явиться въ вѣчности и тамъ показать свои успѣхи въ здѣшней школѣ. Но какіе же успѣхи они покажутъ, когда живутъ себялюбиво и злобно и ничему отъ Христа не учатся и языческихъ навыковъ не позабываютъ? Не будетъ ли вѣчность впустѣ? Пусть утѣшаетъ Оригенъ, что не могъ же впасть въ ошибку Творецъ, узрѣвъ, «яко все добро зѣло», если оно на самомъ дѣлѣ никуда не годится, а Ермію все-таки кажется, что «весь міръ лежитъ во злѣ», и умъ его напрасно старается прозрѣть: «кацы суть Богу угождающіе и вѣчность улучившіе?»

Никакъ не можетъ Ерміѣ представить себѣ таковыхъ, кои были бы достойны вѣчности, всѣ ему кажутся худы, всѣ съ злою склонностію въ жизнь пришли, а здѣсь, живучи на землѣ, еще хуже перепортились.

И окончательно взяло столпника отчаяніе, что вѣчность занустьѣтъ, потому что нѣтъ людей, достойныхъ перейти въ оную.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

И вотъ однажды, когда, при опускающемся покровѣ

ночи, столпникъ «усильно подвигся мыслию увѣдѣти: кацы суть иже Богу угрожающи», онъ приклонился головою къ краю расщелины своей скалы, и съ нимъ случилась необыкновенная вещь: повѣяло на него тихое, ровное дыханіе воздуха, и съ тѣмъ принесли къ его слуху слѣдующія слова:

— Напрасно ты, Ермій, скорбишь и ужасаешься: есть тацы, иже добре Богу угрожаютъ и въ книгу жизни вѣчной вписаны.

Столпникъ обрадовался сладкому голосу и говоритъ:

— Господи, если я обрѣлъ милость въ очахъ Твоихъ, то дозвожь, чтобы мнѣ былъ явленъ хоть одинъ такой, и тогда духъ мой успокоится за все земное сотвореніе.

А тонкое дыханіе снова дышитъ на ухо старцу:

— Для этого тебѣ надо забыть о тѣхъ, конхъ ты зналъ, и сойти со столпа да посмотрѣть на человѣка Памфалона.

Съ этимъ дыханіе спикло, а старецъ поклонился и думаетъ: взаправду ли онъ это слышалъ или это ему навѣяно мечтою? И вотъ опять проходить холодная ночь, проходить и знойный день, и наступили новыя сумерки, и опять полникъ головой Ермій и слышитъ:

— Спускайся внизъ, Ермій, на землю, тебѣ надо пойти посмотрѣть на Памфалона.

— Да кто онъ такой, этотъ Памфалонъ?

— А вотъ онъ-то и есть одинъ изъ тѣхъ, какихъ ты желаешь видѣть.

— И гдѣ же обитаетъ этотъ Памфалонъ?

— Онъ обитаетъ въ Дамаскѣ.

Ермій опять встрепенулся и онять не былъ увѣренъ, что это ему слышно не въ мечтѣ. И тогда онъ положилъ въ своемъ умѣ испытать это дѣло еще до трехъ разъ, и ежели и въ третій разъ будетъ къ нему такая же внятная рѣчь про Памфалона, тогда уже болѣе не сомнѣваться, а слѣзати со скалы и идти въ Дамаскъ.

Но только онъ рѣшилъ обстоятельно дознаться, что это за Памфалонъ и какъ его по Дамаску разыскивать.

Прошелъ онять знойный день, и съ вечернею прохладою снова зазвучало въ духѣ хлада тонка имя Памфалона.

Невѣдомый голосъ онять говоритъ:

— Для чего ты, старецъ, медлишь, для чего не слѣзаешь на землю и не идешь въ Дамаскъ смотрѣть Памфалона?

А старецъ отвѣчаетъ:

— Какъ же могу я идти и искать человѣка мнѣ неизвѣстнаго?

— Человѣкъ тебѣ названъ.

— Названъ мнѣ человѣкъ Памфалономъ, а въ такомъ великомъ городѣ, какъ Дамаскъ, развѣ одинъ есть Памфалонъ? Котораго же изъ нихъ я стану спрашивать?

А въ духѣ хлада тонка опять звучить:

— Это не твоя забота. Ты только скорѣе слѣзай внизъ да иди въ Дамаскъ, а тамъ уже все знаютъ этого Памфалона, котораго тебѣ надо. Спроси у перваго встрѣчнаго, его тебѣ всякъ покажетъ. Онъ всемъ извѣстенъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Теперь, послѣ третьяго такого переговоровъ, Ермій болѣе уже не сомнѣвался, что это такой голосъ, котораго надо слушаться. А насчетъ того, къ какому именно Памфалопу въ Дамаскъ ему надо идти, Ермій болѣе не безпокоился. Памфалонъ, котораго «все знаютъ», безъ сомнѣнія, есть какой-либо прославленный поэтъ, или воинъ, или всемъ извѣстный вельможа. Словомъ, Ермію размышлять болѣе было не о чемъ, а на что онъ самъ напросился, то надо идти исполнять.

И вотъ пришлось Ермію послѣ тридцати лѣтъ стоянія на одномъ мѣстѣ вылѣзть изъ каменной расщелины и идти въ Дамаскъ...

Странно, конечно, было такому совершенному отшельнику, какъ Ермій, идти смотрѣть человѣка, живущаго въ Дамаскѣ, ибо городъ Дамаскъ по тогдашнему, въ отношеніи чистоты нравственной, былъ все равно, что теперь сказать Парижъ или Вѣна, — города, которые святостію жизни не славятся, а сльвуть за гнѣздилища грѣха и пороковъ; но, однако, въ древности бывали и не такія странности, и бывало, что послы благочестія посылались именно въ мѣста самыя злочестивыя.

Надо идти въ Дамаскъ. Но тутъ вспоминуть Ермію, что онъ нагъ, ибо рубице его, въ которомъ онъ пришелъ тридцать лѣтъ тому назадъ, все изгнѣло и спало съ его костей. Кожа его изгорѣла и почернѣла, глаза одичали, волосы подлѣзли и выцвѣли, а ногти отросли, какъ у лищной

птицы... Какъ въ такомъ видѣ показаться въ большомъ и роскошномъ городѣ?

Но голосъ его не переставалъ руководствовать и раздается издали:

— Ничего, Ермій, иди: нагота твоя найдетъ тебѣ покрывало.

Взявъ Ермій свою корзиночку съ сухими зернами и тыкву и кинулъ ихъ внизъ на землю, а затѣмъ и самъ спустился со столпа по той самой веревочкѣ, по которой гаскалъ себѣ снизу приносимую пищу.

Тѣло столпника уже такъ исхудало, что его могла сдерживать тонкая и полусгнившая веревочка. Она, правда, потрескивала, но Ермій этого не испугался: онъ благополучно сталъ на землю, и пошелъ, колеблясь какъ ребенокъ, но ноги его отвыкли отъ движенія и потеряли твердость.

И шелъ Ермій по безлюдной, знойной пустынѣ очень долго и во весь переходъ ни разу никого не встрѣтилъ, а потому и не имѣлъ причины стыдиться своей наготы; приближаясь же къ Дамаску, онъ нашелъ въ пескахъ вывѣтрившійся сухой трупъ и возлъ него ветхую «козью милоть», какія носили тогда иноки, жившіе въ общекитіяхъ. Ермій засыпалъ пескомъ кости, а козью милоть надѣлъ на свои плечи и обрадовался, увидѣвъ въ этомъ особое о немъ промышленіе.

Къ городу Дамаску Ермій сталъ приближаться, когда солнце уже начало садиться. Старецъ пемножко не соразмѣрилъ хода, и теперь не зналъ, что ему сдѣлать: поспѣшать ли скорѣе идти, или не торопиться и подождать лучше утра. Очамъ казалось близко видно, а ногамъ пришлось обидно. Поспѣшалъ Ермій дойти засвѣтло, а поспѣлъ въ то самое время, когда красное солнце падаетъ, сумракъ густѣетъ и городъ весь обвивается мглой. Точно онъ весь въ безироглядный грѣхъ погружается.

Странно сдѣлалось Ермію,—хоть назадъ бѣги... И опять ему пришла въ голову дума: не было ли все, что онъ слышалъ о своемъ путешествіи, одною мечтою или даже искушеніемъ? Какого праведника можно искать въ этомъ шумномъ городѣ? Откуда тутъ можетъ быть праведность? Не лучше ли будетъ бѣжать отсюда назадъ, влѣзть опять въ свою каменную шелку да и стоять, не трогаясь съ мѣста.

Онъ было уже и повернулся, да ноги не идутъ, а въ ушахъ опять «дыханіе тонко»:

— Иди же, скорѣй лобызай Памфалона въ Дамаскѣ.

Старикъ снова обернулся къ Дамаску, и ноги его пошли.

Пришелъ Ерміи къ городской стѣнѣ какъ разъ въ ту минуту, когда городской стражъ на половину ворота захлопнулъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Насилу успѣлъ бѣдный старикъ упросить сторожа, чтобы онъ позволилъ ему пройти въ ворота, и то отдать за это свою корзину и тыкву; а теперь самъ совсѣмъ безо всего очутился въ совершенно ему незнакомомъ и ужасно многогрѣшномъ городѣ.

Ночи на югѣ спускаются скоро, сумерекъ почти нѣтъ и темнота бываетъ такъ густа, что ничего нельзя видѣть. Улицы въ то время, когда было это происшествіе, въ восточныхъ городахъ еще не освѣщались, а жители запирали свои дома рано. Тогда на улицахъ бывало очень небезопасно, и потому обыватели крѣпко закрывали всѣ входы въ домъ, чтобы впотѣмахъ не забрался какой-нибудь лихой человекъ и не обокралъ бы или бы не убилъ и не сжегъ домъ. Ночью же входы или совсѣмъ не отпирали, или же отпирали только запоздавшимъ своимъ домашнимъ, или друзьямъ, и то не иначе, какъ удостовѣрясь, что стучится именно тотъ человекъ, котораго впустить надо.

Отворенными поздно оставались только двери развратницъ, къ которымъ путь открытъ всѣмъ, и чѣмъ больше идутъ къ нимъ на свѣтъ, тѣмъ имъ лучше.

Старецъ Ерміи, понавѣ въ Дамаскѣ, среди густой тьмы, рѣшительно не зналъ: гдѣ ему пріютиться до утра. Были, конечно, въ Дамаскѣ гостиницы, но Ерміи не могъ ни въ одну изъ нихъ постучаться, потому что тамъ спросить съ него платы за ночлегъ, а онъ не имѣлъ у себя никакихъ денегъ.

Остановился Ерміи и, размысливъ, что бы такое въ его положеніи возможно сдѣлать, рѣшился попроситься почевать въ первый домъ, какой попадется.

Такъ онъ и сдѣлать: подошелъ къ ближайшему дому и постучался.

Его опросили изъ-за двери:

— Кто тамъ стучится?

Ермій отвѣчаетъ:

— Я, бѣдный странникъ.

— Ахъ, бѣдный странникъ! Не мало васъ шляется. Чего же тебѣ надо?

— Прошу пріюта.

— Такъ ты не туда попалъ. Иди за этимъ въ гостиницу.

— Я бѣденъ и не могу платить въ гостиницѣ.

— Это плохо, но иди въ такомъ случаѣ къ тѣмъ, кто тебя знаетъ: они тебя, можетъ-быть, пустять.

— Да меня здѣсь никто не знаетъ.

— А если тебя здѣсь никто не знаетъ, то не стучи и у насъ понапрасну, а уходи скорѣй прочь.

— Я прошусь во имя Христа.

— Оставь, пожалуйста, оставь это имя. Много васъ тутъ ходитъ, все Христа вспоминаете, а на мѣсто того лжете и этимъ именемъ послѣ всякое зло прикрываете. Уходи прочь, нѣтъ у насъ для тебя пріюта.

Ермій подошелъ къ другому дому и здѣсь опять сталъ стучать и проситься.

И здѣсь тоже опять спрашиваютъ его изъ-за закрытыхъ дверей:

— Что тебѣ надо?

— Изнемогаю, я бѣдный странникъ... пустите отдохнуть въ домѣ!

Но опять и тутъ ему тотъ же отвѣтъ: иди въ гостиницу.

— У меня денегъ нѣтъ, — отвѣчалъ Ермій и произнесъ Христово имя, но оно вызвало только укору.

— Полно, полно выкликать это имя, — отвѣчали ему изъ-за дверей второго дома: — всѣ лѣнницы и злодѣи нынче этимъ именемъ прикрываются.

— Ахъ, — отозвался Ермій: — повѣрьте, что я никому никакого зла не сдѣлалъ и не дѣлаю: я пришелъ прямо изъ пустыни.

— Ну, если ты изъ пустыни, то тамъ бы тебѣ и оставаться. Напрасно ты сюда и пришелъ.

— Я не своею волею пришелъ, а имѣлъ повелѣніе.

— Ну, такъ иди къ тому, куда позванъ, а насъ оставь въ покоѣ; мы тѣхъ, кои старцами сказываются и въ козыхъ милотяхъ ходятъ, боимся: вы сами очень святы, а за вами за каждымъ седмь приставныхъ бѣсовъ ходитъ.

«Ого!—подумалъ Ермій: — какъ время измѣнило обычаи. Вѣрно нынѣ совсѣмъ уже нѣтъ стараго привѣта страннымъ. Всѣ уже знаютъ пустынное преданіе, что за аскетомъ вслѣдъ болѣе бѣсовъ ходитъ, чѣмъ за простымъ грѣшникомъ, а черезъ это не лучше, а хуже стало. И вотъ я—пустынникъ, простоявшій тридцать лѣтъ,—въ тѣни столпа моего люди получали исцѣленія, а меня никто не пускаетъ подъ крышу, и я не только могу быть убитъ отъ злодѣевъ, но еще горче смерти могу быть оскорбленъ и обезчещенъ отъ извратившихъ природу безстыдниковъ. Итъ, теперь я уже ясно вижу, что я поддался насмѣлкѣ сатаны. что я былъ посланъ сюда не для пользы души моей, а для всецѣлой моей нагубы какъ въ Содомъ и Гоморру.

А въ это самое время Ермій тоже замѣчаетъ, что кто-то во тьмѣ сиѣшно перебѣгаетъ улицу и, смѣясь, говоритъ:

— Ну, насмѣшилъ ты меня, старичина!

— Чѣмъ это?—спросилъ Ермій.

— Да какъ же ты такъ глушь, что просишься, чтобы тебя пустили почевать въ дома людей высокородныхъ и богатыхъ! Видно, ты и въ самомъ дѣлѣ, должно-быть, ничего въ жизни не понимаешь.

Столпникъ подумалъ: это, пожалуй, воръ или блудодѣй, а все-таки онъ разговорчивъ: дай я его разспрошу, что мнѣ сдѣлать, гдѣ найти пріютъ.

— Ну, ты постой-ка,—сказалъ Ермій:—и кто бы ты ни былъ, скажи мнѣ, нѣтъ ли здѣсь такихъ людей, которые извѣстны за человѣколюбцевъ?

— Какъ же,—отвѣчаетъ:—есть здѣсь и таковыя.

— Гдѣ же они?

— А вотъ ты сейчасть у ихъ домовъ стучался и съ нимъ разговаривалъ.

— Ну, значить, ихъ человѣколюбство плохо.

— Таковы всѣ показные человѣколюбцы.

— А неизвѣстны ли тебѣ, кои боголюбивы?

— И таковыя извѣстны.

— Гдѣ же они?

— Эти теперь, по заходѣ солнечномъ, на молитву стали.

— Пойду же я къ нимъ.

— Ну, не совѣтую. Боже тебя сохрани, если ты своимъ стукомъ помѣшаешь ихъ стоянію на молитвѣ, тогда слуги ихъ за то свалятъ тебя на землю и нанесутъ тебѣ раны.

Старецъ всплеснулъ руками:

— Что же это,—говорить,—человѣколюбцевъ никакъ въ своей нуждѣ не увѣришь. а набожныхъ отъ стоянія не отзовешь, ночь же ваша темна и обычаи ваши ужасны. Увы мнѣ! увы!

— А ты вмѣсто того, чтобы унывать и боголюбцевъ разыскивать,—*иди къ Памфалону.*

— Какъ ты сказалъ?—переспросилъ отшельникъ, и опять получилъ тотъ же отвѣтъ:

— *Иди къ Памфалону.*

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Радъ былъ отшельникъ услышать про Памфалона. Стало-быть, шель онъ не даромъ. Но кто, однако, самъ этотъ во тьмѣ говорящій: хорошо, если это путеводительный ангель, а можетъ-быть это самый худшій бѣсъ.

— Мнѣ,—говорить Ермій:—Памфалона и нужно, потому что я къ нему посланъ, но только я не знаю: тотъ ли это Памфалонъ, о которомъ ты говоришь?

— А тебѣ что о твоёмъ Памфалонѣ сказано?

— Сказано много, чего я не стану всякому пересказывать, а примѣта дана такая, что его здѣсь всѣ *знаютъ.*

— Ну, а если такъ, то я говорю о томъ самомъ Памфалонѣ, про котораго тебѣ сказано. Онъ одинъ только и есть такой Памфалонъ, котораго всѣ знаютъ.

— Почему же онъ всѣмъ такъ извѣстенъ?

— А потому, что онъ пріятный человѣкъ и всюду съ собою веселье ведетъ. Безъ него нѣтъ здѣсь ни пира, ни потѣхи. и всѣмъ онъ любезенъ. Чуть гдѣ пса его сѣраго съ длинной мордой слышатъ, когда онъ бѣжитъ, гремя позвонцами, всѣ радостно говорятъ: «вотъ Памфалонова Акра бѣжитъ! сейчасъ, значить, самъ Памфалонъ придетъ, и веселый смѣхъ будетъ».

— А для чего же онъ пса при себѣ водить?

— Для большаго смѣха. Его Акра чудесная, умная и вѣрная собака, она ему людей веселить помогаетъ. А то еще у него есть разноперая птица, которую онъ на длинномъ шестѣ въ обручѣ носитъ; тоже и эта дорогого стоитъ: она и свистомъ свиститъ, и шипитъ по-змѣиному.

— Зачѣмъ же Памфалону все это нужно—и песь, и разноперая птица?

— Какъ же. — Памфалону безъ смѣшныхъ вещей быть невозможно.

— Да кто же такой у васъ этотъ Памфалонъ?

— А развѣ ты самъ этого не знаешь?

— Не знаю. Я только слышалъ о немъ въ пустынѣ.

Собесѣдникъ удивился.

— Вотъ какъ! — воскликнулъ онъ. — Значить, уже не только въ Дамаскѣ и въ другихъ городахъ, а и далеко въ пустынѣ знаютъ нашего Памфалона! Ну, да такъ тому и слѣдовало быть, потому что такого другого весельчака нѣтъ, какъ нашъ Памфалонъ: никто не можетъ безъ смѣха глядѣть, какъ онъ шутить свои веселья шутки, какъ онъ мигаетъ глазами, двигаетъ ушами, перебираетъ ногами и свиститъ, и языкомъ щелкаетъ, и вертитъ завигой головой.

— Перебираетъ ногами и вертитъ головою, — повторилъ пустыпникъ:—лицедѣйство, тѣлодвиженіе и скоки... Да кто же онъ такой, наконецъ!?

— Скоморохъ.

— Какъ?.. этотъ Памфалонъ!.. Къ кому я иду!.. Онъ *скоморохъ!*

— Ну, да, Памфалонъ скоморохъ, его потому всѣ и знаютъ, что онъ по улицамъ скачетъ, на площади колесомъ вертится и мигаетъ глазами, и перебираетъ ногами, и вертитъ головой.

Ермій даже свой пустынническій посохъ изъ рукъ уронилъ и проговорилъ:

— Сгинь! сгинь, дьяволь, полно тебѣ надо мной издѣваться!

А во тьмѣ говорившій не разслышалъ этого заклинанія и добавилъ:

— Памфалоновъ домъ сейчасъ здѣсь за угломъ, и у него навѣрно теперь въ окнахъ еще свѣтъ свѣтится, потому что онъ вечеромъ приготовляетъ свои скоморошны снаряды, чтобы дѣлать у гетеръ представленія. А если у него огня нѣтъ, такъ ты впотьмахъ отсчитай за угломъ направо третій маленькій домъ, входи и почуй. У Памфалона всегда двери отворены.

И съ тѣмъ говорившій во тьмѣ спикъ куда-то, какъ будто его и не бывало.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Ермій, пораженный тѣмъ, что онъ услыхалъ о Памфалонѣ, остался впотьмахъ и думаетъ:

«Что же мнѣ теперь дѣлать? Это невозможно, чтобы человекъ, для свиданія съ которымъ я снятъ съ моего камня и выведенъ изъ пустыни, былъ скоморохъ! Какія такія добродѣтели, достойныя вѣчной жизни, можно заимствовать у комедіанта, у лицедея, у фокусника, который кривляется на площадяхъ и потѣшаетъ гулякъ въ дѣмахъ, гдѣ пьютъ вино и предаются безпутствамъ?»

Непонятно это, а ночь темна, дѣться некуда и — надо идти къ скомороху.

Ночной пріютъ пустыннику былъ необходимъ, потому что хотя онъ и привыкъ ко всѣмъ непогодамъ, но на улицѣ въ городѣ въ тогдашнее время остаться ночью было гораздо опаснѣе, чѣмъ въ нынѣшнее. Тогда и воры грабили, и ходили такіе отчаянные люди, какихъ видали только предъ сожженіемъ Содома и Гоморры. Эти были хуже животныхъ и не щадили никого, и всякъ могъ ожидать себѣ отъ нихъ самаго гнуснаго оскорбленія.

Ермій все это помнилъ и потому очень обрадовался, когда только-что завернулъ за уголъ, какъ сейчасъ же увидаль привѣтный огонекъ. Свѣтъ выходилъ изъ одного маленькаго домика и ярко горѣлъ во тьмѣ, какъ звѣздочка. Вѣроятно, тутъ и живетъ скоморохъ.

Ермій пошелъ на свѣтъ и видитъ: дѣйствительно стоитъ очень маленькій, низенькій домикъ, а въ немъ растворенная дверь и надъ нею поднята тростниковая циновка, такъ что все внутрь этого жилья видно.

Жилье не велико, — всего одинъ покой, и притомъ не высокій, но довольно просторный, и въ немъ все на виду — и хозяйнѣ, и хозяйство, и все его ремесло. И по всему тому, что видно, не трудно было отгадать, что здѣсь живетъ не степенный человекъ, а именно скоморохъ.

На сѣрой стѣнѣ, какъ разъ насаупротивъ раскрытой двери, висѣла глиняная лампа съ длиннымъ рожкомъ, на концѣ котораго горѣлъ краснымъ огнемъ фитиль, нашитанный жиромъ. Фитиль этотъ сильно коптилъ и вилъ съ него надали огненные капли кипящаго жира. Вдоль всей стѣны висѣли разныя странныя вещи, которыя, впрочемъ,

точнѣе можно бы назвать хламомъ. Тутъ были уборы и сарацынскіе, и греческіе, и египетскіе, а также были и разнопестрые перья, и звонцы, и трещотки, и накры, и красныя шесты, и золоченыя обручи. Въ одномъ углу вбитъ былъ крюкъ въ потолокъ, а къ нему подѣплеи тонкій шестъ, похожій на большое удилице, а на концѣ того шеста на веревкѣ другой деревянный обручъ, а въ обручѣ спитъ, загнувъ голову подъ крыло, пестрая птица. На погѣ у нея тонкая цѣпь, которою она прикована къ обручу. Въ другомъ же углу загнуты полуколесомъ гнуткія драпицы и за ними задѣты бубны, накры, сопѣли и еще болѣе странныя вещи, которыхъ и назначенія даже не могъ придумать давно не издавшій суеты городской жизни пустынный.

На полу въ одномъ углу постель изъ цыновки, а въ другомъ сундукъ; на этомъ сундукѣ передъ скамьею, замѣняющею столъ, сидитъ и что-то мастеритъ самъ хозяинъ жилища.

Видъ его страненъ: онъ уже человекъ не молодой, а подстароватъ, имѣетъ лицо смуглое, добродушное и веселое, съ постояннымъ, умѣреннымъ выраженіемъ и легкимъ блескомъ глазъ, но лицо это раскрашено, а полусѣдая голова вся завита въ мелкіе кудри и на нихъ надѣтъ тонкій мѣдный ободокъ, съ котораго внизъ висятъ и бренчатъ блестящіе кружочки и звѣздочки. Таковъ Памфалонъ. Сидитъ онъ, нагнувшись надъ скамьею, на которой разбросаны разные скоморошныя приборы, а передъ лицомъ его маленькая глиняная жаровня и паяло. Онъ дуетъ ртомъ черезъ паяльную трубку въ жаркіе угли и закрѣпляетъ одно за другое какія-то мелкія кольца, и не замѣчаетъ того, что на него снаружи давно пристально смотритъ строгій отшельникъ.

Но вотъ лежавшая въ тѣни у погѣ Памфалона длинно-мордая сѣрая собака чутьемъ почувала близость сторонняго человека, подняла свою голову и, заворчавъ, встала на ноги, а съ этимъ ея движеніемъ на ея мѣдномъ ошейникѣ зазвонили звонцы и отъ нихъ сейчасъ же проснулась и вынула изъ-подъ крыла голову разноперая птица. Она встрепенулась и не то свистнула, не то какъ-то рѣзко проскрипѣла клювомъ. Памфалонъ разогнулся, отнял на минуту губы отъ паяла и крикнулъ:

— Молчи, Акра! И ты, Зоя, молчи! Не пугайте досужаго чловѣка, который приходитъ звать насъ смѣнить заску-чавшихъ богачей. А ты, легкій посоль,—добавилъ онъ, воз-выся голосъ:—отъ кого ты ни жалуешь, подходи скорѣй и говори сразу: что тебѣ нужно?

На это Ермій ему отвѣтилъ со вздохомъ:

— О, Памфалонъ!

— Да, да, да, я давно Памфалонъ—плясунъ, скоморохъ, пѣвецъ, гадатель и все, что кому угодно. Какое изъ моихъ дарованій тебѣ надобно?

— Ты ошибся, Памфалонъ.

— Въ чемъ я ошибся, пріятель.

— Чловѣку, который стоитъ у твоего дома, совсѣмъ не нужно этихъ дарованій: я пришелъ совсѣмъ не за тѣмъ, чтобы звать тебя на скоморошное игрище.

— Ну, что жъ за бѣда! Ночь еще впереди, — придетъ кто-нибудь другой и покличетъ насъ и на игрище, и у меня будетъ назавтра заработокъ для меня и для моей собаки. А тебѣ-то, однако, что же такое угодно?

— Я прошу у тебя пріюта на ночь и желаю съ тобою бесѣдовать.

Услышавъ эти слова, скоморохъ оглянулся, положилъ на сундукъ дротяныя кольца и паяло и, разставивъ надъ глазами ладонь, проговорилъ:

— Я не вижу тебя, кто ты такой, да и голосъ твой незнакомъ мнѣ... Впрочемъ, въ домѣ моемъ и въ добрѣ будь воленъ, какъ въ своемъ, а насчетъ бесѣды... Это ты, должно-быть, смѣнешся надо мною.

— Нѣтъ, я не смѣюсь,—отвѣчала Ермій.—Я здѣсь всѣмъ чужой чловѣкъ и пришелъ издалека для бесѣды съ тобою. Свѣтъ твоей лампы привлекъ меня къ твоей двери, и я прошу пріюта.

— Что же, я радъ, что свѣтъ моей лампы свѣтитъ не для однихъ гулякъ. Какой ты ни есть—не стой больше на улицѣ, и если у тебя нѣтъ въ Дамаскѣ лучшаго почлега, то я прошу тебя—войди ко мнѣ, чтобы я могъ тебя успокоить.

— Благодарю,—отвѣчала Ермій:—и за привѣтъ твой пусть благословитъ тебя Богъ, благословившій странпопримный кровъ Авраама.

— Ну, ну, перестань многословить! Совсѣмъ не о чемъ

говорить, а ужъ ты и за Авраама хватаешься. Берн, старина, дѣло проще. Много будетъ, если ты благословишь меня, выходи изъ моего дома, когда отдохнешь съ дороги и успокоишься, а теперь входи скорѣе: пока я дома, я тебѣ помогу умыться, а то меня кто-нибудь кликнетъ на ночную потѣху, и мнѣ тогда будетъ некогда за тобой ухаживать. У насъ нынче въ упадкѣ дѣлишки: къ намъ стали заходить чужіе скоморохи изъ Сиракузъ; такъ сладко поютъ и играютъ на арфахъ, что перебили у насъ всю самую лучшую работу. Ничего нельзя упускать: надо сразу бѣжать, куда кликнуть, а теперь какъ разъ такой часъ, когда богатые и знатные гости приходятъ попировать къ веселымъ гетерамъ.

«Проклятый часъ»,—подумалъ Ермій.

А Памфалонъ продолжалъ:

— Ну, входи же, сдѣлай милость, и не обращай вниманья на мою собаку: это Акра, это мой вѣрный несъ, мой товарищъ, — Акра живетъ не для страха, а такъ же, какъ я—для потѣхи. Входи ко мнѣ, путникъ!

Съ этимъ Памфалонъ протянулъ гостю обѣ руки и, сведя его по ступенькамъ съ уличной тьмы въ освѣщенную комнату, мгновенно отскочилъ отъ него въ ужасъ.

Такъ страшень и дикъ показался ему вошедшій пустыжникъ.

Прежній вельможа, простоявъ тридцать лѣтъ подъ вѣтромъ и пламеннымъ солнцемъ, изнемождилъ въ себѣ видъ человѣческій. Глаза его совсѣмъ обезцвѣтились, изгорѣвшее тѣло его все почернѣло и присохло къ остову, руки и ноги его изсохли и отросшіе ногти загнулись и впились въ ладони, а на головѣ остался одинъ клокъ волосъ, и цвѣтъ этихъ волосъ былъ не бѣлый и не желтый, и даже не пазелень, а голубоватый, какъ утиное яйцо, и этотъ клокъ торчалъ на самой серединѣ головы, точно хохоль на сесизѣ.

Въ изумленіи стояли другъ передъ другомъ два эти совсѣмъ несходные человѣка: одинъ скоморохъ, скрывшій свой натуральный видъ лица подъ красками, а другой — весь излїнявшій пустыжникъ. На нихъ смотрѣла длинномордая собака и разноперая птица. И всѣ молчали. А Ермій пришелъ къ Памфалону не для молчанія, а для бесѣды, и для великой бесѣды.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Оправился первый Памфалонъ.

Замѣтивъ, что Ермій не имѣлъ на себѣ никакой ноши, Памфалонъ съ недоумѣніемъ спросилъ его:

— Гдѣ же твоя кошница и тыква?

— Со мною нѣтъ ничего,—отвѣчалъ отшельникъ.

— Ну, слава Богу, что у меня сегодня есть чѣмъ тебя угостить.

— Мнѣ ничего и не надо,—перебилъ старецъ: — я пришелъ не за угощеніемъ. Мнѣ нужно знать, какъ ты угождаешь Богу?

— Что такое?

— Какъ ты угождаешь Богу?

— Что ты, что ты, старецъ! Какое отъ меня угожденіе Богу! Да мнѣ объ этомъ даже и думать нельзя.

— Отчего тебѣ нельзя думать? О своемъ спасеніи всякъ долженъ думать. Ничего для человѣка не можетъ быть такъ дорого, какъ его спасеніе. А спасеніе невозможно безъ того, чтобы угодить Богу.

Памфалонъ его выслушалъ, улыбнулся и отвѣчалъ:

— Эхъ, отецъ, отецъ! Если бы ты зналъ, какъ мнѣ смѣшно тебя слушать. Видно и вправду давно ты изъ міра.

— Да, я изъ міра давно; я тридцать лѣтъ уже не былъ между людьми, но, все-таки, что я говорю, то истинно и согласно съ вѣрой.

— А я,—отвѣчалъ Памфалонъ:—съ тобою не спорю, но говорю тебѣ, что я человѣкъ очень непостоянной жизни, я ремесломъ скоророхъ, и не о благочестіи размышляю, а я скачу, верчусь, играю, руками плещу, глазами мигаю, выкручиваю ногами и трясу головой, чтобы мнѣ дали что-нибудь за мое посмѣшище. О какомъ богоугожденіи я могу думать въ такой жизни!

— Отчего же ты не оставишь эту жизнь и не начнешь вести лучшую?

— А, другъ любезный, я уже это пробовалъ.

— И что же?

— Не удается.

— Еще разъ попробуй.

— Нѣтъ, ужъ теперь и пробовать нечего.

— Отчего?

— Оттого, что я на сихъ дняхъ упустилъ такой случай для исправленія моея жизни, какого уже лучше и быть не можетъ.

— Почему ты знаешь? По-твоему не можетъ быть, а у Бога все возможно.

— Нѣтъ, ты про это со мною, пожалуйста, лучше не говори, потому что я даже и не хочу болѣе искушать Бога, если я не умѣю пользоваться Его милостями. Я себя самъ оставилъ безъ спасенія, и пусть такъ и будетъ.

— Такъ ты, значитъ, отчаянный?

— Нѣтъ, я не отчаянный, а только я беззаботный и веселый человекъ и разговаривать со мною о вѣрѣ... просто даже некстати.

Ермій покачалъ головой и говоритъ:

— Въ чемъ же, однако, состоитъ твоя вѣра, веселый, беззаботный человекъ?

— Я вѣрю, что я самъ изъ себя ничего хорошаго сдѣлать не сумѣю, а если создавшій меня Самъ что-нибудь лучшее изъ меня современемъ сдѣлаетъ, ну такъ это Его дѣло. Онъ всѣхъ удивить можетъ.

— А отчего же ты самъ о себѣ не заботишься?

— Некогда.

— Какъ это некогда?

— Да такъ, я живу въ суетѣ, а когда нарочито соберусь спастись, то на меня нападеть тоска, и вмѣсто хорошаго еще хуже выходитъ.

— Ты говоришь несообразное.

— Нѣтъ, это правда. Когда я размыслюсь, то отъ моего слабаго характера стану тревоженъ и опять самъ все разрушу и стану на свою екоморошью степень.

— Ну, такъ ты человекъ пропащій.

— Очень можетъ быть.

— И я думаю, что ты совсѣмъ не тотъ Памфалонъ, котораго мнѣ кадобно.

— Я не могу тебѣ на это отвѣтить,—отвѣчала екоморохъ:—но только мнѣ кажется, что на этотъ часъ, когда я такъ счастливъ, что могу послужить твоей страннической нуждѣ, я теперь, пожалуй, какъ разъ тотъ Памфалонъ, который тебѣ нуженъ, а что тебѣ дальше нужно будетъ, о томъ завтра узнаемъ. Теперь же я умою твои ноги, и ты

покушай, что у меня есть, и ложись спать, а я пойду скоророшить.

— Мне нужно бесѣдъ твоихъ.

— Бесѣдъ!—опять воскликнулъ Памфалонъ.

— Да, мне нужно бесѣдъ твоихъ, я для нихъ пришесть и не отступлю отъ тебя.

Памфалонъ поглядѣлъ на старца, потрогалъ его за его синій хохолокъ и потомъ вдругъ расхохотался.

— Что же это тебѣ, весельчакъ, такъ смѣшно въ словахъ моихъ?—спросилъ Ермій.

А Памфалонъ отвѣчалъ:

— Прости мне мое безумство. Я это по привычкѣ шутить разсмѣялся. Ты хочешь не отступить отъ меня, а я подумалъ, что мне, пожалуй, и хорошо бы взять тебя и поводить съ собою по городу. Мне бы было выгодно водить тебя напоказъ по Дамаску,—на тебя бы все глядѣть собирались; но мне стыдно, что я такъ о тебѣ подумалъ, и пусть же и тебѣ будетъ стыдно надо мною смѣяться.

— Я ни надъ кѣмъ не смѣюсь, Памфалонъ.

— Такъ зачѣмъ же ты говоришь, что хочешь отъ меня бесѣдъ для своего наученія? Какія наученія могу дать я, дрянной скоморохъ, тебѣ, мужу, имѣвшему силу разсуждать о Богѣ и о людяхъ въ святомъ безмолвіи пустыни? Господь меня не лишилъ совсѣмъ святѣйшаго дара своего—разума, и я знаю разницу, какая есть между мною и тобою. Не оскорбляй же меня, старикъ, позволь мне омыть твои ноги и почивай на моей постели.

— Хорошо,—сказалъ Ермій: —ты хозяйни въ своемъ домѣ и дѣлай, что хочешь.

Памфалонъ принесъ лаханъ свѣжей воды и, омывъ ноги гостя, подаль ему вѣтъ, а потомъ уложилъ въ постель и промолвилъ:

— Завтра будемъ говорить съ тобою. А теперь объ одномъ тебя прошу: не тревожься, если кто-нибудь изъ подгулявшихъ людей станетъ стучать ко мне въ дверь или бросать что-нибудь въ стѣну. Это ничего другого не значитъ, какъ празднолюбцы зовутъ меня потѣшать ихъ.

— И ты встанешь и уходишь?

— Да, я иду во всякое время.

— И неужто тыходишь повсюду?

— Конечно, повсюду: и вѣдь скоморохъ и не могу раз-
бираться мѣста.

— Бѣдный Памфалонъ!

— Какъ быть, мой отецъ! Мудрецы и философы моего
мастерства не требуютъ, а требуютъ его празднолюбцы. Я
хожу на площади, стою у ристалищъ, верчусь на ширяхъ,
бываю въ загородныхъ рощахъ, гдѣ гуляютъ молодые бо-
гачи, а больше все по почамъ бываю въ домахъ у весе-
лыхъ гетеръ...

При послѣднемъ словѣ Ермій едва не заплакалъ и еще
жалостнѣе воскликнуть:

— Бѣдный Памфалонъ!

— Чтò дѣлать, — отвѣчалъ скоморохъ: — я, дѣйствительно,
очень бѣденъ. И вѣдь сынъ грѣха и какъ во грѣхѣ зачатъ,
такъ съ грѣшниками и выросъ. Ничему другому я, кромѣ
скоморошества, не наученъ, а въ мѣръ долженъ быть жить
потому, что здѣсь жила во грѣхѣ зачавшая и родившая
меня мать моя. Я не могъ снести, чтобы мать моя протя-
нула къ чужому человѣку руку за хлѣбомъ, и кормилъ ее
своимъ скоморошествомъ.

— А гдѣ же теперь твоя мать?

— Я вѣрю, что она у Бога. Она умерла на той же по-
стели, гдѣ ты лежишь теперь.

— Тебя любятъ въ Дамаскѣ?

— Не знаю, что есть слово «любить», но меня, покажуи,
и любятъ, и выдаютъ мнѣ деньги за мои забавы и угощаютъ
меня за своими столами. Я нью на чужой счетъ дорогое
вино и плачу за него моими шутками.

— Ты пьешь вино?

— О, да, что я нью вино и люблю его пить, въ томъ
нѣтъ никакого сомнѣнiя. Да безъ этого и нельзя для чело-
вѣка, который держится веселой компанiи.

— Кто же тебя приучилъ къ этой компанiи?

— Случай, или, лучше тебѣ сказать, я не умѣю объ-
яснить этого твоему благочестiю. Мать моя въ молодости
была весела и прекрасна. Отецъ мой былъ знатный чело-
вѣкъ. Онъ меня бросилъ, а другiе изъ степенныхъ людей
никто меня не взяли, взяли меня такой же, какъ я, ско-
морохъ, и много меня билъ и ломалъ, но, все-таки, спасибо
ему—онъ меня выучилъ своему дѣлу, и теперь никто лучше
меня не кинетъ вверхъ колецъ, чтобы они на лету со-

илися; никто такъ не щелкаетъ языкомъ, не строптъ рождь, не плещеть руками и не митуетъ ногами, и не тростить головой.

— И тебѣ это ремесло еще не омерзѣло?

— Итъ, оно часто мнѣ не правится, особенно когда я вижу, какъ проводятъ у гетеръ время вельможи, которымъ надо бы думать о счастьи народа, и когда въ веселые дома приводятъ цвѣтущую юность, но я въ этомъ воспитанъ, и этимъ однимъ только умѣю добывать себѣ хлѣбъ.

— Бѣдный, бѣдный Памфалонъ! Смотри, вотъ уже и голова твоя забѣлѣлась, а ты все до сей поры плещешь руками, и сѣменишь ногами, и тростишь головой у погибшихъ блудницъ. Ты самъ погибнешь съ ними.

А Памфалонъ отвѣчалъ:

— Не жалѣй меня, что я выкручиваю ногами и верчусь у гетеръ. Гетеры—грѣшницы, но бывають къ намъ, слабымъ людямъ, жалостливы. Когда ихъ гости уныютъ, онѣ сами ходятъ и сами для насъ отъ гулякъ собирають даданье, и даже порою съ излишкомъ и съ ласкою для насъ просятъ.

И замѣтивъ, что Ермій отвернулся, Памфалонъ тронулъ его ласково за плечо и молилъ съ увѣтомъ:

— Вѣрь мнѣ, почтенный старикъ, что живое всегда живымъ остается, и у гетеръ часто бьется въ груди прекрасное сердце. А печально намъ быть на ширяхъ у богатыхъ господъ. Вотъ тамъ часто встрѣчаются скверные люди; они горды, надменны и веселья хотять, а свободного смѣха и шутокъ не терять. Тамъ требуютъ того, чего естество человеческое стыдится, тамъ угрожаютъ удареніемъ и ранами, тамъ щиплютъ мою разношерную птицу, тамъ дуютъ и плюютъ въ носъ моей собакѣ Акрѣ. Тамъ ни во что вмѣщаютъ все обиды для низшихъ, и на утро... ходять молиться для вида.

— О горе! о горе!—проинталь Ермій:—вижу, что онъ даже совѣмъ еще далекъ отъ того, чтобы понимать, въ чемъ погрязъ; но его умъ и его естество, можетъ-быть, добры... Потому я вѣрно для того къ нему и посланъ, чтобы вывести его одаренную душу на иную путину.

И сказалъ онъ ему вдохновенно:

— Брось свое гадкое ремесло, Памфалонъ.

А тотъ ему спокойно отвѣтилъ:

— Очень бы радъ, да не могу.

— Произнеси маголь къ Богу, и Онъ тебѣ поможетъ.

Памфалонъ вздрогнулъ и унавинимъ голосомъ молилъ:

— Глаголь!.. зачѣмъ ты читаешь въ душѣ моей то, о чемъ я хочу позабыть!

— Ага! ты вѣрно уже давалъ обѣтъ, и оный его нарушилъ?

— Да, ты отгадалъ: я сдѣлалъ это дурное дѣло — я давалъ обѣтъ.

— Почему же ты называешь обѣтъ дурнымъ дѣломъ?

— Потому что христіанамъ запрещено клясться и обѣщаться, а я, какой ни есть, все же христіанинъ, и, однако, я давалъ обѣтъ и его нарушилъ. А теперь я знаю, что развѣ можетъ слабый человѣкъ давать обѣтъ Всесоумущему, Который предуставилъ, чѣмъ ему быть, и мнеть его, какъ горничникъ мнеть глину на кружалѣ? Да, знай, старичокъ, знай, что я имѣлъ возможность бросить скоморошество и не бросилъ.

— И почему же ты не бросилъ?

— Не могъ.

— Чтò у тебя за отвѣтъ: все ты «не могъ»! Почему ты и могъ, и не могъ?

— Да, и могъ, и не могъ, потому что... я небрежливъ,— я не могу о своей душѣ думать, когда есть кто-нибудь, кому надо помочь.

Старецъ приподнялся на локѣ и, вперивъ глаза въ скомороха, воскликнулъ:

— Что ты сказать?! Ты ни во что считаешь погубить свою душу на безконечные вѣки вѣковъ. лишь бы сдѣлать что-нибудь въ сей быстрой жизни для другого! Да ты имѣешь ли понятіе о зрящемся пламени ада и о глубинѣ вѣчной ночи?

Скоморохъ усмѣхнулся и сказать:

— Пѣтъ, я ничего не знаю объ этомъ. Да и какъ я могу знать о жизни мертвыхъ, когда я не знаю даже всего о живыхъ? А ты знаешь о тартарѣ, старецъ?

— Конечно!

— А между тѣмъ, я вижу, и ты не знаешь о многомъ, чтò есть на землѣ. Миѣ это страшно. Я тебѣ говорю, что я человѣкъ негодный, а ты миѣ по вѣринь. А я не повѣрю тебѣ, что ты знаешь о мѣртвыхъ.

— Несчастный! да ты имѣешь ли даже понятіе о самомъ Божествѣ?

— Имѣю, только очень малыя понятія, но въ томъ не ожидаю себѣ великаго осужденія, потому что я вѣдь не выросъ въ благородной семьѣ, я не слушалъ уроковъ у схоластиковъ въ Византіи.

— Бога можно знать и служить Ему безъ науки схоластиковъ!

— Я съ тобою согласенъ и такъ всегда говорилъ въ умѣ съ Богомъ: Ты Творецъ, а я тварь—миѣ Тебя не понять, Ты меня всунулъ для чего въ эту кожаную ризу и бросилъ сюда на землю трудиться, я и таскаюсь по землѣ, ползаю, тружусь. Хотѣлъ бы узнать: для чего это все такъ мудро сотворено, да я не хочу быть какъ лѣнивый рабъ, чтобы о Тебѣ со всѣмъ пересуживать. Я буду Тебѣ просто покоренъ и не стану разузнавать, что Ты думаешь, а просто возьму и исполню, что Твой перстъ начерталъ въ моемъ сердцѣ! А если душно сдѣлаю, — Ты прости, потому что вѣдь это Ты меня создалъ съ жалостнымъ сердцемъ. Я съ нимъ и живу.

— И ты на этомъ надѣешься оправдаться?

— Ахъ, я ни на что не надѣюсь, а я просто ничего не боюсь.

— Какъ! ты и Бога не боишься?

Памфалонъ пожалъ плечами и отвѣтилъ:

— Право, не боюсь: я Его люблю.

— Лучше трепещи!

— Зачѣмъ? Ты развѣ трепещешь?

— Тренетаъ.

— И пыиче устаетъ?

— Я уже не тотъ, что былъ прежде когда-то.

— Навѣрно ты сдѣлался лучше?

— Не знаю.

— Это ты хорошо сказалъ. Знаетъ тотъ, кто со стороны смотритъ, а не тотъ, кто свое дѣло дѣлаетъ. Кто дѣлаетъ, тому на себя не видно.

— А ты себя когда-нибудь чувствовалъ хорошо?

Памфалонъ промолчалъ.

— Я умоляю тебя, — повторилъ Ерміи: — скажи миѣ, ты когда-нибудь чувствовалъ себя хорошо?

— Да, — отвѣчалъ скоморохъ: — я чувствовалъ.

— А когда это было?

— Представь, это было именно въ тотъ самый часъ, когда я себя отъ Него удалилъ...

— Воже! что говорить этотъ безумецъ!

— Я говорю сущую правду.

— По чѣмъ и какъ ты отдалилъ себя отъ Бога.

— Я это сдѣлалъ за единый вздохъ.

— Отвѣть же мнѣ, что ты сдѣлалъ?

Памфалонъ хотѣлъ отвѣчать, что съ нимъ было, но въ это самое мгновеніе цыновку, которою была завѣшана дверь, откинули двѣ молодыя смуглыя женскія руки въ занястьяхъ, и два звонкіе женскіе голоса сразу наперебой заговорили:

— Памфалонъ, смѣхотворный Памфалонъ! скорѣй поднимайся и иди съ нами. Мы бѣжали впопыхахъ бѣгомъ за тобою отъ нашей гетеры... Сидѣли скорѣй, у насъ положъ гротъ и аллея богатыхъ гостей изъ Коринѳа. Бери съ собой кольца, и струны, и Акру, и птицу. Ты нынче въ ночь можешь много заработать за свое смѣхотворство и хоть немножко вернешь свою большую потерю.

Ерміѣ взглянуть на этихъ женщинъ, и ихъ лоснящаяся, теплая кожа, ихъ полурастворенные рты и замутившіеся глаза съ обращеннымъ въ пространство взоромъ, совершенное отсутствіе мысли на лицахъ и запахъ ихъ страстного тѣла ошибли его. Пустыннику показалось, что онъ слышитъ даже глухой рокотъ крови въ ихъ жилахъ, и въ отдаленіи топотъ копытъ и сопѣнье, и запахъ остраго пота Силена.

Ерміѣ затрясся отъ страха, завернулся къ стѣнѣ и закрылъ свою голову рогожей.

А Памфалонъ тихо молвилъ, нагнувшись въ его сторону:

— Вотъ видишь, досугъ ли мнѣ размышлять о высокомъ! — и, сразу же перебивъ тонъ на громкій и веселый, онъ отвѣчалъ женщинамъ:

— Сейчасъ, сейчасъ иду къ вамъ, мои вилѣскія змѣйки.

Памфалонъ свистнулъ свою Акру, взялъ шестъ, на которомъ въ обручѣ сидѣла его неострая птица, и, захвативъ другіе свои скоморошныя снаряды, ушелъ, загасивъ лампу.

Ерміѣ остался одинъ въ пустомъ жилищѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Ерміѣ не скоро позабылся сномъ. Онъ долго размышлялъ,

какъ ему согласить въ своемъ понятіи то, для чего онъ шелъ сюда, съ тѣмъ, что здѣсь находить. Конечно, можно сразу видѣть, что скоморохъ человекъ добраго сердца, но все же онъ человекъ легкомысленный: онъ потѣхи множить, руками плещетъ, ногами танцуетъ и тростить головой, а оставить эти бѣсовскія потѣхи не желаетъ. Да и можетъ ли онъ сдѣлать это, такъ далеко затянувшійся въ разгульную жизнь? Вотъ гдѣ онъ, на примѣръ, находится теперь, послѣ того, какъ ушелъ съ этими безстыжными жевницами, послѣ которыхъ еще стоитъ въ воздухѣ рокотанье ихъ крови и вѣянье страстнаго пота Силена?

Если таковы были посланницы, то какова же должна быть та, которой онъ служить въ ея развращенномъ домѣ!..

Отшельникъ содрогнулся.

Для чего же было ему, послѣ тридцати лѣтъ стоянія, слѣзть со скалы, идти многіе дни съ страшной истомой, чтобы прійти и увидѣть въ Дамаскѣ... ту же темную скверну грѣха, отъ которой онъ бѣжалъ изъ Византіи? Нѣтъ, вѣрно не ангелъ Божій его сюда послалъ, а искусительный демонъ! Нечего больше и думать объ этомъ, надо сейчасъ же вѣтать и бѣжать.

Тяжело было старцу подняться. — ноги его устали, путь далекъ, пустыня жарка и исполнена страховъ: но онъ не пощадилъ своего тѣла... онъ встаетъ, онъ бредетъ во тьмѣ по стогнамъ Дамаска, пробѣгаетъ ихъ: пѣсни, пьяный звонъ чаши изъ домовъ и страстные вздохи нимфъ и самый Силень — все напротивъ его, какъ волны прибой; но ногамъ его дана небывалая сила и бодрость. Онъ бѣжитъ, бѣжитъ, видитъ свою скалу, хватается за ея кремнистыя ребра, хочетъ влѣзть въ свою расщелину, но чья-то странно могучая рука срываетъ его за ноги внизъ и ставитъ на землю, а незримый голосъ грозно говоритъ ему:

— Не отступай отъ Памфалона, проси его рассказать тебѣ, какъ онъ совершилъ дѣло своего спасенія.

И съ этимъ Ермія такъ душело вѣнять, что онъ едва не задохся отъ бури, и, открывъ глаза, видитъ день, и онъ опять въ жилищѣ Памфалона, и самъ скоморохъ тутъ лежитъ, унавъ на голомъ полу, и спитъ, а его песь и разношерая птица дремлютъ...

Возлѣ изголовья Ермія стояли два сосуда изъ глины —

одинъ съ водою, другой съ молокомъ, и на сибжихъ зеленыхъ листьяхъ мягкій козий сыръ и сочные фрукты.

Ничего этого съ вечера здѣсь не было...

Значитъ, пустышникъ спалъ крѣпко, а его усталый хозяинъ, когда возвратился, еще не прямо легъ спать, а прежде послужилъ своему гостю.

Скоморохъ поставилъ гостю все, что гдѣ-то досталъ, чтобы гость утромъ всталъ и могъ подрѣшиться...

Ни сыру, ни плодовъ въ домѣ у Памфалона не было, а все это, очевидно, ему было дано тамъ, гдѣ онъ вертелся и тѣшилъ гулякъ у гетеры.

Онъ взялъ подачку отъ гетеры и принесъ это страннику.

«Чудакъ мой хозяинъ», — подумалъ Ермій и, вставъ съ постели, подошелъ къ Памфалону, взглянулъ въ лицо его и засмотрѣлся. Вчера вечеромъ онъ видѣлъ Памфалона при лампѣ и готоваго на скоморошество, съ завитою головою и съ лицомъ, разрисованнымъ красками, а теперь скоморохъ спалъ, смывъ съ себя скоморошье мазанье, и лицо у него было тихое и прекрасное. Ермію казалось, будто это совсѣмъ не человѣкъ, а ангель.

«Что же! — подумалъ Ермій: — можетъ-быть, я не обмануть; можетъ-быть, не было надо мной искушенія, а это именно тотъ самый Памфалонъ, который совершенноѣ меня и у котораго мнѣ надо чему-то научиться. Боже! какъ это узнать? Какъ разрѣшить это сомнѣнье?»

И старикъ заплакалъ, опустился передъ скоморохомъ на колѣни и, обнявъ его голову, сталъ звать со слезами его по имени.

Памфалонъ проснулся и спросилъ:

— Чтѣ тебѣ угодно отъ меня, мой отецъ?

Но, увидѣвъ, что старецъ плачетъ, Памфалонъ встревожился, сибшию всталъ и началъ говорить:

— Зачѣмъ я вижу слезы на старомъ лицѣ твоёмъ? Не обидѣлъ ли тебя кто-нибудь?

А Ермію ему отвѣчаетъ:

— Никто меня не обидѣлъ, промѣ тебя, потому что я пришелъ къ тебѣ изъ моей пустыни, чтобы узнать отъ тебя для себя полезное, а ты не хочешь сказать мнѣ, чѣмъ ты угождаешь Богу; не скрывайся и не мучь меня: я вижу, что живешь ты въ жизни суетной, но мнѣ о тебѣ явлено, что ты Богу любезенъ.

Памфалонъ задумался, и потомъ говорить:

— Пове́рь, стари́къ, что въ моей жизни нѣтъ ничего такого, что бы можно взять въ похвалу, а, напротивъ, все скверно.

— Да ты, можетъ-быть, самъ не знаешь?

— Ну, какъ не знать! Я знаю, что живу, какъ ты самъ видишь, въ суетѣ, и вдобавокъ еще имѣю такое дрянное сердце, которое даже не допуститъ меня стать на лучшую степень.

— Ну, вотъ скажи мнѣ хоть объ этомъ: какой вредъ сдѣлало тебѣ твое сердце и какъ оно не допускаетъ тебя стать на иной степень? Какъ это было, что ты почувствовалъ себя хорошо, когда сдѣлалъ дурно?

— Ага! про это изволь, — отвѣчалъ Памфалонъ: — если ты такъ уже непремѣнно этого требуешь, то я тебѣ расскажу этотъ случай, но только ты послѣ моего рассказа навѣрно не захочешь ко мнѣ возвратиться. Возстанемъ же лучше и пойдемъ отсюда за городъ, въ поле: тамъ на свободѣ я расскажу тебѣ про то происшествіе, которое совсѣмъ меня отдалило отъ надежды исправленія.

— Пойдемъ, Бога ради, скорѣе, — отвѣчалъ Ермій, покрываясь своими ветхими дохмотьями.

Они оба вышли за городъ, сѣли надъ дикимъ, обрывистымъ рвомъ, у ногъ ихъ легла Акра, и Памфалонъ началъ сказывать.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

— Ни за что я не сталъ бы тебѣ рассказывать, — началъ Памфалонъ: — о чемъ ты меня просишь; но какъ ты непремѣнно хочешь считать меня за хорошаго человѣка, а мнѣ отъ этого стыдно, потому что я этого не стѣю, а стѣю одного лишь презрѣнья, то я расскажу. Я большой грѣшникъ и бражникъ, но, что всего хуже еще, — я обманщикъ, и не простой обманщикъ, а я обманулъ Бога въ давномъ Ему обѣтѣ какъ разъ въ то самое время, когда получилъ невѣроятнымъ образомъ возможность обѣтъ свой исполнить. Слушай, пожалуйста, и суди меня строго. Я желаю въ твоёмъ судѣ получить цѣлебную рану, какую заслужилъ себѣ въ наказаніе.

Нечистоту моей скоморошней жизни ты видѣлъ и все дальнѣйшее поему понять можешь. Кругомъ я гризень и

скверенъ. Я тебѣ правду сказалъ, что разсуждать о божественномъ я не наученъ и по жизни моей мнѣ рѣдко когда это приходитъ на мысль; но ты прозорливъ, — бывали случаи, что и я о своей душѣ думалъ. Вертись же ночь бражникамъ на потѣху, а когда передъ утромъ домой возвращаешься и задумаешься: стоить ли такъ жить? Грѣшишь для того, чтобъ пропитаться, а питаешься для того, чтобъ грѣшить. Все такъ и вертится. Но человекъ вѣдь, отче, лукавъ, и во всякомъ своемъ положеніи ищетъ себѣ смоковничьи листья, чтобы прикрыть свою срамоту. Таковъ же и я; и я себѣ не разъ думалъ: я въ грѣхѣхъ погрязъ отъ нужды, и что добуду, тѣмъ едва пропитаюсь; вотъ если бы у меня сразу случились такія деньги, чтобы я могъ купить хоть очень малое поле и работать на немъ, такъ тогда бы я сейчасъ же оставилъ свое скоморонье и сталъ бы жить какъ другіе степенные люди. Да не могъ я этого достигнуть. и не потому, чтобы никогда въ мои руки денегъ не попадало—иѣтъ, деньги бывали, а всегда что-нибудь такое случалось, что я не успѣю собрать сколько нужно, какъ уже все собранное и растрочу; случится кто-нибудь въ горѣ, и мнѣ его станетъ жалъ, и я промотаюсь. Если бы мнѣ вразъ пришло въ руки много денегъ, тогда бы я навѣрно скоморонство оставилъ и перешелъ на степенность, а шить лоскутъ къ лоскуту я не умѣю. Зачѣмъ меня Богъ такъ устроилъ? Но если Онъ щедрой рукой когда-нибудь вразъ мнѣ поможетъ, — ну, тогда я воздержусь и стану жить хорошо, какъ прочіе благородные люди, которыхъ почитаютъ и монахи, и клирики, и все ожидающіе себѣ царствія небеснаго.

И что же ты думаешь! точно какъ съ того будто слова случилось: вдругъ выиалъ мнѣ такой удивительный случай, о какомъ, казалось, невозможно было и думать. Слушай прилежно меня и суди меня строго.

Вотъ что было разъ въ моей жизни.

Былъ я позванъ однажды тѣшить гостей у одной здѣшной гетеры Азеллы. Она немолода, но ея красота долготѣνια, и Азелла всехъ здѣсь красивѣй, пышнѣй и умнѣе. Гостей было много, и все чужеземцы изъ Рима и хвастуны-богачи изъ Коринноа. Все ушивались виномъ и меня безпрестанно заставляли играть имъ и пѣть. Другіе хотѣли, чтобы я смѣшилъ ихъ, и я всемъ угождалъ, какъ хотѣли.

А когда я уставалъ, они не желали этого знать и надо мною обидно смѣялись, толкали, насильно цолили виномъ, въ которое сыпалъ неприятную подмѣсь; обливали меня и злили мою бѣдную Акру. Они дергали ее за ляжки и плевали ей въ постъ, а когда Акра рычала, они ее били и даже грозились убить; я все это сносилъ, лишь бы побольше отъ нихъ заработать, потому что, признаюсь тебѣ, мнѣ надобно было тогда отправить на родину одного калѣку-воина. Зато умная гетера Азелла, видя какъ меня обижали, обратила это все въ мою пользу: она раскрыла свою туннику и заставила всѣхъ кинуть мнѣ нѣсколько денегъ, гости же снѣдану набросали мнѣ много, а особенно одинъ горделивый и тучный Оръ коринѳянинъ, съ надутымъ брюхомъ, безъ шен. Оръ громко сказалъ:

— Покажи мнѣ, Азелла, много ли золота всѣ положили въ твою туннику.

Она показала.

Оръ же взглянулъ и, скосивши лицо съ надменной улыбкой на римлянь, добавилъ:

— Слушай меня, чтѣ скажу я, Азелла: прогони сейчасъ отъ себя всѣхъ этихъ гостей и возьми за то у слуги моего вдесятеро противъ того, что они всѣ положили твоему скомороху.

Азелла сказала гостямъ:

— Мудрые люди: Фортуна спускается къ смертнымъ не часто, а къ Памфалопу она еще во всю жизнь не сходила. Дайте ей мѣсто, а сами идите спокойно ко сну.

Недовольные гости ушли, а Азелла проводила меня поспѣвшаго и дала мнѣ такъ много денегъ, что я не могъ счесть ихъ, а утромъ, когда сталъ сосчитывать, насчиталъ двѣсти тридцать златницъ. Я и обрадовался, и вмѣстѣ съ тѣмъ испугался.

«Вотъ, — подумалъ я: — случай, послѣ котораго я уже не долженъ болѣе служить скоморошнымъ потѣхамъ. Это точно Богъ внялъ моему обѣщанью. Никогда еще у меня не бывало за разъ столько денегъ. Довольно же мнѣ всѣмъ обижать и надо мной насмѣхаться. Теперь я не бѣднякъ. За эти деньги я вчера съелъ большія обиды, но зато впередъ этого больше не будетъ. Конецъ скоморошью! Я отыщу себѣ небольшое поле, съ ключомъ чистой воды и съ многочисленною пальмой. Куплю это поле и стану жить честно,

какъ всё люди, съ которыми не стыдится вести знакомство ни клиръ, ни монахи».

И я предаюсь разнороднымъ мечтаньямъ, стать любоваться собою, какъ я буду жить достойною жизнью: буду рано утромъ вставать, а не то что теперь,—только утромъ ложиться; не буду свистать, а стану пѣть псалмы; буду днемъ работать въ *своемъ* виноградникѣ, а вечеромъ сяду у *своего* ручья подъ *своей* пальмой и стану размышлять о *своей* дунѣ да выглядывать путника. А покажется путникъ, я поднимусь и пойду ему навстрѣчу, пригласю его къ себѣ, приму его въ домъ, успокою, угощу и потомъ поведу съ нимъ въ тишинѣ подъ звѣзднымъ небомъ бесѣду о Богѣ. Переменится совсѣмъ къ лучшему жизнь моя и не буду я скоморохомъ въ старости, когда оскудѣютъ мои силы. А чтобы рѣшеніе мое еще болѣе окрѣпло и слабость ко мнѣ ни отколь не подкралась, я завязалъ себѣ руки неразрывною цѣпью... Я сдѣлалъ то, о чемъ ты говорилъ, я поклялся съ этого раза стать совсѣмъ инымъ человекомъ. Но послушай же, чтò затѣмъ случилось и передъ чѣмъ я не устоялъ въ клятвѣ и обѣщаніи.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Чтобы ничего не истратить, я не пошелъ отправлять дѣмой убогаго вонна, а зарылъ всё мои деньги въ землю у себя подъ изголовьемъ и утромъ не поднималъ моей цыповки. Я притворился больнымъ и не хотѣлъ ни одного раза больше идти на гульбу съ бражниками. Всѣмъ, кто приходилъ меня звать, я отвѣчалъ, что я боленъ и пойду за городъ въ горы подымать свѣжимъ воздухомъ и поискать на болѣзнь мою цѣлебную траву. А самъ пробрался потихоньку къ сводчику, къ жиду Капитону, который знаетъ все, гдѣ что продается, и просилъ его отыскать мнѣ хорошее поле съ водою и съ пальмовой тѣнью. Капитонъ-сводчикъ меня сразу обрадовалъ.

— Есть, — говоритъ: — у меня на виду какъ разъ то, чтò тебѣ нужно.

И описалъ мнѣ продажное поле такъ хорошо, какъ я самъ не умѣлъ о немъ и подумать. Есть тамъ и ключъ, и пальма, да еще и бальзамный кустъ, отъ котораго струитъ ароматомъ на цѣлое поприще.

— Иди, — говорю: — и купи мнѣ скорѣй это поле.

Жидъ обѣщаль все устроить.

«Вотъ, — думаль я: — теперь уже совѣшь наступастъ конецъ моей безпорядочной жизни, теперь я брошу все мои крики и слезы, сплиту все смѣшные наряды, надѣну на себя степенный левитонъ, покрою голову платомъ и буду работать день на полѣ, а вечеромъ стану сидѣть у своей лужи и подражать гостепрѣмству Авраама».

Но не скрою отъ себя, — во все это время я ощущаль безпокойство. Все мнѣ казалось, что ничего того, чтѣ я затѣяль, не будетъ.

На обратномъ пути отъ Капитона обѣяль меня страхъ: не узналь ли кто, что я получилъ деньги отъ гордаго коринейнина, и не пришель ли безъ меня и не украль ли моихъ денегъ изъ того мѣста, гдѣ я ихъ зарыль у себя подъ постелью?.. Побѣжалъ я домой шибко, въ тревогѣ, какой равнѣ никогда еще не зналь, а прибѣжавъ, сейчасъ же прилежъ на землю, раскопаль свою похоронку и пересчиталь деньги: все двѣсти тридцать златницъ, которыя бросиль мнѣ гордый Оръ коринейнинъ, были цѣлы, и я взяль и опять ихъ зарыль и самъ легъ на нихъ какъ собака.

И хочень ли знать, кого я боялся? Мнѣ странно было не однихъ тѣхъ воровъ, что ходять и крадутъ, а я боялся и того вора, что жиль вѣчно со мной въ моемъ сердцѣ. Я не хотѣль знать ни о чемъ несчастнѣ, чтобы оно не лишило меня той твердости, которая нужна человѣку, желающему исправить путь своей собственной жизни, не обращающая вниманія на то, чтѣ гдѣ-нибудь дѣлается съ другими. Я не виновать въ ихъ несчастіяхъ.

А такъ какъ я, ходя къ Капитону и возвращаясь назадъ, изрядно усталъ, то меня одолѣль сонъ, но и сонъ этотъ былъ тоже исполненъ тревоги: то я видѣль, что давно уже купиль себѣ сказанное Капитономъ поле и живу уже въ свѣтломъ домѣ и близко меня журчить родникъ свѣжей воды, и бальзамный кустъ мнѣ точить аромать, и вѣтвистая пальма меня отѣняеть. То во всей этой красотѣ все что-то портить: въ родникѣ я вижу бездну пиявицъ, вокругъ пальмы прыгаютъ огромныя жабы, а подъ самымъ бальзамнымъ кустомъ извивается асидъ. Увидавъ асида, я такъ испугался, что даже проснулся, и сейчасъ подумаль: цѣлы ли мои деньги? Онѣ были цѣлы — я лежалъ на

нихъ, и никто ихъ не могъ взять безъ насилія. И вотъ мнѣ пришла мысль, что богатство, которое мнѣ бросилъ Оръ у Азеллы, вѣроятно, не осталось до сихъ поръ тайной въ Дамаскѣ. Не съ тѣмъ кинулъ мнѣ деньги на ширу у гетеры гордый коринтянинъ Оръ, чтобы это оставалось въ тайнѣ. Онъ, конечно, для того только это и сдѣлалъ, чтобы всѣ завидовали его богатству и распускали молву, которая лестна для его гордости. И вотъ теперь люди узнаютъ, что у меня есть деньги, и придутъ ко мнѣ ночью и меня ограбятъ, и изобьютъ, а если я стану имъ сопротивляться, то они совсѣмъ убьютъ меня.

А какъ у меня цыновка была опущена, то въ горницѣ стало нестерпимо душно, и я подошелъ приподнять цыновку и вижу, что по улицѣ идутъ два малолѣтнихъ мальчика съ корзинами, полными хлѣба, а передъ ними оселъ, который тоже нагруженъ такими же корзинами съ хлѣбомъ. Мальчики погоняютъ осла и разговариваютъ между собою... обо мнѣ!

— Вотъ,—говоритъ одинъ:—нашъ Памфалонъ нынче уже и цыновки своей не открываетъ.

— Да зачѣмъ ему теперь открывать ее,—отвѣчаетъ другой:—ему больше не нужно кривляться: онъ богачъ—можетъ спать сколько захочетъ. Ты вѣдь, я думаю, слышалъ, чѣмъ рассказывали всѣ, которые приходили сегодня къ намъ въ пекарню за хлѣбомъ.

— Какъ же, какъ же, я даже такъ заслушался, что хозяинъ далъ мнѣ за это во всю ладошь подзатыльникъ. Какой-то гордецъ изъ Коринфа, чтобы унижить нашихъ дамаскихъ богачей, бросилъ Памфалону у гетеры Азеллы десять тысячъ златницъ. Онъ теперь купитъ домъ и сады, и невольницъ, и будетъ лежать у фонтана.

— Не десять, а двадцать тысячъ златницъ,—поправилъ другой:—и притомъ деньги эти были еще въ ящикѣ, осыпаннымъ перлами. Онъ купитъ навѣрное поле съ чертогомъ, поставитъ вокругъ себя самыхъ красивыхъ мальчиковъ съ онахалами и станетъ собирать разныхъ ученыхъ и заставлятъ ихъ разсуждать на разныхъ языкахъ о Святѣмъ Духѣ.

Изъ этого разговора мальчиковъ, развозившихъ хлѣбъ изъ пекарни, я узналъ, что случай моего неожиданнаго обогащенія уже извѣстенъ всему Дамаску, а притомъ и са-

мая сумма, которою я обладалъ по прихоти горделиваго Ора, была болѣе чѣмъ въ десять разъ преувеличена.

Да и кто могъ навѣрно знать, что сумма, брошенная мнѣ гордецомъ Оромъ, заключалась менѣе чѣмъ въ трехстахъ литрахъ, а совѣтъ не въ двадцати тысячахъ златницъ? Конечно, это зналъ только одинъ я, потому что и самъ Оръ, безъ сомнѣнія, не считалъ того, что онъ мнѣ кинулъ.

Но и это было еще маловажно въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ закончили свой разговоръ проходившіе мальчики. Одинъ изъ нихъ продолжалъ, будто всѣхъ очень занимаетъ, куда я спряталъ теперь такое богатство, какъ двадцать тысячъ златницъ. Особенно же этимъ будто интересовался флейщикъ Аммуъ, отчаянный головорѣзъ, который прежде былъ воиномъ въ двухъ взаимно враждовавшихъ арміяхъ, потомъ разбойникомъ, убивавшимъ богомольцевъ, а послѣ еще монахомъ въ Питрійской пустынѣ и, наконецъ, явился сюда къ намъ изъ Дамаскъ съ флейтою и черной блудницей, заведенной въ милость питрійскаго брата. Брата онъ, вѣрно, убилъ, а блудницу передалъ въ веселый домъ вашиномъ, а милотью обтиралъ долго пыль и грязь съ ногъ гулякъ, ходящихъ вечерами къ порогамъ гетеръ. Онъ также часто игралъ на своей флейтѣ при моихъ представленіяхъ, но еще чаще гетеры отгоняли его. Аммуъ самъ былъ виновать, потому что онъ безъ стыда началъ румянить себѣ щеки и наводить брови, какъ особа обоего пола. Этимъ онъ сдѣлался мерзокъ для женщинъ, какъ ихъ соперникъ. Меня Аммуъ странно ненавидѣлъ. Я даже зналъ, что онъ уже нѣсколько разъ научалъ пьяныхъ людей наносить па меня ночью и сдѣлать мнѣ вредъ.

Теперь желанье сдѣлать мнѣ вредъ въ Аммуѣ, конечно, должно было усилиться, а его старинные разбойничьи навыки могли помочь ему привести задуманное имъ злодѣйство въ исполненіе. У него уже было золото, и онъ бралъ себѣ людей въ кабалу и заставлялъ ихъ дѣлать, что скажетъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Мысль объ опасности, угрожающей мнѣ отъ Аммуна, пролетѣла въ моей головѣ, какъ молнія, и такъ овладѣла мною, что даже помѣшала мнѣ отыскать рогажку отъ окна и поро-

тить пронесших мимо мальчиковъ, у которыхъ мнѣ надо было купить для себя свѣжихъ хлѣбовъ.

Скача и вертясь за то, что мнѣ кинуть, я всегда былъ сытъ и даже очень нерѣдко подкрѣплялъ себя волю виномъ, а теперь, когда у меня было золото, я впервые провѣлъ весь день и безъ нищи, и безъ глотка вина, а притомъ еще и въ тревогѣ, которая возрастала такъ же быстро, какъ быстро ступаютъ наши сумерки, переходящія въ темную ночь.

Мнѣ было не до нищи: я страшился за цѣлость моего богатства и за мою жизнь. Флѣйтикъ Аммуитъ такъ и стоялъ съ своими кабальными передъ глазами напуганной души моей. Я думаю, это непременно такъ и есть: вотъ онъ днемъ обѣгалъ уже всѣхъ подобныхъ ему, согласныхъ на злодѣйства, и теперь, при наступающей темнотѣ, всѣ они собрались въ какой-нибудь пещерѣ или корчемницѣ, а какъ совсѣмъ стемнѣетъ, они придутъ сюда, чтобы взять отъ меня двадцать тысячъ златницъ. Когда же они не найдутъ у меня столько, сколько думаютъ, то они не повѣрятъ, что коринфянинъ Оръ не дарилъ мнѣ такой суммы, и станутъ меня жечь и пытать.

И тутъ вдругъ я, къ ужасу своему, вспомнилъ, что я никогда какъ слѣдуетъ не заботился о крѣпости заморозъ для своего бѣднаго жилища... Я закрывалъ его на время моего отсутствія болѣе только для вида, а ночью часто спалъ, даже совсѣмъ не положивъ болтовъ ни на двери мои, ни на окна.

Теперь это не годилось, и какъ время уже совсѣмъ приблизилось къ ночи, то надо было поспѣшить все пересмотрѣть, и что можно поскорѣе приладить, чтобы не такъ легко было ко мнѣ ворваться.

Я придумалъ, какъ можно подпереть изнутри мою дверь; но только-что сталъ это подстраивать, какъ вдругъ неожиданно, передъ самыми глазами моими, моя цыновка распахнулась и ко мнѣ не взомель, а точно чужою сильною рукою былъ брошенъ весь закутанный человекъ. Онъ, какъ впасть ко мнѣ, такъ обвилъ мою шею и замеръ, простонавъ стчаяннымъ голосомъ:

— Спаси меня, Памфалогъ!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Съ тѣми мыслями, какихъ я былъ полонъ въ эту минуту и чего въ тревогѣ опасался отъ Аммуна, я прежде всего заподозрѣлъ, что это начнется его дѣло, затѣянное съ какою-нибудь хитростію, въ которыхъ разбойничій умъ Аммуна былъ очень искусенъ.

Я уже ждалъ боли, которую долженъ былъ ощутить отъ погруженія въ мою грудь остраго ножа рукою виваинаго ко мнѣ гостя, и, охраняя жизнь свою, съ такою силою оттолкнулъ отъ себя этого незнакомца, что онъ отлетѣлъ отъ меня къ стѣнѣ и, споткнувшись на обрубокъ, упалъ въ уголь. А я тотчасъ же сообразилъ, что мнѣ легче будетъ управиться съ однимъ человѣкомъ, который притомъ показался мнѣ слабымъ, чѣмъ съ нѣсколькими за нимъ слѣдующими, и потому я поскорѣе прижнулъ заставицу и задвинулъ крѣпкій засовъ, а потомъ взялъ въ руки сѣкиру и сталъ прислушиваться. Я твердо рѣшился ударить сѣкирою всякаго, кто бы ни показался въ мое жилище, а въ то же время не сводилъ глазъ съ того пришельца, котораго отшвырнулъ отъ себя въ уголь.

Онъ сталъ мнѣ казаться страненъ тѣмъ, что неподвижно лежалъ въ углу, куда упалъ, и занималъ такъ мало мѣста, какъ ребенокъ, а въ то же время онъ совсѣмъ не обнаруживалъ ничего противъ меня ухищреннаго, а напротивъ, былъ будто заодно со мною. Онъ зорко слѣдилъ за каждымъ моимъ движеніемъ и, учащенно дыша, шепталъ:

— Запрись!.. скорѣй запрись!.. скорѣй запрись, Самфалонъ!

Меня это удивило, и я сурово сказалъ:

— Хорошо, я запрусь, но тебѣ что отъ меня нужно?

— Подай мнѣ поскорѣе твою руку, дай мнѣ испить и посади меня у твоей лампы. Тогда я скажу тебѣ, что мнѣ нужно.

— Хорошо,—отвѣчалъ я:—каковы бы ни были твои замыслы, но вотъ тебѣ моя рука и вотъ чаша воды и мѣсто у моей лампы.

Съ этимъ я протянулъ гостю руку, и передо мною вспорхнуло легкое дѣтское тѣло.

— Ты не мужчина, а женщина!—вскричалъ я.

А гость мой, говорившій до сей поры шепотомъ, отвѣчалъ мнѣ женскимъ голосомъ:

— Да, Памфалонъ, я женщина,—и съ этимъ она распахнула на себѣ темную снаничу, въ которую была завернута, и я увидалъ молодую, прекрасную женщину, съ лицомъ, которое мнѣ было знакомо. На немъ вмѣстѣ съ красотою отражалось ужасное горе. Голова ея была покрыта дробнымъ плетениемъ волосъ и тѣло умащено сильнымъ запахомъ амбры, но она не имѣла безстыдства, хотя говорила ужасныя вещи.

— Посмотри, хороша или нѣтъ я? — спросила она, отъпывая одною рукою отъ лампы.

— Да,—отвѣчала я:—ты безспорно красива, и тебѣ лучше не терять своего времени со мною. Чтò тебѣ нужно?

А она говоритъ:

— Ты не узналъ меня вѣрно. Я Магна, дочь Птолемея съ Альбиной. Купи меня, купи, Памфалонъ-скоморохъ, дочь Птолемея—у тебя теперь много богатства, а Магнѣ золото нужно, чтобъ спасти мужа и избавить дѣтей изъ неволи.

И, орошая щекки слезами, Магна стала торопливою рукою разрѣзать на себѣ поясъ тунники.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Старикъ! я видалъ много людей, но такой странной гостыи у меня еще никогда не случалось... Она и продавала себя, и страдала, и все это вмѣстѣ меня какъ будто сдавило за сердце.

Имя *Магна* принадлежало самой прекрасной, именитой и несчастной женщинѣ въ Дамаскѣ. Я зналъ ее еще въ дѣтствѣ, но не видалъ ее съ тѣхъ поръ, какъ Магна удалась отъ насъ съ византійцемъ Руфиномъ, за которого вышла замужъ по волѣ своего отца и своей матери, гордой Альбины.

— Остановисъ!—вскричала я:—я тебя узнаю: ты въ самомъ дѣлѣ благородная Магна, дочь Птолемея, въ садахъ котораго я съ позволенія твоего отца не разъ забавлялъ тебя въ дѣтствѣ моими играми и получалъ изъ твоихъ ласковыхъ рукъ монеты и пшеничный хлѣбъ, изюмъ и гранатовыя яблоки! Говори мнѣ скорѣе, чтò съ тобою сдѣлалось, гдѣ твой супругъ, роскошный богачъ-византїецъ Руфинъ, котораго ты такъ любила? Неужто его поглотили волны моря, или молодую жизнь его пресѣкъ мечъ перелыбнаго Понть скиоскаго варвара? Гдѣ же твоя семья, гдѣ твои дѣти?

Магна, потупясь, молчала.

— Скажи же, по крайней мѣрѣ, когда ты явилась въ Дамаскъ и зачѣмъ ты не у своихъ здѣшнихъ родныхъ или не у прежнихъ богатыхъ подругъ—у умной Фотины, у ученой Таоры или у цѣломудренной Сильвии-дѣвы? Зачѣмъ быстрья ноги твои принесли тебя къ бѣдному жилищу безславнаго скomorоха, надъ которымъ ты сейчасъ такъ жестоко посмѣялась, сдѣлавъ мнѣ въ шутку такое недостаточное предложеніе?

Но Магна грустно покачала головою и проговорила въ отвѣтъ:

— Ты, Памфалонъ, не знаешь всѣхъ моихъ ужасныхъ несчастій! Я не смѣю: я пришла продать себя не для шутки. Мужъ мой и дѣти!.. Мужъ мой и дѣти мои всѣ въ неволѣ. Мое горе ужасно!

— Ну, такъ скорѣе скажи мнѣ, что это за горе, и если я могу тебѣ пособить, я все съ радостью тотчасъ исполню.

— Хорошо, я все скажу тебѣ,—отвѣчала Магна.

И тутъ-то, пустынный, постигло меня то искушеніе, за которымъ я позабылъ и обѣтъ мой, и клятву, и самую вѣчную жизнь.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Я зналъ Магну съ раннихъ дней ея юности. Я не былъ въ домѣ ея отца, а былъ только въ саду, какъ скomorохъ, когда меня звали, чтобы потѣнить ребенка. Гостей входящихъ къ нимъ было мало, потому что великолѣпный Птоломей держалъ себя гордо и съ людьми нестрогой жизни не знался. Въ его домѣ не было такихъ сборищъ, при которыхъ былъ пуженьскomorохъ, а тамъ собирались ученые богословы и изрекали о разныхъ высокихъ предметахъ и о самомъ Святомъ Духѣ. Жена Птолемея, Альбина, мать красавицы Магны, была подѣ-стать своему мужу. Всѣ самыя пышныя жены Дамаска не любили ея, но всѣ признавали ея непорочность. Вѣрность Альбины для всѣхъ могла быть урокомъ. Превосходная Магна уродилась въ мать, на которую походила и прекраснымъ лицомъ, но молодость ея заставляла ее быть милосердной. Прекрасный садъ ея отца, Птолемея, примыкалъ къ большому рву, за которымъ начиналось широкое поле. Мнѣ часто приходилось проходить этимъ полемъ, чтобы миновать дальній обходъ къ загородному дому гетеры

Азедлы. Я всегда шелъ съ моей скоморошьей пошей и съ этой самой собакою. Акра тогда была молода и не знала всего, что должна знать скоморошья собака.

Выходи изъ поле, я останавливался на полпути, какъ разъ противъ садовъ Итолемея, чтобы отдохнуть, съѣсть мою ячменную лепешку и поучить мою Акру. Я обыкновенно садился надъ обрывомъ оврага, вѣлъ, и заставлялъ Акру повторять на широкомъ просторѣ уроки, которые давалъ ей у себя, въ моемъ тѣсномъ жилищѣ. Среди этихъ занятій я и увидалъ одинъ разъ прекрасное лицо взрослой Магны. Закрывшись вѣтвями, она любопытно смотрѣла изъ зелени на веселыя штуки, которыя продѣлывала моя Акра. Я это примѣтилъ и, не давая Магнѣ замѣтить, что я ее вижу, хотѣлъ доставить ей представленіями моего пса болѣе удовольствія, чѣмъ Акра могла показать по тогдашней своей выучкѣ. Чтобы побудить собаку къ проворству, я нѣсколько разъ хлестнулъ ее ремнемъ, но въ ту самую минуту, когда собака взвизгнула, я замѣтилъ, что зелень, скрывавшая Магну, всколыхнулась и прекрасное лицо дѣвочки исчезло...

Это привело меня въ такое озлобленіе, что я еще ударилъ Акру два раза, и когда она подняла жалобный визгъ, то изъ-за ограды сада до меня донеслись слова:

— Жестокій человекъ! за что ты мучишь это бѣдное животное! для чего ты принуждаешь собаку дѣлать то, что несвойственно ей природѣ!

Я оборотился и увидалъ Магну, которая вышла изъ своего древеснаго закрытія, и, стоя по перси надъ низкой, заросшей листьями оградой, говорила мнѣ съ лицомъ, пылающимъ гнѣвомъ.

— Не осуждай меня, юная госпожа,—отвѣчалъ я:—я не жестокій человекъ, а выучка этого пса относится къ моему ремеслу, которымъ мы съ нимъ оба питаемся.

— Презрѣнно твое ремесло, которое пужно только презрѣннымъ празднолюбцамъ,—отвѣтила мнѣ Магна.

— О, госпожа!—отвѣчалъ я:—всякій ищется тѣмъ, чѣмъ онъ можетъ добыть себѣ нищу, и хорошо, если онъ живетъ не на счетъ другого и не дѣлаетъ несчастія ближнихъ.

— Это не идетъ къ тебѣ, ты развращаешь своихъ ближнихъ,—молвила Магна, и въ глазахъ ея я могъ видѣть ту же строгость, которою отличался всегда взоръ ея матери.

— Нѣтъ, юная госпожа, — отвѣчала я: — ты судишь строго и говоришь такъ потому, что мало сама испытала. Я престолюдинъ и не могу развращать людей высшаго званія.

И я повернулся и хотѣлъ уходить, какъ она остановила меня однимъ звукомъ и сказала:

— Не идетъ тебѣ разсуждать о людяхъ высокаго званія. Лучше вотъ... лови мой кошелекъ: я бросаю это тебѣ, чтобы ты далъ вволю пищи твоей жалкой собакѣ.

Съ этимъ она бросила шелковый мѣшочекъ, который не долетѣлъ на мою сторону, а я потянулся, чтобы его подхватить, и, оборвавшись, упалъ на дно оврага.

Въ этомъ паденіи я страшно расшибся.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Въ бѣдствіи моемъ мнѣ было утѣшеніемъ, что во все десять дней, которые я провелъ въ малой пещеркѣ на днѣ оврага, ко мнѣ всякій день спускалась благородная Магна. Она приносила мнѣ столько роскошной пищи, что ея съ излишкомъ доставало для меня и для Акры, а Магна сама, своими дѣвственными руками, смачивала у ручья платъ, который прилагала къ моему больному плечу, стараясь унять въ немъ нестерпимый жаръ отъ ушиба. При этомъ мнѣ съ ней вели отрадныя для меня разговоры, и я наслаждался какъ чистотой ея сердца, такъ и яснымъ свѣтомъ разсудка. Одно мнѣ въ ней было досадно, что она не слыхивала ничьимъ слабостямъ и слишкомъ на себя во всемъ полагалась.

— Отчего, — говорила она: — все не живутъ, какъ живетъ моя мать и мои подруги Таора, Фотина и Сильвія, которыхъ вся жизнь чиста какъ кристалль.

И я видѣлъ, что она лихъ весьма уважала и во всемъ хотѣла имъ слѣдовать. Несмотря на свою молодость, она и меня хотѣла исправить и оторвать отъ моей жизни, а когда я не рѣшался ей этого обѣщать, то она сердилась.

И же ей говорилъ то, что и есть въ самомъ дѣлѣ.

— Развѣ ты не знаешь, — говорилъ я: — что нуженъ сосудъ въ честь и нуженъ сосудъ въ поношеніе? Живи ты для чести, а я опредѣляю жить для поношенія, и какъ глина, я не спорю съ моимъ горшечникомъ. Жизнь меня заставила быть скоморохомъ, и я иду своею дорогою, какъ быкъ на веревкѣ.

Магна не умѣла понять простыхъ словъ монахъ и все относила къ привычкѣ.

— Сказано мудрымъ, — отвѣчала она: — что привычка приходитъ какъ странникъ, остается какъ гость и потомъ сама становится хозяиномъ. Деготь, побывавъ въ чистой бочкѣ, дѣлаетъ ее ни къ чему больше негодною, какъ опять же для дегтя.

Не трудно мнѣ было понять, что она становится петербурглива, и я въ глазахъ ея — теперь все равно, что дегтярная бочка, и я умолкалъ и сожалѣлъ, что не могу уйти скорѣй изъ бврага. Тяжело стало мнѣ отъ ея сомнѣнья, да и сама она стала заботиться, какъ меня вынуть изъ рва и доставить въ мое жилище.

Сдѣлать это было трудно, потому что самъ я идти не могъ, а дѣвунка была слишкомъ слаба, чтобы помочь мнѣ въ этомъ. Дома же она не смѣла признаться своимъ гордымъ родителямъ въ томъ, что говорила съ человѣкомъ моего презрѣннаго званія.

И какъ одинъ проступокъ часто влечетъ человѣка къ другому, такъ же случилось и здѣсь съ достойною Магной. Для того, чтобы помочь мнѣ, презрѣнному скomoroxу, который не стоить ея вниманія по своему недостоинству, она шлапала себя вынужденной довѣриться еще нѣкоторому юношѣ по имени Магистріану.

Магистріанъ былъ молодой живописецъ, который прекрасно расписывалъ стѣны роскошныхъ домовъ. Онъ шелъ однажды съ своими кистями къ той же гетерѣ Азеллѣ, которая велѣла ему изобразить на стѣнахъ новой бесѣдки, въ ея саду, ширъ сатировъ и нимфъ, и когда Магистріанъ проходилъ полемъ близъ того мѣста, гдѣ лежалъ я во рву, моя Акра узнала его и стала жалостно выть.

Магистріанъ остановился, но, подумавъ, что на днѣ рва, вѣроятно, лежитъ кто-нибудь убитый, хотѣлъ поскорѣй удалиться. Безъ сомнѣнія, онъ и ушелъ бы, если бы наблюдавшая все это Магна его не остановила.

Магна увлеклась состраданіемъ ко мнѣ, раскрыла густую зелень листвы и сказала:

— Прохожій! не удаляйся, не оказавъ помощи ближнему. Здѣсь на днѣ рва лежитъ человѣкъ, который унать и расшибся. Я не могу пособить ему выйти, но ты сильный мужчина, и ты можешь оказать ему эту помощь.

Магистріанъ тотчасъ спустился въ ровъ, осмотрѣлъ меня и побѣжалъ въ городъ за носильщиками, чтобы перенести меня въ мое жилище.

Вскорѣ онъ все это исполнилъ и, оставшись со мною наединѣ, сталъ меня спрашивать, какъ это со мною случилось, что я упалъ въ ровъ и расшибся, и какъ я могъ жить двѣ недѣли безъ пищи?

А какъ мы съ Магистріаномъ были давно знакомы и дружны, то я не хотѣлъ ему говорить что-нибудь выдуманное, а рассказалъ чистую правду, какъ было.

И едва я дошелъ до того, какъ питала меня Магна, и какъ она своими руками смачивала въ водѣ платъ и прикладывала его къ моему расшибленному плечу, юный Магистріанъ весь озарился въ лицѣ и воскликнулъ въ восторгѣ:

— О, Памфалонъ! сколь ты счастливъ и какъ мнѣ завиденъ твой жребій! Я бы охотно позволилъ себѣ изломать мои руки и ноги, лишь бы видѣть возлѣ себя эту нимфу, эту великодушную Магну.

Я сейчасъ же уразумѣлъ, что сердце художника поразило сильное чувство, которое зовется любовью, и я постигъ его образумить.

— Ты малодушникъ,— сказала я. — Дочь Птолемея прекрасна, объ этомъ ни слова, по здоровье для всякаго человѣка есть самое высшее благо, а притомъ Птолемея такъ суровъ, а мать Магны, Альбина, такъ надменна, что если душа твоя чувствуетъ пламень красотъ этой дѣвушки, то изъ этого ничего для тебя хорошаго выйти не можетъ.

Магистріанъ поблѣднѣлъ и отвѣчалъ:

— Чему жъ еще надобно выйти! Развѣ мнѣ не довольно, что она меня вдохновляетъ.

И онъ ея продолжалъ вдохновляться.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Когда я оправился и пришелъ въ первый вечеръ къ Азеллѣ, Магистріанъ повелъ меня показать картины, которыя онъ написалъ на стѣнахъ въ бесѣдкѣ гетеры. Обширное зданіе бесѣдки было раздѣлено на «часы», изъ которыхъ слагается каждый день жизнь человѣка. Всякое отдѣленіе назначалось къ тому, чтобы приносить въ свой часъ свои радости жизни. Вся бесѣдка въ цѣломъ была посвящена Сатурну, изображеніе котораго и блестяло подъ куполомъ. У главнаго круга было

два крыла въ честь Горь, дочерей Юпитера и Фемиды, а эти отдѣленія еще раздѣлялись: тутъ были покои Ауге, откуда видѣлась зари; Анатоло, откуда былъ виденъ восходъ солнца; Музїи, гдѣ можно было заниматься науками; Нимфея, гдѣ купались; Спондеи, гдѣ обливались; Клирида, гдѣ вкушали удовольствїя, и Элетїи, гдѣ молились... И вотъ здѣсь-то, въ одномъ отдаленномъ уголкѣ, который назначался для уединенныхъ мечтанїй, живописецъ изобразилъ легкою кистью благочестивое сповидѣніе... Парисованъ былъ нирь; нарядныя и роскошныя женщины, которыхъ я всѣхъ могъ бы назвать поименно. Это все были наши гетеры. Онѣ возлежали съ гостями, въ цвѣтахъ, за пышнымъ столомъ, а нѣкто юный спалъ, уткнувшись лицомъ въ корзину съ цвѣтами. Лицо его не было видно, но я по его тогѣ узналъ, что это былъ самъ художникъ Магистріанъ. А надъ нимъ видѣлась трава: лвы въ цркѣ неслия на юную дѣвушку... а та твердо стояла и шептала молитвы. Она была Магна.

Я его потрепалъ по плечу и сказалъ:

— Хорошо!.. ты ее написалъ очень схоже; но почему ты полагаешь, что ей звѣри не страшны? Я знаю ихъ родъ: Птолемеи и Альбины извѣстны своимъ благородствомъ и гордостію тоже, но вѣдь рокъ ихъ щадилъ, и ихъ дочери тоже до сихъ поръ не касалось никакое искушенїе.

— Что же изъ этого?

— А то, что прекрасная Магна никакихъ бѣдствїй жизни не знаетъ, и я не понимаю, почему ты отмѣтилъ въ ней такую черту, какъ безстрашіе и стойкость передъ яростію звѣря? Если это иносказанїе, то жизнь вѣдь гораздо страшнѣе всякаго звѣря и можетъ заставить сробѣть кого хочешь.

— *Только* не Магнуй!

— Ахъ, я думаю *даже* и Магнуй!

Я говорилъ такъ для того, чтобы онъ излишне не увлекался Магиной; но онъ cereбилъ меня и прошепталъ мнѣ:

— Меня звали дѣлать ширмы для ея дѣвственной спальни, и пока я чертилъ моимъ углемъ, я съ ней говорилъ. Она меня спросила о тебѣ..

Живописецъ остановился.

— Она сожалѣетъ, что ты занимаешься такимъ ремесломъ, какъ скоморошество! Я ей сказать: «Госпожа! не всякій въ своей жизни такъ счастливъ, чтобы проводить

жизнь своею по избранію. Неодолима судьба: она можетъ заставитьъ смертнаго напиться изъ самаго мутнаго источника, гдѣ и ийвки, и аспидъ на днѣ». Она пренебрежительно улыбнулась.

— Улыбнулась?—спросилъ я...—Узнаю въ этомъ дочь Птолемея и гордой Альбины. Мнѣ, знаешь ли... мнѣ больше понравилось бы, если бы она промолчала, а еще лучше—съ состраданіемъ тихо вздохнула бѣ.

— Да,—произнесъ Магистріанъ:—но она также сказала: «Смерть лучше безславія», и я вѣрю, что она на это способна.

— Ты скоро судишь,—отвѣчалъ я:—смерть лучше безславія—это неспорно; но можетъ ли это сказать мать, у которой есть дѣти?

— Отчего же? ты только вспомни, что сдѣлала мать Маккавеевъ?

— Да. Маккавеевъ убили. А если бы матери ихъ погрозили сдѣлать дѣтей такими скоморохами, какъ я, или обмывщиками ногъ въ домѣ гетеры... Что? я думаю, если бы мать ихъ была сама Магна, — то, Богъ вѣсть, что бы она предпочла: позоръ или смерть за ихъ избавленіе?

— Зачѣмъ говорить это!—воскликнулъ, отходя отъ меня, Магистріанъ:—пусть не коснется ся во вѣкъ никакое зло.

— О, говорю я: — отъ всей души присоединяюсь къ твоему желанію всего добраго Магнѣ.

А на другой же день послѣ этого разговора Магистріанъ пришелъ ко мнѣ передъ вечеромъ очень печальный и говорить:

— Слышалъ ли ты, Памфалонъ, самую грустную новость? Птоломей и Альбина выдаютъ дочь свою замужъ!

— А почему ты называешь это грустною новостью? —отвѣчалъ я.—Съ какихъ это поръ союзы двухъ сердець стали печалью, а не радостью?

— Это было всегда, когда сердце соединяють съ безсердечіемъ.

— Магистріанъ!—остановилъ я живописца:—въ тебѣ говорить безпокойное чувство: его зовутъ ревность. Ты долженъ его въ себѣ уничтожить.

— О, я уже давно его уничтожилъ,—отвѣчалъ живописецъ:—Магна мнѣ не невѣста и я ей не женихъ; но ужасно, что женихъ ея пріѣзжій Руфинъ-византиецъ.

Это имя мнѣ такъ было извѣстно, что я вздрогнулъ и пустилъ изъ рукъ мое дѣло.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Руфинъ-византїецъ былъ изъ знатнаго рода и очень изящень собою, но странно хитерь и лицемеръ столь искусный, что его считали черезмѣрнымъ даже въ самой Византїи. Тщеславный коринфянинъ Оръ и всѣ, кто тратили деньги и силы на пирахъ у гетеры Азеллы, были, на мое разсужденіе, лучше Руфина. Онъ прибылъ въ Дамаскъ съ открытымъ посланіемъ и былъ принятъ здѣсь Шоломсею отмѣнно. Руфинъ, какъ притворщикъ, цѣлые дни проводилъ во спѣ дома, а говорилъ, будто читаетъ богословскія книги, а ввечеру удалялся, еще для полезныхъ бесѣдъ, за городъ, гдѣ у насъ о ту пору жилъ близъ Дамаска старшій отшельникъ, стоя днемъ на скалѣ, а ночью стеною въ открытой могилѣ. Руфинъ ходилъ къ нему, чтобы молиться, стоя въ его тѣни при закатѣ солнца; но отсюда крылатый Эоль его заносилъ постоянно подъ кровлю Азеллы, всегда, впрочемъ, съ лицомъ измѣненнымъ, благодаря Магистріанову искусству. А потому мы хорошо его знали, ибо Магистріанъ, какъ другъ мой, не дѣлалъ отъ меня тайны, что онъ рисовалъ другое лицо на лицѣ Руфина, и мы не разъ вмѣстѣ смѣялись надъ этимъ византїйскимъ двуличьемъ. Знала объ этомъ и гетера Азелла, такъ какъ гетеры, закрывъ двери свои за гостями, часто бесѣдуютъ съ нами и, находя въ насъ, въ простыхъ людяхъ, и разумъ, и сердце, любятъ въ насъ то, чего не встрѣчаютъ порою въ людяхъ богатыхъ и знатныхъ.

Азелла же, надо сказать, любила моего живописца, и любила его безнадежно, потому что Магистріанъ думалъ объ одной Магнѣ, чистый образъ который былъ съ нимъ неразлучно. Азелла чуткимъ сердцемъ узнала всю эту тайну, и тѣмъ шѣкнѣй и изящнѣй держала себя съ Магистріаномъ. Когда я и Магистріанъ оставались въ домѣ Азеллы, при восходѣ солнца, она, проводивъ своихъ гостей, часто говорила намъ, какъ она котораго изъ нихъ разумѣеть, и не скрывала отъ насъ своего особеннаго презрѣнія къ Руфину. Она называла его гнуснымъ притворщикомъ, способнымъ обмануть всякаго и сдѣлать самую подлую лизость, а Азелла всѣхъ хорошо понимала. Одинъ разъ послѣ безумныхъ тратъ коринфянина Ора она намъ сказала:

— Это бѣдный павлинь... Всѣ его щиплютъ, и когда здѣсь бываетъ съ нимъ вмѣстѣ византіецъ Руфинъ, хорошо бы встряхивать Руфинову спанчу.

Это значило, что Руфинъ могъ быть и воръ... Азелла никогда не ошибалась, и я и Магистріанъ это знали.

Но Птоломей и Альбина глядѣли на византійца своими глазами, а добрая дочь ихъ была покорна родительской волѣ, и жребій ея былъ совершенъ. Магна сдѣлалась женою Руфина, который взялъ ее вмѣстѣ съ богатымъ приданымъ, даннымъ ей Птоломеемъ, и увезъ въ Византію.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Птоломей и Альбина были скоро наказаны рокомъ. Лицемерный Руфинъ оказался и не богатъ, и не столь именитъ, какъ выдавалъ себя въ Дамаскѣ, а главное, онъ совсѣмъ не былъ честенъ и имѣлъ такіе большіе долги, что богатое приданое Магны все пошло на раздѣлку съ тѣснѣвными его займодавцами. Скоро Магна очутилась въ бѣдности, и приходили слухи, будто она терпитъ жестокою долю отъ мужа. Руфинъ заставлялъ ее снова выпрашивать серебро и золото у ея родителей, а когда она не хотѣла этого дѣлать, онъ обращался съ нею сурово. Все же, чтò присылали Магнѣ ея родители, Руфинъ издерживалъ безславно, совсѣмъ не думая объ уменьшеніи долга и о двухъ дѣтяхъ, которыя ему родились отъ Магны. Онъ такъ же, какъ многіе знатные византійцы, имѣлъ въ Византіи еще и другую привязанность, въ угоду которой обиралъ и унижалъ свою жену.

Это такъ огорчило гордаго Птолемея, что онъ сталъ часто болѣть и вскорѣ умеръ, оставя своей вдовѣ только самыя небольшіе достатки. Альбина все повезла къ дочери: она надѣялась спасти ее, и потеряла всѣ свои деньги на дары приближеннымъ епарха Валента, который самъ былъ алчный сластолюбецъ и искалъ случая обладать красивою Магной. Кажется, онъ имѣлъ на это согласіе самого Руфина. Говорили, будто Руфинъ даже понуждалъ свою жену отвѣчать на исkanie Валента, заклиная ее согласиться на это для спасенія семейства, потому что иначе Валентъ угрожалъ отдать Руфина со всею его семьею во власть его займодавцевъ.

Альбина не вынесла этого и скоро переселилась въ вѣч-

пость, а Магна осталась съ дѣтьми въ самой горестной бѣдности, но не предалась развращеннымъ исканіямъ Валента. Тогда гнѣвный вельможа Валентъ распорядился отдать всѣхъ ихъ во власть заимодавцевъ.

Заимодавцы посадили Руфина въ тюрьму, а дѣтей его и бѣдную Магну взяли въ рабство. А чтобы сдѣлать это рабство еще тяжелѣе, они разлучили Магну съ дѣтьми и малютокъ ея отослали въ село къ скопцу-селянину, а ее отдали содержателю безчестнаго дома, который обязался платить имъ за нее въ каждыя сутки по три златницы.

Напрасно вопіяла ко всѣмъ бѣдная Магна и у всѣхъ искала защиты. Ей отвѣчали: «надъ нами надъ всѣми законъ. Законъ нашъ охраняетъ многоимущихъ. Они всѣхъ сильнѣй въ государствѣ. Если бы былъ теперь на своемъ мѣстѣ нашъ прежній правитель Ермій, то онъ, какъ человѣкъ справедливый и милосердный, можетъ-быть, вступился бы и не допустилъ бы этого; но онъ очудачѣлъ: оставилъ свѣтъ, чтобы думать только объ одной своей душѣ. Жестокій старикъ! Пусть Небо проститъ ему его отшельничье самолюбіе».

Произнеся эти слова, скomorохъ замѣтилъ, что сидѣвшій возлѣ него пустыинникъ вздрогнулъ и схватилъ Памфалона за руку. Памфалонъ спросилъ его:

— Что ты о нихъ сожалѣешь, что ли?

— Да, я сожалѣю... сожалѣю... И о нихъ, и о себѣ сожалѣю,—отвѣчала Ермій.—Продолжай твою повѣсть.

Памфалонъ сталъ продолжать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Содержатель безчестнаго дома, чтобы избѣжать непріятнаго шума въ столицѣ и надежище взять свои деньги, не сталъ держать Магну въ Византіи, а отправилъ ее въ Дамаскъ, гдѣ ее всѣ знали какъ самую благородную и недоступную женщину, а потому, безъ сомнѣнія, теперь всѣ устремятся обладать ею.

Магну, какъ рабыню, стерегли зорко, и у нея были отняты всѣ средства бѣжать. Она не могла и лишить себя жизни, да она о самоубійствѣ и не помышляла, потому что она была мать и стремилась найти и спасти своихъ дѣтей отъ скопца изъ невли.

Такъ она подъ карауломъ и въ закрытости была при-

лезена въ Дамаскъ, и на другой день, то-есть именно въ тотъ день, когда я скрывался, лежа на моемъ золотѣ, огласилось, что продающій Магну содержитъ ее у себя за плату по пяти златницъ за каждыя сутки. Получить ее можетъ всякій, кто заплатитъ златницы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Тотъ, кто взялся выручать за Магну златницы, конечно, не медилъ, чтобы собирать ихъ съ хорошимъ прибыткомъ, и для того разослалъ зазывальщину по всемъ богатымъ людямъ Дамаска, чтобы оповѣстить ихъ, какимъ онъ роскошнымъ владѣеть товаромъ.

Развращенные люди кинулись въ домъ продавца, и Магна весь день едва лишь спасалась слезами. Но къ вечеру продавецъ сталъ угрожать снестись съ тѣмъ, кто взялъ ее дѣтей, чтобы ихъ оскопить, и она рѣшилась ему покориться... И послѣ этого силы ее оставили, и она грѣшнко заснула и увидѣла сонъ: къ ней кто-то тихо вошелъ и сказалъ ей: «Радуйся, Магна! ты сегодня обрѣла то одно, чего тебѣ во всю твою жизнь недоставало. Ты была чиста, но гордилась своей непорочностью, какъ твоя мать; ты осуждала другихъ падшихъ женщинъ, не видя, чѣмъ онѣ доведены были до паденія. Это было ужасно, и вотъ теперь, когда ты сама готова пасть, и знаешь, какъ это тяжело, теперь твоя противная Богу гордость сокрушилась, и теперь Богъ сохранить тебя чистой».

И въ это же самое время въ домъ, гдѣ заключалась Магна, постучался одинъ застѣнчивый гость, который закрывалъ лицо свое простою епанчею, и, тихо позвавъ хозяйку, сказалъ ему шопотомъ:

— Ахъ, я очень стыдливъ, но умираю отъ страсти. Скорѣе введи меня къ Магнѣ—даю тебѣ десять златницъ.

Продавецъ былъ радъ, но прежде чѣмъ ввести знакома къ Магнѣ, сказалъ ему:

— Я долженъ сказать тебѣ, господниъ, что эта женщина изъ знатнаго рода и она стѣнитъ мнѣ по кабалѣ большихъ денегъ, которыхъ я черезъ нее не выручилъ, потому что она умѣла разжалобить всѣхъ, кого я вводилъ къ ней. Не мое будетъ дѣло, если ты станешь слушать ея слова и тебя размягчатъ ея рѣчи. Я свое золото дол-

женъ имѣть, потому что я человекъ бѣдный и взять ее за дорогую цѣну.

— Не безпокойся,— отвѣчать, продолжая скрывать лицо, незнакомецъ: — вотъ получи свои десять златницъ, а я не таковскій: я знаю, что значать женскія слезы.

Продавецъ взялъ у него десять златницъ и дернулъ пинуръ, который опрокинулъ мѣдную чашу, содержавшую мѣдный же шаръ. Шаръ покатился по холцевую жолобу и, докатившись до шатроваго отдѣленія Магны, звонко упалъ въ мѣдный тазъ, стоявшій у изголовья ея постели. Послѣ чего продавецъ сейчасъ же повелъ гостя къ Магнѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Незнакомецъ вошелъ въ отдаленный покой, накуранный шестикомъ и амброй, и увидаль здѣсь при цвѣтномъ фонарѣ лежащую Магнѹ. Ея не разбудилъ ударъ въ тазъ, потому что какъ-разъ въ это время ей снился тотъ сонъ, гдѣ открывалось, что надменная сила ея отлетѣла и теперь она спасена за признание своей немощи.

Продавецъ упрекнулъ Магнѹ, что она не слыхала удара шара по тазу и, указавъ ей на незнакомца, сказалъ грубо:

— Не притворяйся, будто не слышишь, что къ тебѣ пущенъ шаръ! Вотъ кому я уступилъ всякую власть надъ тобою до утра. Будь умна и покорна. А если ты еще заставишь меня терпѣть убытки, я передамъ тебя туда, гдѣ къ тебѣ будутъ входить суровые вонны, и отъ тѣхъ ты уже не дождешься пощады.

И, сказавъ это, продавецъ взялъ шаръ и вышелъ, а гость затворилъ за нимъ дверь и, оборотясь, тихо молвилъ Магнѣ:

— Не бойся, злополучная Магна, я пришелъ, чтобы спасти тебя.—И онъ сбросилъ свой плащъ.

Магна узнала Магистріана и зарыдала.

— Оставь слезы, прекрасная Магна. Теперь не время, чтобы лить ихъ и отчаиваться. Успокойся и вѣрь, что если Небо спасало тебя до сего часа, то теперь твое избавленіе уже несомнѣнно, если ты только согласишься сама помогать мнѣ, чтобы я могъ тебя выручить и возвратить тебя дѣтизмъ и мужу.

— Согласна ли я! — воскликнула Магна. — О, добрый юноша, развѣ въ этомъ возможно сомнѣнье!

— Такъ поспѣши же скорѣе дѣлать, что я тебѣ скажу: теперь я отвернусь отъ тебя,—и давай какъ можно скорѣе перемѣнимся платьемъ.

И вотъ Магна надѣла на себя тунику и спанчу, и все, что имѣлъ на себѣ мужское Магистріанъ, а онъ сказалъ ей:

— Не медли, спасайся! закрой спанчою твое лицо точно такъ, какъ вошелъ сюда я, и смѣло иди изъ этого дома! Твой презрѣнный хозяинъ самъ тебя выведетъ за свои проклятыя двери.

Магна такъ сдѣлала и благополучно вышла, но тотчасъ же, выйдя, стала сокрушаться: куда ей бѣжать, гдѣ скрыться и что будетъ съ бѣднымъ юношей, когда завтра обманъ ихъ откроютъ? Магистріанъ подвергнется истязаньямъ, какъ разрушитель заимодавнаго права; онъ, конечно, не имѣетъ столько, чтобы заплатить весь долгъ, за который отдана въ кабалу Магна, и его навѣки посадятъ въ тюрьму; и будутъ его мучить, а она, все равно, не можетъ явиться къ своимъ дѣтямъ, потому что ей нечѣмъ выкупить ихъ изъ кабалы.

И вотъ тутъ этой женщиной пришла въ голову мысль, которая навсегда лишила меня возможности исправить мой путь и вести впередъ добродѣтельную жизнь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Когда Магна открыла мнѣ свои бѣдствія и рассказала объ опасности, которой подвергался за нее Магистріанъ, передо мною точно разверзлась бездна. Я зналъ, что у Магистріана не могло быть десяти литръ золота, которые внесъ онъ за Магнѣ и которые все равно не могли избавить ее отъ ея униженія, ибо не составляли цѣны всей ея кабалы и ничего не оставляли на выкупъ ея дѣтей отъ скопца въ Византіи. Но гдѣ, однако, Магистріанъ могъ взять и эти златницы? Онъ работалъ въ домѣ Азеллы, гдѣ всегда былъ ларецъ съ сокровищами этой безъ ума влюбленной въ него гетеры... И ужасъ объялъ мою душу... Я подумалъ: что если любовь къ бѣдной Магнѣ довела его до безумія и онъ похитилъ ларецъ, и имя Магистріана отнынѣ безчестно: *онъ воръ!*

А бѣдная Магна, продолжая оглашать воздухъ стонами, возвратилась опять къ тѣмъ же словамъ, съ которыхъ начала когда неожиданно вошла въ мое жилище.

— Памфалонъ!—вопіяла она:—я слышала, что ты разбогатѣлъ, что какой-то гордый коринфянинъ далъ тебѣ несмѣтныя деньги. Я пришла продать себя тебѣ, возьми меня къ себѣ въ рабыни, но дай мнѣ денегъ, чтобъ выкупить изъ неволи моихъ дѣтей и спасти погибающаго за меня Магистріана.

Отшельникъ! ты отжилъ жизнь въ пустынѣ и тебѣ, быть можетъ, непонятно, какое я чувствовалъ горе, слушая, что отчаяніе говоритъ устами этой женщины, которую я зналъ столь чистой и гордой своею непорочною! Ты уже взялъ верхъ надъ всѣми страстями, и овѣ не могутъ поколебать тебя, но я всегда былъ слабъ сердцемъ, и при видѣ такихъ страшныхъ бѣдствій другого человѣка я промотался... и опять легкомысленно позабылъ о спасеніи своей души.

Я зарыдалъ и сквозь рыданія молилъ:

— Ради милости Божіей умолю, несчастная Магна! Сердце мое не можетъ этого вынести! Я простой человѣкъ, я скоморохъ, я провожу мою жизнь среди гетеръ, празднолюбцевъ и мотовъ, я дегтирная бочка, но я не куплю себѣ того, что ты предлагаешь мнѣ въ безумьи отъ горя.

Но Магна такъ ужасно страдала, что не поняла меня вовсе.

— Ты отвергаешь меня!—воскликнула она съ ужасомъ.— О, я несчастная! гдѣ мнѣ взять золота, чтобы избавить отъ изуродованія моихъ дѣтей?—и она заломила надъ головою руки и упала на землю.

Это исполнило меня еще большаго ужаса... Я задрожалъ, увиди, какъ ее унизило горе до того, что она, уже словно счастья, искала, чтобы кто-нибудь купилъ у нея ея ласки.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Я посѣщилъ ее утѣшить.

— Нѣтъ,—закричала я:—это вовсе не то, что будто я тебя отвергаю. Я тебѣ другъ и докажу тебѣ это моею готовностью помочь твоему горю. Только не говори болѣе, для чего ты пришла сюда. Разрушь скорѣй это плетеніе волосъ, черезъ которое ты стала походить на гетеру; смой съ своихъ плечъ чистой водою этотъ ароматъ благовоннаго нарда, которымъ ихъ покрыли люди, желавшіе твоего позора, а потомъ скажи мнѣ: сколько именно долженъ мужъ твой?

Она вздохнула и тихо промолвила:

— Десять тысяч златницъ.

Я видѣлъ, что ее обманули: богатство, которое бросилъ мнѣ расточительный Оръ, было ничтожно для того, чтобы заплатить долгъ ея и выкупить дѣтей.

Магна молча встала и, поднявъ рукою сброшенную епанчу Магистріана, хотѣла снова покрыть свою голову.

Я догадался, что она хочетъ уйти отъ меня съ нехорошею цѣлью, и воскликнулъ:

— Ты хочешь уйти, госпожа Магна?

— Да, я возвращусь снова туда, откуда пришла.

— Ты хочешь освободить Магистріана?

Она только молча кивнула головой въ знакъ согласья.

Я ее остановилъ насильно.

— Не дѣлай этого,—сказалъ я.— Это будетъ напрасно. Магистріанъ такъ благороденъ и такъ тебѣ преданъ, что онъ оттуда не выйдетъ, а ты своимъ возвращеніемъ только увеличишь смятеніе. У меня всего есть двѣсти тридцать златницъ... Это все, что я получилъ отъ коринвянина Ора. Если думаютъ, что у меня есть болѣе, то это или сочинила молва, или нахвасталъ самъ Оръ пустохвальный. Но всѣ двѣсти тридцать златницъ ты должна считать за свои. Не возражай мнѣ, госпожа Магна, не возражай мнѣ противъ этого ни одного слова! Это золото твое; но надо достать еще много, чтобы составило долгъ твоего мужа. Я не знаю, гдѣ больше взять, но ночь пока еще только въ началѣ... Магистріанъ до утра безопасенъ. Твой продавецъ увѣренъ, что вы теперь слилися въ объятяхъ. Ты оставайся у меня и будь спокойна. Моя Акра до тебя никого безъ меня не допустить, а я сейчасъ извѣщу о твоёмъ несчастіи твоихъ именитыхъ подругъ: Таору, Фотину и Сильвію - дѣву, благочестье которой извѣстно Дамаску... Ихъ слуги всѣ меня знаютъ и за дары меня пустятъ къ своимъ господамъ. Онѣ богаты и цѣломудренны, и онѣ не пожалѣютъ золота, и дѣти твои будутъ выкуплены.

Но Магна живо меня перебила:

— Не тревожь, Памфалонъ, ни Таору, ни Фотину, ни дѣвственной Сильвіи,—всѣ онѣ ничего для твоей просьбы не сдѣлаютъ.

— Ты ошибаешься,—возразилъ я.— Таора, Сильвія и Фотина благочестивыя женщины, онѣ преслѣдуютъ всякій раз-

вратъ, и по ихъ слову у насъ уже выслали многихъ гетеръ изъ Дамаска.

— Это ничего не значить,—отвѣчала Магна, и открыла мнѣ, что прежде, чѣмъ бѣдствія ея семейства достигли до нынѣшней мѣры, она уже обращалась съ просьбою къ названнымъ мною высокимъ гражданкамъ, но что всѣ онѣ оставили ея просьбы втуне.

— А какъ теперь,—прибавила она:—ко всему этому присоединился еще позоръ, до котораго дошла я, то всякія просьбы къ нимъ имъ будутъ даже обидны. Я сама была такова жъ, какъ онѣ, и знаю, что не отъ нихъ можетъ прійти избавленіе падшей.

— Ну, все равно, жди у меня, что намъ поилетъ милосердное Небо, — сказала я и, погасивъ лампу, заперъ входъ въ мое жилище, въ которомъ Магна осталась подъ защитою Агры, а я во всю силу бѣгомъ понесся по темнымъ проходамъ Дамаска.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Я не послушался Магны и проникъ, съ помощію слугъ, къ Таорѣ, Сильвіи и къ Фотинѣ... И стыжуся вспоминать, что я отъ нихъ слышалъ... Магна была права во всемъ, что мнѣ о нихъ говорила. Слова мои только приводили въ пламенный гнѣвъ этихъ женщинъ, и я былъ изгойемъ за то, что смѣлъ приходить въ ихъ дома съ такою просьбой... Двѣ изъ нихъ, Таора и Фотина, велѣли прогнать меня съ однимъ только напоминаніемъ, что я стоилъ бы хорошихъ ударовъ; но Сильвія-дѣва, та повелѣла бить меня передъ ея лицомъ, и слуги ея били меня мѣднымъ прутомъ до того, что я вышелъ отъ нея съ окровавленнымъ тѣломъ и съ занекшимся горломъ. Такъ, томимый каждою, вѣжалъ я на кухню гетеры Азеллы, чтобы попросить глотокъ воды съ виномъ и идти далѣе. А куда идти,—я самъ не зналъ этого.

Но тутъ, едва я явился, подъ крытымъ переходомъ меня встрѣтила наперсница гетеры бѣлокурая Ада. Она какъ будто парочію шла съ кувшиномъ прохладительнаго напитка, и я сказалъ ей:

— Будь милосердна, прекрасная Ада, освѣжи уста мои — я умираю отъ жажды.

Она улыбнулась и молвила съ шуткой:

— Тебѣ ли теперь умирать, *господинъ* Памфалонъ, ты больше не бѣдѣнъ и можешь имѣть рабовъ, которые станутъ прохладять для тебя воду.

— А я ей отвѣтить:

— Нѣтъ, Ада, я, славу Богу, опять уже не богатъ,—я опять такъ же бѣдѣнъ, какъ прежде, и вдобавокъ... долженъ признаться,—я сильно израненъ.

Она мнѣ нагнула сосудъ, а я припалъ къ питью, и въ то время, когда я пилъ, а Ада стояла, склонившись ко мнѣ, она замѣтила на моихъ плечахъ кровь, которая сочилась изъ рубцовъ, нанесенныхъ мнѣ мѣднымъ прутомъ предъ лицомъ дѣвственной Сильвин. Кровь проступала сквозь тонкую туннику, и Ада въ испугѣ вскричала:

— О, несчастный! ты въправду въ крови! На тебя, вѣрно, напали ночные воры!.. О, несчастный! Хорошо, что ты спасся отъ нихъ подъ нашею кровлей. Останься здѣсь и подожди меня немного: я сейчасъ отнесу это охлажденное питье гостямъ, и вмгъ возвращусь, чтобъ обмыть твои раны...

— Хорошо,—сказала я:—я тебя подожду.

А она добавила:

— Можетъ-быть, ты хочешь, чтобъ я шепнула объ этомъ Азеллѣ? У нея теперь шируетъ съ друзьями градоправитель Дамаска: онъ пошлетъ отыскать тѣхъ, кто тебя обидѣлъ?

— Нѣтъ, — отвѣчала я:—это не нужно. Принеси мнѣ только воды и какую-нибудь чистую туннику.

Надѣвъ чистую одежду, я хотѣлъ идти къ бывшему Аммуу, который занимался всякими дѣлами, и закабалить ему себя на цѣлую жизнь, лишь бы взять сразу деньги и отдать ихъ на выкупъ отъ скопца дѣтей Магны.

Ада скоро возвратилась и принесла все, что мнѣ было нужно.

Но она также сказала обо мнѣ и своей госпожѣ, а это повело къ тому, что едва Ада обтерла прохладною губкою мои раны и покрыла мои плечи принесенною ею льняной тунникомъ, какъ въ переходѣ, гдѣ я лежалъ на полу, прислонясь бокомъ къ дереву, показалась въ роскошномъ убранствѣ Азелла.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Азелла вся была въ золотѣ и въ перлахъ, изъ которыхъ одинъ стбиль огромной цѣны. Этотъ рѣдкостный перлъ былъ подаренъ ей большимъ богачомъ изъ Египта.

Азелла подошла съ участьемъ ко мнѣ и заставила меня рассказать ей все, что со мною случилось. Я ей сталъ рассказывать вкратцѣ, и когда дошелъ до бѣдствія Магны, то замѣтилъ, что глаза Азеллы стали серьезны, а Ада начала глядѣть вдаль и по лицу ея тоже заструились слезы.

Тогда я подумалъ: вотъ теперь время, чтобы открыть Магистрианову тайну, и вдругъ неожиданно молвилъ:

— Азелла, это ли всѣ драгоценности, которыя ты имѣешь?

— Штъ, это не всѣ, — отвѣчала Азелла. — Но какое тебѣ до этого дѣло?

— Мнѣ большое есть дѣло, и я тебя умолию: скажи мнѣ, гдѣ ты ихъ сохранила и всѣ ли онѣ цѣлы?

— Я храню ихъ въ драгоценномъ ларцѣ, и всѣ онѣ цѣлы.

— О, радости! — вскричалъ я, позабывъ всю мою боль. — Все цѣло! Но гдѣ жъ взялъ десять литръ золота Магистрианъ?

— Магистрианъ!?

— Да.

И когда я сталъ рассказывать, что сдѣлалъ Магистрианъ, Азелла стала шептать:

— Вотъ кто истинно любитъ! Моя Ада видѣла, какъ онъ вышелъ изъ дома Аммуна... Я все понимаю: онъ продалъ Аммуна себя въ кабалу, чтобы выпустить Магну!

И гетера Азелла начала тихо рыдать и обирать съ своихъ рукъ золотыя записки, ожерелья и огромный перлъ изъ Египта, и сказала:

— Возьми все это. возьми и бѣги, какъ можно скорѣе возьми отъ скопца дѣтей бѣдной Магны, пока онъ ихъ не изуродовать!

Я такъ и сдѣлалъ: я соединилъ всѣ мои деньги, которыя далъ мнѣ Оръ коринфянинъ, съ тѣмъ, что получилъ отъ гетеры, и отпрашилъ съ ними Магну выкупать изъ неволи ея мужа и двухъ сыновей. И все это совершилось успѣшно, но зато исправленіе жизни моей, и съ ней вся надежда моя на блаженную вѣчность навсегда разлетѣлись. Такъ :

теперь и остаюсь скоморохомъ — я смѣхотворъ, я безпутникъ,—я скачу, я играю, я бью въ накры, свинцу, перебираю ногами и трясу головой. Словомъ: я бочка, я дегтярная бочка, я негодная дрянь, которую ничѣмъ уже не исправшии. Вотъ тебѣ и весь сказъ мой, отшельникъ, о томъ, какъ я утратилъ улучшение жизни и какъ нарушилъ обѣтъ, данный Богу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Ермій всталъ, протянулъ руку къ своей козьей милоти и молвилъ скомороху:

- Ты меня успокоилъ.
- Полно шутить!
- Ты далъ мнѣ радость.
- Въ чемъ она?
- Вѣчность впусти не будеть.
- Конечно!
- А почему?
- Не знаю.

— Потому, что перейдутъ въ нее путемъ милосердія много изъ тѣхъ, кого свѣтъ презираеть и о которыхъ и я, гордый отшельникъ, забылъ, залюбовавшись собою. Иди къ себѣ въ домъ, Памфалонъ, и дѣлай, что дѣлалъ, а я пойду дальше.

Они поклонились другъ другу и разошлись. Ермій пришелъ въ свою пустыню и удивился, увидавъ въ той расщелинѣ, гдѣ онъ стоялъ, гнѣздо вороновъ. Жители деревни говорили ему, что они отпугивали этихъ птицъ, но онѣ не оставляютъ скалы.

— Это такъ и должно быть,—отвѣтилъ имъ Ермій.—Не мѣшайте мнѣ вить свои гнѣзда. Птицы должны жить въ скалѣ, а человекъ долженъ служить человеку. У васъ много заботъ; я хочу помогать вамъ. Хилъ я, но стану дѣлать по силамъ. Довѣрьте мнѣ вашихъ козь, я буду ихъ выгонять и пасти, а когда позвращусь со стадомъ, вы дайте мнѣ тогда хлѣба и сыра.

Жители согласились, и Ермій началъ гонять козье стадо и учить на свободѣ дѣтей поселении. А когда все село засыпало, онъ выходилъ, садился на холмъ и обращалъ свои глаза въ сторону Дамаска, гдѣ онъ узналъ Памфалона. Старецъ теперь любилъ думать о добромъ Памфалонѣ, и

всякій разъ, когда Ермій переносился мыслью въ Дамаскъ, мнилось ему, что онъ будто видитъ, какъ скоморохъ бѣжитъ по улицамъ съ своей Акрой и на лбу у него мѣдный вѣнецъ, но съ этимъ вѣнцомъ заводилося чудное дѣло: день ото дня этотъ вѣнецъ все становился ярче и ярче и, наконецъ, въ одну ночь онъ такъ засіялъ, что у Ермія не хватило силы смотрѣть на него. Старикъ въ изумленіи закрылъ даже рукою глаза, но блескъ проникаетъ отовсюду. И сквозь опущенныя вѣки Ермій видитъ, что скоморохъ не только сіяетъ, но воздымается вверхъ все выше и выше, — взлетаетъ отъ земли на воздухъ и несется прямо къ пылающей алой зарѣ.

Куда онъ несется! Онъ испенелится, онъ тамъ сгоритъ. Ермій рванулся за Памфалономъ, чтобы удержать его, или, чтобы, по крайней мѣрѣ, съ нимъ не разстаться, но въ жаркомъ разсвѣтѣ зари между ними вдругъ стала преграда... Это какъ бы частоколь, или рѣшетка, въ которой каждая жердь одна съ другою не схожи. Ермій видитъ, что это какіе-то знаки, — во весь небосклонъ большими еврейскими литерами, словно углемъ и сажей, напачкано слово: «самогибнѣ».

«Тутъ мой предѣлъ!» — подумалъ Ермій и остановился, но Памфалонъ взялъ свою скоморошью спанчу, махнулъ ею и въ-разъ стеръ это слово на всемъ огромномъ пространствѣ, и Ермій тотчасъ увидать себя въ несказанномъ свѣтѣ и почувствовать, что онъ летитъ на высотѣ, держась рука за руку съ Памфалономъ, и оба бесѣдуютъ.

— Какъ ты могъ стереть грѣхъ моей жизни? — спросилъ Памфалона на полетѣ Ермій.

А Памфалонъ ему отвѣчалъ:

— Я не знаю, какъ я это сдѣлалъ: я только видѣлъ, что ты затруднялся, а я захотѣлъ тебѣ пособить какъ умѣю. Я всегда все такъ дѣлалъ, пока былъ на землѣ, и съ этимъ иду я теперь въ другую обитель.

Дальнѣйшихъ рѣчей ихъ не слышать уже писатель сказанья. Прохладное облако густою тѣнью застлало дальнѣйшій ихъ слѣдъ отъ земли, и съ румяной зарею заката вмѣстѣ слились ихъ отшеднія души.

ЧАСЪ ВОЛИ БОЖІЕЙ.

(СКАЗКА.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ очень древніе годы, стародавніе, былъ въ пѣкоторомъ пезнатномъ царствѣ премудрый король по имени Доброхоть. Величали его такъ за то, что онъ не любилъ воевать, а всѣмъ людямъ добра хотѣлъ. Жить онъ любилъ по-старинному и управлялъ своимъ королевствомъ съ большими благочестіемъ, по всѣмъ памятамъ по отцовскимъ и дѣдовскимъ, и изъ всѣхъ силъ хлопоталъ и заботился, чтобы въ его землѣ правда надъ кривою верхъ взяла и всѣмъ людямъ хорошо было у него подъ державою, но только все это дѣло у него не спорилось. Только-что начнеть Доброхоть съ одного конца свое дѣло налаживать, какъ — глядитъ — оно у него на другомъ концѣ расплетается. Долго бился Доброхоть всякимъ родомъ и способомъ и умаялся въ хлопотахъ до семи потовъ, а успѣха ему все-таки нѣтъ какъ нѣтъ. И потерялъ, наконецъ, Доброхоть всякую надежду устроиться, и взяло его отъ этого такое горе и отчаяніе, что не стали его веселить ни скоморошья потѣхи, ни пляски, ни женнины ласки умильными; опестыляли ему звѣриные ловы и птичья охота пскучила. Сталъ король вянуть и къ гробу посунулся.

Замѣтила это жена Доброхота-премудраго — Милолика, королева прекрасная, и начала его обнимать и просить съ нѣжностью, чтобы онъ пожалѣлъ себя и ее, и своихъ малыхъ дѣтушекъ, и не трудилъ бы себя долгою тязкою работою, а созвалъ бы скорѣе со всего королевства самыхъ саповитыхъ бояръ и велѣлъ бы имъ всю премудрость обдумать въ большой думѣ засвѣтло и подать себѣ предъ сумерки все дѣло чистое — на ладонечкѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Король Доброхоть въ сей послѣдній разъ ибжныхъ ласокъ своей прекрасной королевы Милолики послушался и созвалъ своихъ думныхъ бояръ со всею земли и началъ у нихъ спрашивать:

— Все ли у насъ подь мою державой идетъ такъ, какъ следуетъ?

Советчики отвѣчали:

— Съ нашей руки видать, будто идетъ у насъ все какъ следуетъ. Будь только ты у насъ многолѣтне здоровъ, а для насъ ничего окроми сего и не надобно.

— Если всё вы не врите, то, пожалуй, быть-можетъ, и вправду такъ,—отвѣчалъ король:—хорошо, молодцы, я для васъ постараюсь подольше жить, а только мнѣ то огорчительно, отчего у меня подь державою не все такъ, какъ я хочу: для чего у насъ есть холодные и голодные и отчего не для всѣхъ равно все спорится и ладится?

А бояре Доброхоту отвѣтили:

— Что тебѣ этимъ пустымъ дѣломъ тревожиться! Не прогибайся, посмотри вокругъ, вѣдь оно и по всей землѣ повсемѣстно такъ—не у насъ однихъ все хорошее не спорится, не ладится!

— Ну, пускай повсемѣстно такъ,—отвѣчалъ король:—а мнѣ это не правится, я хочу у себя это вывести. Учредите примѣръ на цѣлый свѣтъ, чтобъ отъ насъ всѣмъ людямъ хорошо стало. Я за тѣмъ васъ къ себѣ и потребовать, чтобы вы мнѣ скорѣй это дѣло обдумали. Подите-ка сидите честь-честью въ большой сборнѣ вдоль лавокъ за столъ, да не спите, наклавъ другъ другу головы на плечи, и обо всемъ мнѣ до сумерекъ обдумайте пѣ-крѣико, а сѣ-темень придите и выложите.

Советчики засѣли советъ держать и кой часъ поснали, а послѣ, проснувшись, всё между собою заспорили: одни стали говорить, будто всѣмъ хорошо было только въ старину-стародавнюю; а для того и теперь будто надо опять изъ могилы на свѣтъ старину поднять и начать жить всѣмъ по-старинному, какъ было въ прошлое время. при дѣдахъ и при прадѣдахъ, когда будто бы снѣгъ горѣлъ, а соломой тушили. А другіе стояли за то, что и въ ту старину-стародавнюю тоже не всѣмъ иодъ-рядъ равно хорошо было; а что станеть, мѣлъ, для всѣхъ поравнѣй и порадоснѣй

только въ будущемъ. А потому не надо-де понышнимъ днемъ очень сильно печалиться и заниматься до усталы: нонче, моль, какъ ни прожить — это все равно, — хоть и пострадать, такъ не важно стать: нашъ народнико терпѣливый. выносливый — ему ужъ не первый слѣгъ стелеть головы, и ему ничего отъ бѣды не подѣется; а надо намъ, половчѣй учредиться на предбудущее, чтобы во вѣки-вѣковъ было наше имя прославлено.

Провели въ этихъ рѣчахъ все время засвѣтло, а въ сумерки встали съ мѣстъ, зашагнули и принесли сѣтемень свои суды къ королю въ теремъ и все готовьемъ предъ нимъ и выложили.

Слушать долго король все разводы совѣтниковъ и все ихъ слова ему не понравились: покачалъ онъ на нихъ головой и прогналъ ихъ всехъ ко своимъ дворамъ на полятахъ спать, а самъ еще въ два раза смутнѣй закурился.

— Миѣ, — говорить, — отъ этого ихъ совѣта совсѣмъ нѣтъ ни корысти, ни радости, и сказали они несуразное, потому что не я дамъ Богу отвѣтъ за то время, когда меня не было, и не отвѣчу я и за то, что послѣ меня въ свѣтѣ станется. А я хочу знать, какъ я самъ теперь долженъ державствовать, чтобы сейчасъ всемъ людямъ стало полегостивѣй; а вотъ это-то у меня какъ базъ и не спорится, не ладится.

И началъ король одинъ въ сумеркахъ по налатѣ изъ угла въ уголъ ходить, и какъ до угла дойдетъ да повернется, то вздохнетъ глубоко изъ всей груди, такъ что вездѣ слышать во всемъ теремѣ.

Тогда подошла къ нему тихо въ потемочкахъ старая его мамка, чуждинка, изъ чужихъ земель полоненая, и говорить ему попросту:

— Ты чего, мое дитятко, все вздыхаешь да охаешь? Ты вѣдь самъ виновать, — для чего ты задумалъ некатъ на бѣдную долю совѣта и разума у своихъ у бояръ и совѣтниковъ? Имъ вѣдь только и дѣло—особиться, а до общихъ заботъ имъ и нужды нѣтъ, потому что все они только себѣ добра хотятъ, а ты повели привести къ себѣ старцевъ божьихъ, пустынничковъ, талихъ, которымъ уже свѣтъ не милъ и земли имъ давно опостылѣла. Вотъ ты ихъ спроси, — имъ врать нечего, имъ уже ничего въ этомъ

свѣтъ не надобно,—такъ они тебѣ, можетъ-быть, правду и выскажутъ.

Королю это слово понравилось.

— Хорошо,—онъ сказалъ:—я тебя очень послушать радъ, но только гдѣ же могу я такихъ божьихъ людей достать?

А старуха отвѣчаетъ:

— Ты объ этомъ не крунися ни малости: слово сказано, что три праведныхъ въ каждомъ царствѣ есть, и у насъ они, милый, водятся. Вотъ мнѣ помнится, что слышала я про трехъ угодныхъ пустынниковъ, которые стоятъ уже много лѣтъ на однихъ мѣстахъ и отъ всего земного они ужъ давно отстоялися, а теперь только въ то живутъ, что втроемъ въ одинъ голосъ за твое царство молятся. Если хочешь ты, чтобы всю правду знать, то скажу тебѣ, не прогнѣвайся: можетъ-быть, только по ихъ молитвамъ до сихъ норъ Господь Богъ твое царство и милуетъ.

— Хорошо,—отвѣчалъ король:—я сейчасъ хочу видѣть этихъ угодниковъ.

— Вотъ таковъ же и мой совѣтъ: пошли, чтобы ихъ сыскать и привести сюда съ бережью, и спроси у нихъ самъ, отчего у тебя ничто не спорится, не ладится: имъ все явлено, и они тебѣ всю правду, какъ солнышко, на ладончку выложить.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Король Доброхоть совѣта своей мамки послушался, и повелѣлъ оставить для него при пути стулъ со спинкою, да и сѣсть на него рано утречкомъ, чтобы видѣть людей, когда они въ городъ идутъ, да у всѣхъ у калѣкъ-перехожихъ сталъ спрашивать: не видали ли гдѣ трехъ пустынниковъ, которые отбыли все земное, чтѣ имъ было назначено, а теперь только въ то и живутъ, что за одно его царство Господу молятся, и черезъ тѣ ихъ молитвы священные держава его выше всѣхъ на землѣ стоитъ.

Калѣки-перехожіе, тѣ, что всѣ чудеса въ свѣтъ Божіемъ видѣли, рассказали королю, что такіе праведные пустынички точно есть, но процвѣли они не въ одномъ мѣстѣ, а стоятъ они уже много лѣтъ, всѣ порознь спасаются. Одинъ, тотъ, что постарше всѣхъ, просіялъ въ самомъ дикомъ тѣсномъ лѣсу, гдѣ онъ сталъ давно на дубу на макушечкѣ, а теперь тотъ дубъ уже высоко возросъ и уперся въ

поднебесье, и старца и солнце жжеть, и буйныя вѣтры бьютъ; — этотъ называется старикъ-Дубовикъ, а вѣку ему давно лѣтъ за тысячу. Другой старичокъ — этому средній братъ—процвѣлъ въ безбрежной степи посреди ковыля, гдѣ и журавли и драхвы съ головами хоронятся, и верховдог. латника съ копьемъ вмѣстѣ не видно; тамъ законать себя старичокъ въ землю по-полюсь и тернить, какъ его гложеть сыпучій червь, а самъ кунаеть только козявочекъ, которыя сами ему въ ротъ вползуть: — и этотъ пустышникъ называется старикъ-Полевикъ, а вѣку ему пятьсотъ годовъ. Третій же старичокъ — этимъ обоимъ самый младшій братъ—потопилъ себя по самую шею посреди цевылазныхъ рамедныхъ болотъ и живетъ тамъ съ лягушками, съ змѣями, а въ лицо его жалить несся муха, и пискунъ-комаръ давно изъ него уже и кровь всю выпилъ, а старикъ все стоять, не шевелится;—имя ему Водовикъ, а вѣкъ его триста лѣтъ безъ единого. И всѣ эти дивныя старцы теперь уже чуть живы, такъ что надо ихъ брать съ большою опаской и бережью, потому что отъ самаго мазаго встрясу всѣ они могутъ разсыпаться.

И дали калки Доброхоту совѣтъ, чтобы послать за старичками самыхъ учтивыхъ людей, полированныхъ, и чтобы взяли послы каждый съ собою по мягкой плетункѣ соломенной, въ какихъ носить гусей предъ царскимъ теремомъ на льду драться. А въ каждую плетунечку наказали калки настлатъ на доньшко сѣна пахучаго и мягкаго, волокнистаго мху съ старой сосны, а сверху присыпать слегка пухомъ и дражными перьями, чтобы было во чтѣ законаться пустышничкамъ. И всадить старичковъ надо вѣжливо, по учтивому, и нести во всю дорогу поемвино въ плетунечкахъ, потому что свои ножки у нихъ отстоялися и ходить они разучилися, а тѣла у нихъ такъ изветшилися, что нести ихъ посыльнымъ нимаю не тягостно.

Разослать король пятьдесятъ пословъ во всѣ стороны и велѣлъ, чтобы нашли, гдѣ хотятъ, старцевъ: Дубовика, Полевика и Водовика и чтобы сняли ихъ съ насиженныхъ мѣсть бережно, посадили половчье въ плетунечки и припесли бы къ королю на закорочкахъ. И которые изъ полсотни людей не найдутъ старичковъ, а безъ пользы даромъ проходить, тѣмъ большого наказанія пугаться не надобно и домой идти весело; а которые счастливы будутъ и пра-

ведныхъ старичковъ принесуть, тѣмъ ждать себѣ большихъ почестей: тѣмъ поставятъ каждому у двора по кресту и по шесту, а наверхъ шеста вздѣнуть цѣтной колпакъ, чтобы есѣ, кто мимо пойдетъ, вверхъ глаза бы дралъ да имъ бы завидовалъ. А дорогой чтобы ни о чемъ старичковъ не снѣтъ спрашивать, а сказать только имъ, чтобы они не боялись для себя ни битья, ни бритья, ни горячаго укропа, потому что зоветъ ихъ самъ король къ себѣ на-очи и хочетъ узнать отъ нихъ только одно: отчего у него все не спорится и не ладится? И какъ только они ему объ этомъ скажутъ, такъ онъ ихъ ни о чемъ больше не станетъ спрашивать, а наградитъ всѣмъ, что имъ надобно, и въ какой чинъ они захотятъ—въ тотъ онъ ихъ и пожалуетъ. Если они захотятъ при королѣ чтобы быть, то онъ оставитъ ихъ жить у себя на застольницѣ и дастъ имъ супротивъ другихъ кормы вдоволь; а если они, одичавши чрезъ долгій вѣкъ, не ноймутъ, какъ въ столицѣ жить и какъ при какихъ церемоніяхъ надо ухмыляться или морщиться, то король ихъ за то не сказнитъ, а опять назадъ въ свою глушь сошлетъ на тотъ манеръ, какъ самимъ имъ поправится, — хоть въ колымагахъ на тавреной, нушдой кошкѣ, хоть опять на муѣ и на снѣгѣ въ плетушкахъ соломенныхъ.

Пошли послы королевскіе, какъ имъ было указано, и во есѣ концы королевства разсыпались, — въ каждый снѣдь все по парочкѣ, для того, чтобы какъ найдутъ старичковъ, такъ нести ихъ на закоркахъ, не безъ отдыха, а другъ съ дружкой въ перемѣлочку.

Шли они или, не считая сколько дней, очень долго, и все еще безъ толку, и зашли уже на самый край королевства, — дальнѣе чего и идти нельзя, потому что стоятъ тутъ чужіе стражники, на плечахъ несутъ головы. Но чуть только три пары пословъ завернулись, вскорѣ же обрѣли всѣхъ трехъ старичковъ, — одного въ лѣсу, другого въ полѣ, а третьяго среди рямедныхъ болотъ. Сказали имъ посланцы отъ своего короля поклонъ вѣжливо и стали звать ихъ съ собой по-учтивому; но старички имъ ничего ни въ отвѣтъ, ни въ привѣтъ не промолвили, а только какъ пылитки начали себѣ тонкими вѣками глазки зацуривать. Тогда посланцы сняли ихъ съ насѣженныхъ мѣстъ и стали на нихъ грозиться и спрашивать:

— Ну-ка, вы, безсѣмянники: нѣтъ ли подъ вами на

вашихъ мѣстахъ серебра или золота, или самоцвѣтныхъ камней? Лучше вы, дохлая братія, сами честью откройтеся, а то вѣдь мы вамъ не таковскіе, — запытаемъ, замучаемъ до-смерти.

Поняли старички слова ихъ или не поняли, но только опять ничего не отвѣтили, а послы ихъ за то переверотили на ловкую сторону и на обѣ корки отхлопали, и опять стали спрашивать, и опять ничего не добились, — и такъ до трехъ разъ отхлопали, а послѣ того посадили ихъ на сѣно въ плетунечки и наказали, чтобы ни одинъ не смѣлъ королю на нихъ жаловаться. Потомъ прикрыли ихъ сверху лопушинымъ листомъ, чтобы перелетныя птицы ихъ не запачкали, и понесли къ королю на закорочкахъ, другъ съ дружкой пошею мѣняючись.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Сошлись всѣ три пары обрѣтшихъ пословъ въ столицу королевскую въ одинъ день на утренней зоречкѣ, когда король шелъ изъ опочивальни королевной въ свою теплую мыленку. Посланцы, какъ несли старичковъ дорогой въ плетунечкахъ, такъ ихъ у предбанника на землю поставили, а сами въ рядъ позади становились. Помылся король майораншымъ мыломъ и щелокомъ съ кучерявою мятѣй, съ душицею, расчесалъ кудри и бороду и вышелъ изъ мыльни показаться народушку, а послы тутъ за-разъ лопухи съ плетунечекъ сняли прочь и Доброхоту старичками челомъ въ землю ударили.

Король сдѣлался радостенъ: велѣлъ пословъ накормить, напоить и въ его собственной банѣ отмыть и хорошенечко выпарить, а самъ подошелъ къ старцамъ съ улыбкой привѣтною; но какъ увидалъ, какіе они сидятъ испитые, тщедушные — въ чемъ душа въ тѣлѣ держится, то отъ страха и руки врозь.

Однакоже, поглядѣвъ на нихъ окомъ благостнымъ, король осмѣлялъ и сталъ надъ ихъ надъ плетуниками разговаривать, что вотъ такъ и такъ, наученъ онъ сызмлада наукамъ и мудростямъ и очень хочетъ, чтобы всемъ въ его королевствѣ хорошо было, а никакъ это у него не спорится, не ладится.

— Спрашивать, — говорить: — я обѣ этомъ моихъ мудрыхъ бояръ и совѣтчиковъ, да ничего не дошелъ отъ нихъ.

умнаго: или они не знаютъ, или таятся, а говорятъ все такое, что уже тридцать разъ слышано. Ну те-ка, вы,— вы вотъ много лѣтъ все молчали и устремляли умы на пыское, — прошу я васъ честно: скажите вы мнѣ, отчего у меня не спорится и не ладится?

А старики какъ сидѣли, такъ и сидятъ во плетунечкахъ, и какъ молчали они много лѣтъ, такъ и теперь молчатъ и своего слова не сказываютъ.

Терѣзливъ былъ и ласковъ король, но за это разгнѣвался.

— Что же,—говорить,—вы молчите, какъ истуканы и чучела? Я посылаю за вами много людей полированныхъ во все стороны, а вы мнѣ и по одному слову не сказываете. Вы теперь не въ дѣсу и не въ болотѣ, а въ моемъ стольномъ городѣ: здѣсь молчать, когда спрашиваю, — значитъ грубительство и за это отъ моего утвержденія по закону васъ будутъ наказывать. Смейните, что я говорю съ вами не ради забавы и прибыли, а для пользы въ великихъ дѣлахъ государственныхъ. Для чего же вы мнѣ противитесь? Не забудьте, что вы мнѣ вѣрноподанные, и я могу повелѣть, чтобы при мнѣ васъ полами разсѣчь, или привязать васъ къ конскимъ хвостамъ, да и размыкать васъ по полю.

Но смутился король, что если старичковъ казни предать, тогда ничего отъ нихъ не доведѣешь, а если сдать ихъ честь-честью съ рукъ на руки палачамъ-молодцамъ и велѣть развести по застѣлочкамъ да на дыбѣ потрясти да разспрашивать, то они и одной встряски не выдержатъ — все разсыплются въ прахъ и разлетятся пылью по потолкамъ да по стѣночкамъ.

И опять созвалъ Доброхотъ на совѣтъ всехъ своихъ мудрыхъ совѣтчиковъ и спросилъ ихъ: отчего передъ нимъ справедливые старцы упрямятся и что ему съ ними надо сдѣлать, — какъ ихъ понудить, чтобы они по одному важному слову высловили?

Вельможи отвѣчаютъ:

— Мы бы знали, что дѣлать, да ты это дѣло самъ испортилъ.

— А чѣмъ я испортилъ?—вопросилъ король.

— А испортилъ ты тѣмъ, что понизилъ высокій сапъ—стать съ простыми людьми вровняхъ разговаривать: вотъ они черезъ это теперь и зазналися. Тебѣ, кромѣ насъ да

стрѣльцовъ, ни съ кѣмъ говорить не пригоже, потому что твое дѣло средь всѣхъ людей особенное. Чтобъ исправить теперь ихъ какъ слѣдуетъ, дай ихъ намъ — мы отъ нихъ всю ихъ премудрость дождемъ.

Король, было, совсѣмъ согласился отдать старцевъ боярамъ; но прослышала опять объ этомъ мамка-половянка долица и пришла съ ключомъ къ королю, чтобъ его отговаривать.

— Не сердись,—говорить,—ты на бѣдныхъ пустышниковъ: вѣдь они одичали и молчатъ уже много лѣтъ. Не хотятъ они и тебѣ говорить не по грубости, потому будто дѣло твое особенное, а они—не прогнѣвайся—опростилися и тебя мнить не выше всѣхъ прочихъ въ созданіи, и въ особину на тебя не надѣются!

— Значить, глуны они, — отвѣчалъ король: — въ семь выпа тебѣ: вѣдь они сюда съ твоего совѣта и позваны.

— Итъ, яе глуны они, а неопытны: лгать стыдятся, а прямить боятся. Подожди, они при твоёмъ дворѣ проживуть — сползируются и тогда ухитрятся, какъ сказать про все неразберихою, — скажутъ такъ, что ничего не будетъ тебѣ и другимъ неприятнаго и все будетъ то, что твоему могуществу надобно. А только ты потерпи и не давай ихъ на допросъ своимъ боярамъ-совѣтчикамъ: видишь самъ, чай, что старички они очень слабые. — а бояре твои противъ слабыхъ усиліе творить очень усердые: они ихъ возьмутъ да съ большого усердія запытаютъ и замучаютъ до-смерти. Мой совѣтъ тебѣ—будь обходительнѣй: призови ты сейчасъ лучше всего своего гусяра Разлюляя-гудошника — онъ измигуль-мужиченко, ядащенькій, ни на міръ, ни въ семью ничего не работаетъ, а однимъ своимъ пустобрехомъ на свѣтѣ жить; но зато знаетъ онъ всѣ разныя хитрости и всѣ ходы съ подходами. Посмотри-ка, онъ чего занесетъ пустолайкой и въ-разъ у старичковъ правды допросится—обойдетъ ихъ если не лаской, такъ хитростью.

Доброхоть позвалъ своего плеюна, гусяра Разлюляя-гудошника, и сказалъ ему:

— Ты ядащій мужикъ-измигуль не работнистый, только хари гнешь, да врешь ни знать что пустолайкой. — здѣсь отъ тебя до сей поры никакой пользы не было, а теперь я тебя хочу поставить совсѣмъ на другую стать. Полно тебѣ въ дуракахъ ходить да ерошиться: я теперь тебѣ свое государево великое дѣло приказываю, чтобы ты, какъ

умѣешь и вѣдаешь, допытался у старичковъ ихъ откровенія премудрости: отчего у насъ въ королевствѣ не спорится, не ладится?

И закончилъ король Разлюлюю рѣшеніемъ:

— Узнаешь премудрость — дамъ тебѣ сто рублей, а не узнаешь — велю дать сто плетей. Помни, что мое слово королевское твердо, какъ Богъ въ небеса, — что я сказалъ, то и станется.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Разлюлюй-измигуль, гулевой мужиченко, шершавелькій, повсегда онъ одѣтъ въ зипуншечкѣ въ пестренькомъ, — одинъ рукавъ кармазинный, а другой лазоревый, на головѣ у него суконный колпакъ съ бубельникомъ, штаны пестрядиные, а подпоясочка лыковая, — не жметъ огъ и не сѣтъ, а живетъ не знамо тѣмъ, и питаетъ еще хозяйку красивую да шестерку дѣтей, — на котораго ни глянь, сразу знать, что всѣ — Разлюлюевичи. Ходить онъ повсюду болтается и никто разобрать не можетъ: видитъ ли онъ добро въ той темнотѣ, что была до Гороха-царя, или свѣтитъ ему лучшее въ тѣхъ смыслахъ, какіе открылися людямъ послѣ время Горохова. Никто его не чуждается, а всѣ зовутъ его «пустолайкою»; но измигуль Разлюлюй ни на чьи слова не обижается и за легкимъ тычкомъ не гоняется, а людей потѣшаетъ, и какъ устанетъ вратъ пустолайкою, то соловьемъ свиститъ, то лопочетъ варакушкой, на рукахъ идетъ, бокомъ катится и на всякій на разный манеръ притворяется.

Но какъ выслушалъ Разлюлюй королевъ приказъ, позабылъ онъ всѣ свои забавы и шуточки, и началъ проситься отъ этого дѣла прочь, — что «не мнѣ-де такое важное дѣло вѣдати»; но король тоншуль пожкой, и пошелъ Разлюлюй къ старикамъ и началъ вокругъ нихъ, по обычаю, измигульничать: митусить ногами и кланяться да притворно сквозь слезы приговаривать:

— Охъ вы, гои еси, старички справедливые, треблаженныя. Божьи молчалынички, разомкните уста свои благовѣстныя и скажите скорѣй, не потайте отъ короля отъ нашего милосерднаго батюшки, отчего у него подъ державой все добро не спорится, не ладится?

А старички какъ молчали, такъ и теперь молчатъ, только, знай себѣ, въ кошелочкахъ гнѣздятся.

Тогда Разлюляй сталъ на другой манеръ измигульничать и началъ ихъ пробовать жалостью.

— Миѣ нужда есть узнать это страшная: потому что если вы миѣ скажете, отчего не спорится добро, то король обѣщаль миѣ дать сто рублей, а если не скажете, то онъ дастъ миѣ тогда сто плетей. Его слово королевское крѣпко, и сбудется—не забудется. Да вамъ и самимъ, старичкамъ, для себя молчать не совѣтую, потому что король васъ тогда не отпуститъ назадъ ни въ степь, ни въ лѣсъ, ни въ болото, а велитъ васъ подвѣсить въ кошолочкахъ подъ полаты въ большой избѣ, гдѣ онъ держитъ частый совѣтъ со своими вельможами. Чтѣ тамъ по всѣ дни наслышитесь — спаси только Господи. Вотъ вы на этотъ счетъ пораздумайте: каково-то вамъ тамъ придется слушать совѣтъ непривычныя рѣчи до самаго до-вѣку! Выручайте и меня, и себя, отцы, а то нагрѣшите вы съ ними три короба и не годитесь послѣ того ни къ стру, ни къ смотру, ни въ рай, ни въ адъ, ни въ царство небесное, а такъ и останетесь висѣть подъ полатами.

Такъ напугалъ этимъ Разлюляй старичковъ, что они стали глазами водить во всѣ стороны и изгорѣвшими устами своими начали ношевеливать, а измигуль Разлюляй-пустобрехъ, какъ увидаль, что успѣлъ имъ загнать во лбы загвоздку здоровую,—сейчасъ побѣжалъ къ королю и говоритъ:

— Чтѣ миѣ отъ твоей милости сказано, я все это уже выполнилъ: старички уже теперь полируются, — стали уже губами двигать и скоро шептать начнутъ, — одѣвайся скорѣй, да иди-ка ихъ слушать, чтѣ они высловятъ, какія премудрости.

Какъ пришелъ король да нагнулся къ первой плетущечкѣ, такъ и стало слышно ему, что старикъ-Дубовикъ и виришь полируется,—объ ивовое плетение, какъ поросенокъ, всѣми боками трется, а самъ робко пыхтитъ и тихо покрехтывастъ.

Король его и спросилъ: «Отчего на свѣтѣ доброе не спорится и не ладится?»

Старикъ-Дубовикъ прошепталъ:

— *Оттого, что люди не знаютъ: какой часъ саженье вѣтъ.*

Доброхотъ нагнулся къ другому, къ Полевику, и того спросилъ, а тотъ шепчетъ:

— *Оттого, что не знаютъ: какой человекъ нужнее вѣтъ.*

Нагнулся Доброхоть и къ третьему старичку, а тотъ ему сказалъ:

— *Оттого, что не знаютъ: какое дѣло дороже исплѣ.*

И такъ молчальникамъ трудно это было проговорить съ отвычки, что они какъ только сказали, такъ и ослабѣли, и больше не полируются, а лежать, едва дышать, на донышкахъ. Ничего отъ ихъ король больше никакъ не могъ донять-ся-довѣдаться, и еще больше разсердился, потому что сказанныя ими слова стали ему загадками, которые понимать можно нѣ-двое. Король же привыкъ такъ все брать, чтобы было ему все какъ на ладонкѣ положено, и оттого ему теперь еще больше досада пришла, и приказалъ онъ сдѣлать съ старичками точь-въ-точь такъ, какъ имъ Разлюлий пригрозилъ: указалъ Доброхоть, чтобы ихъ не носить ни въ лѣсъ, ни въ болото, а подвѣсить ихъ въ кошолкахъ въ большой совѣтной избѣ подъ полатями и держать ихъ тамъ, пока они не скажутъ: «какой самый важный часъ, кто самый нужный человекъ и какое дѣло дороже всѣхъ».

Отнесли старичковъ въ совѣтную избу и подвѣсили подъ полатями въ ихъ плетущечкахъ, посыпали имъ иппенной каши, чтобы они въ просоночкахъ здѣли, и поставили на верхнемъ полу ведро воды съ мѣднымъ ковшкомъ, а сами всѣ спать пошли и разоспались до одури самымъ крѣпкимъ сномъ до самаго до свѣту.

По однако спали не всѣ люди во всю ночь безъ просыну, — проснулся въ первые пѣтухи сынокъ кравчаго, побѣжалъ въ избу незапертую и укралъ изъ ведра съ водой красный мѣдный ковшъ, чтобы промѣнять его на подторжкѣ на пряшки. А потомъ еще не послалось самому королю Доброхоту-премудрому: все казалось ему, будто его закованныя блошки покусывають. Провалился онъ такъ безъ сна до послѣднихъ пѣтуховъ, и надоѣло ему въ постели барахтаться — безъ сна лежать, только маяться; всталъ онъ горонкомъ, распрямился, нахватилъ себѣ на плечи королевскую глубоньку и пошелъ старичковъ посмотрѣть: живы ли они и здоровы ли, и чего они черезъ ночь, полируясь, надумались?

Пришелъ король въ избу, подставилъ себѣ къ полатямъ приставную скамеечку, но только-что глянулъ въ плетущечки, — такъ и ротъ раскрылъ, и завопилъ благимъ голосомъ, и со скамы на полъ навзничъ треснулся. Всѣ пле-

тушечки были пусты-пустёхоньки, и ви отъ одного старичка ничего не осталось, кромѣ смятаго мѣста да насѣдней. Разлетѣлись ли они легкою пылью по стѣнкамъ да по полу, или унесло ихъ по воздуху, но только тутъ, гдѣ они сохранились, ничего не осталось.

Король такъ испугался, что какъ со скамьи упалъ, такъ и не становится на ноги, а катается по полу и такъ бьется, что вся земля трясется. Стало страшно ему, что когда ни есть, благимъ временемъ, уберегутъ самого его слуги вѣрные, такъ что, пожалуй, лиходѣи и его со двора сведутъ и растрясутъ гдѣ-нибудь безъ остаточка!.. Услыхали караульщики, какъ земля дрожить, и стали спросонья бить громкій всполохъ по чугунной доскѣ на цѣлый дворъ и кричать благимъ голосомъ: «Ай земля сотрясается—мы насилу за колышки держимся!»

Перепугались всполоха и крика королевскіе смальники и застольники и начали со страху вокругъ себя на корачкахъ ползать, а потомъ пришли и вылили королю все ведро воды за воротъ, и насилу нашли королевскаго докторанѣмчина, который одинъ знаетъ, что сдѣлать надобно: онъ поднесъ Доброхоту подъ самый носъ стеклянную столбушечку, а въ столбушечкѣ тертый крѣпкій хрѣнъ, и защекоталъ ему перстами въ подмышечкахъ.

Отъ хрѣну и щекота королю сразу полегчало: онъ сталъ похохатывать и въ-разъ возвратились ему все его чувства и ѣжныя и большія заботы о подданныхъ. Созвалъ онъ опять къ себѣ всехъ бояръ и совѣтчиковъ и сталъ спрашивать ихъ: гдѣ дѣлись пустышнички, не извелъ ли ихъ кто какою отравой, боясь ихъ правдивыхъ словъ, или не продалъ ли ихъ съ ненасытной душою куда-нибудь въ чужое царство безбожное, гдѣ ихъ стануть неволить въ римскій костель ходить и ѣсть скоромное по середамъ и по лятницамъ.

Бояре, какъ могли, постарались короля успокоивать, и стали ему доводить, что никакого тутъ зла съ умысломъ не случилось, а что просто жилъ, вѣрно, въ палатѣ подъ поломъ жадный хорь, и повѣлъ этотъ жадный хорь старичковъ безъ остаточка.

И стали все короля отвлекать и разсѣвать, — что убиваться ему о такой пустой пропажѣ долго не слѣдуетъ, что «старички были люди ветхіе и свой вѣкъ давно уже отжили».

— Проишемъ о нихъ наниходчку, вспомняемъ ихъ кануномъ на панерти, да у себя по домамъ блинками съ

принекою, и будемъ править всемъ опять по-старинному, какъ было при дѣдахъ нашихъ и прадѣдахъ. А что никакъ не спорится и не ладится — про то, значить, и думать не слѣдуетъ: на землѣ бѣднякамъ всегда будетъ жить тяжело, да нигуда они не подвуются: вѣдь на небо взлетѣть крыльевъ имъ не дано. Поскулять и на томъ успокоится!

Королю же, однако, эти слова не понравились, и не повѣрилъ онъ тому, чтобы старичковъ у него въ избѣ хоръ извѣль,—а сказалъ онъ такъ:

— Если хоръ извѣль, то гдѣ же ихъ косточки? Палихиду о нихъ я согласенъ иѣть, да вѣдь падо иѣть ее надъ могилами.

Тогда приступилъ къ королю судный дьякъ, во всехъ дѣлахъ многоопытный, и сказалъ королю, что бояре болтаютъ негожее: не хоръ извѣль старичковъ, а ушли они не иначе, какъ своею колдовскою хитростью: пролили изъ ведра воду на полъ, а сами сѣли въ мѣдный ковшикъ и ушлыли. Ихъ теперь нигдѣ не смыскать никакими манерами. Отъ лихихъ колдовскихъ людей таковыя дѣла не разъ были во всехъ земляхъ, и при всехъ дѣдахъ и при прадѣдахъ, и вездѣ на телячьихъ на икурахъ записаны чертами и рѣзами, со берегами широкими, и въ самыхъ глубокихъ подвалахъ тѣ икуры положены, чтобы хранить въ поученіе внукамъ и правнукамъ.

А король говоритъ: «хорошо, чему вѣрили дѣды и пра-дѣды, тому я всему съ охотою вѣрую; но вѣдь не грѣхъ и то узнать: что какъ устроено? Вотъ я хочу, чтобы вы показали мнѣ: черезъ какое подполье старцы въ мѣдномъ ковшѣ сквозь землю въ океанъ-море спустилися? Согнать сейчасъ со всего королевства плотниковъ и чтобы взломали они въ-разъ все полы во всехъ домахъ. Не ломать только въ моемъ теремѣ, да у сѣрыхъ сельскихъ людей, у которыхъ въ жильяхъ полы не стланы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Пошли бояре не веселы: не хотѣлось имъ посылать людей, чтобы стогнать со всего королевства плотниковъ и ломать половицы въ жилыхъ домахъ, а не смѣли ослушаться короля и не знали, какъ своему горю помочь. Но на ихъ счастье узнала опять обо всемъ объ этомъ королевская мама-чуждянка-донлица, и пришла она къ королю съ ирежней смѣлостью и начала говорить ему по-учтивому

— Ты прости меня, неразумную: я хоть и стара и глуха, а кое-что слышала, и могу тебѣ разсказать, куда дѣлись старчки. Ихъ не хоръ извѣлъ и не силыли они въ мѣдномъ ковшикѣ, а настрацалъ ты ихъ до смерти самъ, что велѣлъ ихъ подвѣсить къ полатамъ въ избѣ, гдѣ держишь совѣтъ свой съ своими боярами. Старчки вѣкъ сидѣтъ и все слушать васъ забоялись. Я не спала всю эту ночь отъ лихого отъ вереда и слышала, какъ они другъ со дружкой въ потемкахъ скликнулись. Но началу все они сразу ширкнули точно будто сверчки подъ загнеточкой, а потомъ зачали въ своихъ плетущечкахъ покачиваться и такъ раскачались во все стороны, что въ-разъ опрокинулись и съ сѣнцомъ вмѣстѣ на полъ и выпали.

— Гдѣ же они теперь?—закричалъ король.

— А теперь ихъ и слѣдъ простылъ: уползли на корачкахъ съ твоего двора и все въ буйной травѣ безъ слѣдочка и скрылись. Теперь ихъ тебѣ ни за что не найти, потому что трава у насъ этотъ годъ очень рослая; да и дѣло до нихъ ужъ теперь не касается.

— Отчего же оно не касается?

— Оттого, что приснился мнѣ вѣщій сонъ, и быть слышанъ во снѣ таковой глаголь, что отгадать ихъ премудрость можетъ только одна чистая жалостница, которая всехъ равно сожалеетъ, а сама о себѣ ничего вовсе не думаетъ. Такъ вотъ ты теперь оставь старичковъ, а посылай искать эту дѣвицу.

Король свою маму-чуждинку послушался и сейчасъ же разослалъ дворянъ и боярскихъ дѣтей дѣвицу разыскивать, а на кормы имъ повелѣлъ собрать по всемъ дворамъ съ каждаго дыма по шелегу.

Съ неохотою большою и съ тугою боярскія дѣти и дворяне въ подневольный отъѣздъ собирались; перво-наперво все они взяли шелеги, а потомъ зачали у себя по домамъ печи топить и въ баняхъ париться. А потомъ долго справляли себѣ лубяныя зобѣнки раскрашенныя, да укладывали въ нихъ пироги съ ветчиной пачиной, медовыя оладыи да колобки въ жиру кипяченые, да блины съ разною съ припекой, и когда, наконецъ, паносудились, то кое-какъ съ трудомъ за ворота повиолозли и поѣхали въ путь со своими стремянными. А какъ за околицу выѣхали, такъ сейчасъ взяли съ прямого пути въ стороны и разѣхались

къ роднымъ да къ приятелямъ, и начали тамъ ѣсть дѣсыта, пить дѣпьяна, а напившись — кости и зерно метать, и играть — подрались и другъ дружѣ подъ очи сняивы намѣтили, а потомъ помирились, на сняія мѣста мукн съ медомъ намазали и легли, крѣико выснались, а какъ хмель прошелъ и сняивы позанидивѣли — послаи всеъ назадъ воззратилися и почали разные страхи разсказывать про то, гдѣ будто были и что видѣли, и, предъ иконами ставъ, забожилися, что хоть много на свѣтѣ есть непонятаго, но нѣтъ нигдѣ такой дѣвушки, которая бы всехъ сожалѣла, а о себѣ объ одной не заботилась.

— Къ этой, — говорятъ: — если бѣ была она, весь народъ на одинъ край свѣта сбѣжался бы, и весь свѣтъ бы тогда перекувырнулся.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Услыхавъ такой сказъ, король такъ опечалился, какъ до сихъ поръ и не было: не сталъ онъ совѣмъ ни ѣсть, ни пить, ни по галереѣ гулять, дышать чистымъ воздухомъ, а залегъ какъ медвѣдь на зимовочку. И вотъ лежитъ онъ такимъ манеромъ разъ въ сумеркахъ, совѣмъ тоній, у себя въ верхней горницѣ на лежаночкѣ, и едва черезъ силу говоритъ своей бабѣ-доилицѣ:

— Неужели же я такъ и умру, не довѣдавшись: какой часть важнѣе всехъ, какой человекъ нужнѣе всехъ и какое дѣло дороже всехъ?

А баба ему отвѣчаетъ:

— Если будешь все бояръ разсылать, — пожалуй, что такъ и не дознаешься, а попробуй пошли опять отыскать дѣвицу-разгадницу своего Разлюляя-гудонника. Пусть онъ ее хоть и вѣкъ ищетъ, но безъ нея чтобы не шелъ назадъ. Онъ мужичонко корявый, ледащенкій, говоритъ пу-стотайкою, и за нимъ никакія дѣла не задержатся, а кормовъ ему отъ казны супротивъ бояръ можно дать всего одну долечку, да и то почитай, что не надобно: онъ и такъ пропитается какъ-нибудь одною своею вѣрностью. Вѣрныхъ неовъ-то добрый пародушка и весь вѣкъ держитъ на безкормницѣ. Пусть и онъ при всей вѣрности свое счастье испробуетъ. Пускай высѣчетъ себѣ топоромъ въ заказномъ лѣсу хоть костыль съ клюкой, хоть дубинку здоровую, а на плечо перекинетъ пенечную обратъ конскую, и довольно

ему принадлежностей. Пусть идетъ, будто надо ему коней пскать: «на росу, моль, пустили, а они съ росы разбѣжались». И пусть такъ идетъ куда знаетъ самъ, и проходить хоть сквозь цѣлый бѣлый свѣтъ: гдѣ-жь-нибудь на краю свѣта разыщетъ онъ дѣвицу-отгадницу. Вѣдь сквозь тарь-тара-ры она, небось, не провалится.

— Хорошо, — отвѣчалъ король: — всѣ твои разсужденія умныя, и они миѣ всегда очень нравятся: пошлемъ Разлюляю во мѣсто большихъ бояръ; а только не вздумая, какое ему посулить за его службу жалованье?

— Обѣщай, что больше, то лучше. Пусть больше зарится, а тамъ, что взаправду дань — будетъ видно, по его по старанію. И совсѣмъ ничего не дань тоже стернителъ: на тебя вѣдь ни въ судъ не поидеть просить, ни въ полицію. На тебя одинъ Богъ судья: твое дѣло совсѣмъ особенное.

— Это правда, — отвѣчалъ король: — на землѣ мы не судимся, ну, а все-таки надо и намъ межъ людей вести себя съ честностью: что королевскимъ словомъ обѣщано, то ужъ надо и вылатить, все равно какъ по бирочкѣ.

— Ну, такъ пожалуй его опять и въ этотъ разъ въ одну-стай противъ прежняго: если онъ исполнитъ свою службу и найдетъ дѣвицу-разгадницу, дай ему въ тѣ поры полныхъ сто рублей, а если не исполнитъ — не слыть дѣвицы, вели дать ему полностью сто илеть, да и отпусти его тогда, Богъ съ нимъ, пусть идетъ онося къ своему двору, а ты на него больше не гнѣвайся и пожалѣй его за стараніе.

— А какъ онъ и дѣвицы не найдетъ, и сюда къ намъ со страху совсѣмъ не воротится? Онъ вѣдь пустой человѣкъ, ему вездѣ все равно — въ цѣломъ мірѣ отечество.

— Ну, про это, — сказала старуха: — я, другъ мой, не свѣдуца. Позови къ себѣ изъ приказа посольскаго судового дьяка, который посламъ ярлыкн дастъ за печатями; дьякъ тебѣ это дѣло все оборудуетъ.

Пришелъ дьякъ и привелъ съ собою самаго хитраго подьячаго съ прищелью и подали королю такой совѣтъ, что ярлыкн Разлюляю вовсе не надобно, а какъ станетъ король отпущать Разлюляю въ поелѣдній разъ, то сказать ему, что идетъ онъ посломъ не на цѣлый вѣкъ, а дается ему сроку ходить по свѣту всего три года, и если онъ къ концу третьяго года своей службы не выполнитъ, то ему самому зла не послѣдуетъ на чужой землѣ, а тутъ, дома, его дѣти

съ ихъ матерью каждую недѣлю будутъ ставлены на площадь по три утра и будутъ биты въ три прута, а при томъ битыѣ у нихъ будутъ спрашивать: знаютъ ли, гдѣ ихъ отецъ и когда передъ свѣтлыми королевскія очи воротится?

— Пригрози-ка такъ,—сказала дьякъ: —Разлюляй хотя и пустой человекъ, а дѣти всякому своя кровь: небось и онъ пожалѣетъ ребятъ и жену, и назадъ придетъ. Таковыя разы уже не разъ были и на инкурѣ телячьей записаны чертами и рѣзами, со брегами широкими, и въ подвалъ подъ избой на сохрану положены.

Король молвить вѣнпъ, что ему самого Разлюляя жаль, но и дьякъ и подьячій съ приишью его успокоили.

— Нельзя никого сожалѣть намъ въ особину, пока все вообще еще не устроилось. До всеобщей устройки кто-нибудь пусть потерпитъ, для другихъ постарается и за то будетъ весьма польза въ будущемъ, а ему это зачтется на тотъ свѣтъ душевнымъ спасеніемъ.

И изволилъ сказать король, чтобы собрать Разлюляя въ путь, а кормовъ ему присудили дать небольшимъ положеніемъ: толоконца за пазуху да узелокъ соли въ три почкы, а дальше пусть чѣмъ самъ знаетъ, тѣмъ пусть и кормится.

Сытѣ его снаряжать и не стоило, потому что дѣло, за которымъ шелъ онъ посломъ, совсѣмъ ненадежное. Весь народъ о томъ знаетъ отъ бояръ сановитыхъ доподлинно. Да кромѣ того Разлюляю нигдѣ кормовъ и не надобно. Оголодаеть, такъ можетъ либо ибѣсно спѣть, либо ударить хорошенечко вирисядку, и вездѣ себѣ хлѣба онъ выищеть, а ие выищеть, такъ и самъ возьметъ потихонечку. Вѣдь съѣстное тайно взять не грѣхъ, а благородиться Разлюлюю не для чего: на немъ чина большого не кладено; ударять по шеѣ—согнется, а запрутъ гдѣ-нибудь—выерзветъ подворотнею и опять пойдетъ веселехонекъ.

Измигуль же и нетягъ Разлюляй Разлюляевичъ не дуракъ тоже былъ: не взманила его большая честь, чтобы быть въ послахъ, и началъ онъ сильно отпрашиваться, и до той поры предъ трономъ въ половицу лбомъ стучалъ, что набѣжала у него на лбу шишка, какъ грибокъ, что зовется волыякою. Представлялъ онъ королю Доброхоту все доводы, что и не уменъ, и не знатенъ онъ, и на все языки не выученъ, и не съ каждымъ вровнихъ говорить можетъ,

а здѣсь безъ него дома ребятъ кормить некому и некому ихъ учить уму-разуму и почтенію королевскому.

Только просьбы его ни король, ни бояре не слушали, а сказали ему, чтобъ о дѣтяхъ своихъ нимало не плакался, потому что ихъ сошлютъ до его возвращенія къ самому королю на птичный дворъ и приставятъ утятъ стеречь, и будутъ имъ тамъ и кормъ вдоволь, и во всѣхъ смыслахъ наученіе; а самого Разлюляя вышинули за ворота, какъ онъ дома былъ, въ одномъ зипуншкѣ съ заплатами, въ рукѣ дубиночка, а на плечахъ обратъ конская,—будто онъ ходитъ да сбѣглыхъ коней ищетъ.

Нечего было больше дѣлать Разлюлюю, и пошелъ онъ искать дѣвицу-разгадчицу. И шелъ онъ все честь-честью самымъ смиреннымъ обычаемъ, нигдѣ ничего, кромѣ съѣстного, не кралъ, и когда не давали вина—не пьянствовалъ, а все шелъ впередъ; долго ли, коротко ли, и зашелъ онъ страсть какъ далеко, на самый почти край свѣта. Встрѣчалъ онъ на своемъ пути много разныхъ людей, и звѣролововъ, и коробейниковъ, и пахарей, и у всѣхъ, кого встрѣчалъ, всѣхъ разспрашивалъ, какой часъ важнѣе всѣхъ, какой человекъ пужнѣе всѣхъ и какое дѣло дороже всѣхъ; но никто этого разгадать не могъ. А обратно тѣ, кого онъ разспрашивалъ, сами хотѣли знать отъ него: отчего у него на лбу выскочила шишка волвянкою? А Разлюлій говорилъ про волвянку всякому разное: то будто онъ своему королю у Бога довѣчнаго живота просилъ и все въ землю кланялся, то будто самъ за свои грѣхи калялся. Наконецъ, повстрѣчался онъ разъ съ воровскимъ цыганомъ, подъ самую Пасху великую, и тоже сталъ у того цыгана про свое дѣло спрашивать; но цыганъ ему засвисталъ и показалъ въ перстахъ загогулину и говоритъ:

— Ты мнѣ прежде самъ скажи: хорошо ли жить у васъ подъ державою и отчего у тебя на лбу вспухла шишка волвянкою?

Разлюлій ему разсказалъ, что жить у нихъ очень сладостно, а что шишка у него сдѣлалась отъ большихъ молитвъ; но цыганъ говоритъ:

— Не обманешь, братъ, я и самъ богомоленъ, и посты держу, когда нечего ѣсть, а на лбу у меня нѣтъ еще шишки волвянкою. Признавайся поистинѣ.

— А поистинѣ, — говоритъ Разлюлій: — я въ банѣ мылся да съ полка свалился.

— Что же ты за полокъ-то не уцѣнился?

— Очень угорѣвши былъ.

— Вотъ, я вижу теперь, ты говоришь мнѣ все по совѣсти: ишь, какіе вы, братцы, счастливые—вась и кормить, и поятъ, и снны вамъ порютъ—чего еще надобно! Теперь мнѣ съ тобою вдвоємъ почевать не странно,—отвѣчалъ цыганъ, зубы скалючи, и обѣцалъ ему завтра натоцѣ отгадать все три загадки. Такъ легли они и накрылись зипуномъ Разлюляевымъ, а въ ночи встала цыганъ, съѣлъ все толокно, украсть обратъ, надѣлъ зипунъ, да и былъ таковъ.

Остался Разлюляй въ однихъ порткахъ да въ рубахѣ и поплелся въ пустынный скитъ, гдѣ жилъ высокій попъ Сирахъ, у котораго была одна ряса въ дырахъ, а читалъ онъ все книгу Премудрости; но только оказалось, что Сираха пона давно уже и на свѣтѣ нѣтъ, а на его мѣстѣ живетъ новый попъ. хотя ростомъ и низокъ, да зато на немъ сорокъ ризокъ, и онъ поетъ и читаетъ молебны съ акаоистами, а въ Сирахову книгу Премудрости не заглядываетъ. Ни откудова нѣтъ Разлюляю ни совѣта, ни помощи, только все ему бѣдства множатся, и идетъ онъ, самъ подъ собой земли не видитъ и проливаетъ слезы горячія. Тутъ-то надъ нимъ наконецъ Богъ и скалился—даровалъ ему встрѣчу желанную.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Самъ не свой Разлюляй шелъ все далѣе и зашелъ въ самый темный лѣсъ и заснулъ на мху на поляночкѣ и проспалъ съ полдня до полночи, а въ полночь прокинулся и увидѣлъ онъ тамъ при лунѣ старичка очень стараго, въ долгой рубахѣ до пяточекъ—стоитъ да съ лицъ лычко дереть, а устами поетъ тихо Спасовъ стихъ.

Разлюляй думаетъ: что это—либо сонъ снится мнѣ, либо видѣніе, или такой заправскій старикъ, которому въ ночи спать не хочется? А не лучше ли мнѣ, на всякій разъ, съ старичкомъ поздороваться?..—Взялъ и сказалъ ему по-учтивому:

— Помогай Господь тебѣ, дѣдушка!

Старикъ отвѣчаетъ:

— Будь и ты здоровъ, Какойто Какойтовичъ, и скажи, какъ тебя зовутъ иначе?

Разлюляй ему назвался.

— Хорошо,—говоритъ старичокъ: —Разлюляй—имя веселое; да скажи-ка мнѣ, Разлюляй, для чего ты здѣсь из-

мигульничаетъ, зачѣмъ у насъ по лѣсу шляешься? Или вы ужъ свои-то лѣса все повывели?

Разлюбай ему отвѣчалъ, какъ лѣса свели, да притомъ разсказалъ и зачѣмъ послать, и что претерпѣлъ, и какъ потерялъ все свои принадлежности; а старикъ ему говоритъ:

— Твое дѣло, братъ, для меня непонятное, ну а только сдается мнѣ, будто я тебѣ въ этомъ дѣлѣ помочь могу.

— Помоги, ради Господа, дѣдушка, а тебѣ Господь Богъ заплатитъ сторицей.

— Да, Господь-то, Господь, возьмъ намъ батюшка, а по Немъ и все братья мы, а ты, молодецъ, не зѣвай-ка, а полѣзай-ка вотъ этой глухою тропинкой; теперь ужъ гораздо ночи убилъ, уже волкъ умылся и кочетокъ пропѣлъ. Да иди не борзись, а съ терпѣнiемъ, и не брались никакъ дурнымъ словомъ, не гони отъ себя своего сохранныя-ангела. Такъ пройди ты черезъ весь долгій черный лѣсъ и придетъ тебѣ тамъ воперекъ пути холодная балочка; ты переплывъ вилавъ безъ страху черезъ холодную балочку, да пройди опять весь красный сосновый боръ и увидишь прогалинку, а на ней посредиѣ примѣтный калиновъ кустъ и отъ того куста поворотъ будетъ на полдень, и тамъ ты увидишь поляночку, а посреди той поляны стоитъ большой журавель окалѣченный: одно крыло у него все какъ слѣдуетъ, а другое повисши мотается, и одна нога тоже здоровая, а другая въ лубочекъ увязана. Не то его въ пѣть орель подшибъ, не то не знать для чего подстрѣлили княжны охотники: они убивать и звѣрковъ и птицъ, спаси Господи, какіе досужіе! А у меня есть внучка-дѣвчурочка, тутъ въ лѣсу со мной и выросла, да такая, Богъ дать, до всехъ сердобольная, что не обидитъ козявочку, — вотъ она того журавля нашла, да въ лубочекъ ему хворую ножку и подвила. Ну, теперь ей заботы и прибѣло: доглядаетъ его и даетъ ему зернышки, пока журавелько поправится, да дождетъ себѣ по поднебесью въ теплые края попутчинокъ. Тамъ и сама она, моя внучка-то, отъ поляны отъ той въ сторонкѣ на сухомъ взлѣбкѣ наннхъ овецъ пасеть. Ты узнаешь ее: такая дѣвица пригожая, глазомъ посмотришь — вѣкъ не забудешь, сколько свѣтитъ добра изъ пей. Она тамъ либо волну разбираетъ, либо шерсть придесть... Все сиротинкамъ готовитъ къ студеной порѣ на папки... Не гордись предъ пей, что ты королевскій посоль, а сироти ее:

она тебѣ можетъ все разсудить, потому что даръ ей отъ Бога свѣтлый даръ разумѣнія.

Разлюлий такъ и вскрикнулъ отъ радости.

— Боже мой!—говоритъ,—вѣдь ее-то мнѣ только и надобно! Про нее, про дѣвицу, мнѣ только и сказано; мнѣ другихъ никого бы не надо и спрашивать.

— Вѣстимо, не надобно. Кто въ суетѣ живетъ, тѣмъ развѣ могутъ быть явлены тайны сердечныя!

— А кто же еще тамъ съ твоею внучкой, какіе люди живутъ вмѣстѣ, дѣдушка?

— Господь съ ней одинъ тамъ, одинъ Господь-Батюшка. Онъ одинъ ее бережетъ, а людей съ ней никакихъ, милый, нѣтути.

— Какъ же она не боится одна въ глухой дебри жить?

Тутъ старикъ слегка понасунился.

— Полю-ка,—говоритъ,—заводить намъ про боязнь да про страхъ рѣчи негодяя! Чтѣ ей за страхъ, когда она про себя совѣмъ и не думаетъ!

— Господи! Вотъ это она и есть!—завоинилъ Разлюлий.— Вотъ это ее-то одну мнѣ и надобно!

И забылъ Разлюлий про всю усталъ свою, побѣждалъ шибко къ дѣвушкѣ. И на долю свою опъ больше не плачется, и на радости не свиститъ соловьемъ, и не прыгаетъ, и не лопочетъ варакуншкой, а поетъ благочестный стихъ:

«Какъ шелъ по пути слабый путникъ,
«А навстрѣчу ему Самъ Исусъ Христосъ».

Пробѣжалъ такъ Разлюлий безъ усталы весь и черный и красный лѣсъ, переплылъ безъ боязни холодную балочку, опозналъ и примѣтный калиновъ кустъ на поляночкѣ и увидѣлъ, что тамъ въ самомъ дѣлѣ стоитъ хромою журавль, одна нога въ лубочкѣ увязана, а самъ тихо поводитъ головой во все стороны и глазами вверхъ на небо смотреть и крыломъ шевелить, ожидаетъ попутныхъ товарищей. Но едва увидѣлъ журавль, что идетъ Разлюлий — чужою головою, вдругъ закурюкалъ и замахалъ живымъ крыломъ и запрыгалъ на здоровой ногѣ ко взлобочку. А тамъ, прислонившись у дерева, стоитъ вѣтвяной шалашъ, а преть тѣмъ шалашомъ старый пень, а на нѣ сидитъ молодая, пригожая дѣвушка, съ большою русою косой, въ самотканной сорочкѣ, и прядетъ овечью шерсть, а лицо ея добротою все свѣтится. Вокругъ нея ходитъ небольшое стадо овецъ,

а у самых у ея ногъ приотился старый, подтѣзлый заяцъ, рванья уши мотаются, а самъ лапками, какъ котъ, умывается.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Разлюляй подошелъ къ дѣвицѣ не борзо, не съ наскоку, а сталъ смотрѣть на нее издали, и лицо ея ему черезчуръ свѣтло показалось—все добра полно и вмѣстѣ разума, и нѣтъ въ ней ни соблазна, ни страха заботнаго — точно все, что для ней надобно, ею внутри себя уготовано. И вотъ видно ему, что встала она при его глазахъ съ пенушка, заткнула недопряденную шерстяную куделю за вѣточку и пошла тихо къ кусту, за которымъ стоялъ Разлюляй, тайно спрятавшись, и взяла тутъ изъ ямки мазничку дегтярную и стала мазать драмый бокъ дикой козѣ, которая тутъ же лежала прикрыта за кустикомъ, такъ что до этого Разлюляй и не видалъ ея. Тутъ уже Разлюляй и не вытерпѣлъ—вышелъ онъ навстрѣчу къ дѣвушкѣ и поклонился ей по-вѣжливому и заговорилъ съ ней по-учтивому:

— Здравствуй, красная дѣвица, до другихъ до всѣхъ ласковая, до себя беззаботная. Я пришелъ къ тебѣ изъ далекихъ странъ и принесъ поклонъ отъ короля нашего батюшки: онъ меня послалъ къ тебѣ за большимъ дѣломъ, которое для всего царства надобно.

Дѣвица поглядѣла на Разлюляя чистымъ взоромъ и отвѣчала:

— Будь и тебѣ здѣсь добро у насъ. Что есть въ свѣтѣ «король» — не знаю я, и изъ какихъ ты людей — это мнѣ все равно, а за какимъ дѣломъ ко мнѣ пришелъ — не теряй время, про то дѣло прямо и сказывай.

Въ-разъ понялъ Разлюляй, что съ ней кучерявыхъ словъ сынать не надобно, и не сталъ онъ дробить нустолайкою, а повелъ сразу рѣчь коротко и все нѣ-чисто.

— Такъ и такъ, — говорить, — вотъ что у насъ въ королевствѣ случилось: захотѣлъ наняъ король сдѣлать, чтобы всемъ хорошо было жить, а ничего это у насъ не спорится, не ладится, и говорятъ, будто все будетъ неладиться до той поры, пока не откроемъ премудрости: *какой часъ сажеть всѣхъ, и какой человекъ нужеть всѣхъ, и какое дѣло ооруже всѣхъ?* Вотъ за этимъ-то дѣломъ и посланъ я: и обѣцано мнѣ королемъ моимъ ласковымъ, что если я принесу отгадку, то онъ пожалуетъ мнѣ сто рублей, а если не принесу, то не миновать мнѣ тогда сметныхъ ста плетей!

Ты до всёхъ добра и жалостна, вотъ даже и звѣрки, и птицы къ тебѣ льнуть, какъ къ матери; пожалѣй же и меня, бѣдняка, красна-дѣвица, отгадай мнѣ премудрость, чтобы не пришлось мнѣ терпѣть на своемъ тѣлѣ ста плетей, мнѣ и безъ бойла теперѣ уже мочи нѣтъ.

Выслушала дѣвица Разлюлюеву рѣчь и не стала его ни измигульникомъ звать, ни разспрашивать: какъ набилъ онъ себѣ на лбу волдырь волыяною, а сорвала у своихъ ногъ придорожной травки, скрутила ее въ рукахъ и сокъ выжала, да тѣмъ сокомъ лобъ Разлюлюю помазала, отчего въ ту же минуту у него во лбу жаръ прошелъ и волыянка приинзилась. А потомъ дѣвица подошла опять къ своей шерстяной кудели и отвела нить пряжи длинную, и когда нить вела, замѣтно все думала, а какъ стала на веретено спускать—улыбнулась и молвила:

— Хорошо, что ты не задалъ мнѣ дѣло трудное, сверхъ моего простого понятія, а загадалъ дѣло Божіе, самое простое и легкое, на которое въ прямой душѣ отвѣтъ ясенъ, какъ солнышко. Изволь же ты мени теперѣ про эту простую премудрость твою по порядку разспрашивать, а я о ней по тому же порядку тебѣ и отвѣты дамъ.

Разлюлюй говорить:

— Молви, дѣвица, какой часть важнѣе всёхъ?

— *Теперешній*,— отвѣчала дѣвица.

— А почему?

— А потому, что всякій человѣкъ только въ одномъ въ теперешнемъ своемъ часѣ властенъ.

— Правда! А какой человѣкъ нужнѣе всёхъ?

— *Тотъ, съ которымъ сейчасъ дѣло имѣешь.*

— Это почему?

— Это потому, что отъ тебя сейчасъ зависить, какъ ему отвѣтить, чтобы онъ радъ или печаленъ сталъ.

— А какое же дѣло дороже всёхъ?

— *Добро, которое ты въ сей же часъ этому человѣку поспѣешь сдѣлать.* Если станете всё жить по этому, то все у васъ заспорится и сладится. А не захотите такъ, то и не сладите.

— Отгадала все!—вскричала Разлюлюй, и хотѣлъ сразу въ обратный путь къ королю бѣжать, но дѣвушка его назадъ на минуточку вскрикала и спросила:

— А чѣмъ ты, посоль, увѣришь посланшаго, что отвѣтъ ему отъ меня принесъ, а не самъ собой это выдумалъ?

Разлюляй зачесалъ въ головѣ и задумался:

— Я,—говорить,—объ этомъ, признаться, не взгадывалъ.

А дѣвица ему говорить:

— Ничего, не робѣй, я тебѣ дамъ для увѣренья его доказательство.

И научила Разлюляя дѣвица такъ учредить, что когда онъ придетъ къ своему королю, то чтобы сказать ему смѣло все, не боясь ни лихихъ людей и не ста плетей, а когда скажетъ все, то чтобы не брать съобъ ста рублей, а попросилъ ихъ въ тотъ же часъ раздать на хлѣбъ сиротамъ, да вдовамъ, и всей нищей братиѣ, для которыхъ Христосъ просилъ милосердія. И если король кромѣ ста рублей еще что посулитъ или пожалуетъ, то и того чтобы тоже ничего не взялъ, а сказать бы ему, что «я, молъ, принесъ тебѣ свѣтлый Божій даръ — простоту разумѣнія, такъ за Божіи даръ платы не надобно».

Отвѣчалъ Разлюляй:

— Хорошо; я такъ все и сдѣлаю.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Съ тѣмъ отошелъ Разлюляй отъ дѣвушки, и какъ она его научила, такъ онъ все и сдѣлалъ: пришелъ онъ и стать говорить съ королемъ все понестишѣ, не боясь ни дьяка, ни бояръ, ни обѣщанныхъ ему ста плетей; а ногомъ не принялъ отъ него приобѣщанныхъ ста рублей, а сказалъ ему слово про Божій даръ разумѣнія, за который нельзи ничьей платы брать и не надобно, потому что разумѣнье дано намъ отъ Господа.

Тутъ бояре, и дьяки, и подьячіе всѣ подвинулися съ свистомъ и съ хохотомъ, и всѣ въ-разъ надъ отвѣтами Разлюляя смѣялися и старалися сбить короля, чтобы онъ не вѣрилъ словамъ Разлюляевымъ, потому что скоморохъ будто самъ эти слова всѣ повидумалъ. Но, однако, король Доброхотъ показалъ и свое разумѣніе и на ихъ наученья не подался. Онъ сказалъ имъ:

— Вы въ людяхъ еще различать не умѣете, а я вижу, что эти слова Разлюляй самъ не выдумалъ. Если бы самъ онъ ихъ сложилъ пустолайкою, такъ просилъ бы, чтобъ дать ему приобѣщанныхъ сто рублей, а онъ, какъ я вижу, мнѣ вѣрный слуга: онъ не хочетъ отъ меня за свою службу ни креста, ни шеста, ни корысти, ни милости. Такихъ

слугъ, какъ онъ, у меня до сихъ поръ еще не случалось. Издаю впередъ повелѣнїе, чтобы по всей землѣ не смѣть звать Разлюляя измигульникомъ: онъ мнѣ лучше всѣхъ васъ старается. А вотъ васъ бы и всѣхъ распустилъ отъ себя съ большою бы радостью, да нельзя моему двору оставаться безъ челяди. Для того только вы мнѣ и надобны.

И захотѣлъ-было король Доброхотъ править по всей этой простой, явленной ему мудрости, чтобы было въ его землѣ добро каждому въ настоящій часъ, въ теперешней, безъ метанья очей въ непроглядныя отдаленности, да вступилъ ему въ мысли страхъ, что «а ну, какъ другіе въ сосѣднихъ земляхъ такъ не сдѣлаютъ? Вѣдь тогда одному-то мнѣ у себя на такой манеръ не управиться посреди другихъ временителей». И рѣшилъ онъ, что лучше ему сидѣть, какъ сидѣлъ, на престолѣ своемъ по-старинному, какъ и все временители, и держать въ одной рукѣ мечъ, а въ другой золотое яблоко. Разлюляю же онъ указалъ, чтобы отъѣхать далеко отъ стольнаго города и поселиться жить навсегда тамъ на пасѣкѣ, въ тепломъ амнанникѣ, и бѣтъ сотовый медъ съ огурцами и съ рѣпою, сколько похочется, а на базаръ не ходить и въ село не заглядывать, и у себя ввечеру за воротами не садиться на лавочкѣ, и про то, что слышать отъ ласковой дѣвушки, ни встрѣчному, ни поно-речному не рассказывать.

Но зато, когда сталъ Доброхотъ завѣщать свой престолъ королевичу, повелѣлъ онъ дьяку, чтобы списали всю эту исторію безъ одной безъ ошибочки золотою тростію на мѣхѣ и кожѣ, чертами и рѣзами, начертивъ строки безъ зализей, со берегами широкими въ все стороны, и прикладать ко былымъ словамъ въ стать письма небылишныя, гласныя и согласныя. И указалъ Доброхотъ завернуть этотъ синсокъ въ парчу и въ камку, и въ холстиночку, и положить на дно въ золотой ларецъ, и убрать въ теремной въ подваль подъ семь замковъ и за семью же печатями: пусть лежитъ тамъ до времени, пока перейдутъ временители.

Такъ это все въ аккуратѣ и сдѣлано, и списаніе до сихъ поръ лежитъ подъ печатями, а дѣла въ королевствѣ идутъ все опять по-старинному, и все тамъ опять не спорится, не ладится, а идетъ все, какъ было при дѣдахъ и прадедахъ. Не пришелъ еще, видно, часъ воли Божіей.

На томъ старая сказка и кончена.

Оглавленіе

XXIX ТОМА.

	стр.
Гора. Египетская повѣсть. (По древнимъ преданіямъ)	3
Повѣсть о богоугодномъ древоколѣ	91
Прекрасная Аза.	96
Скоморохъ Памфалонъ.	108
Чась воли Божіей. Сказка	166

